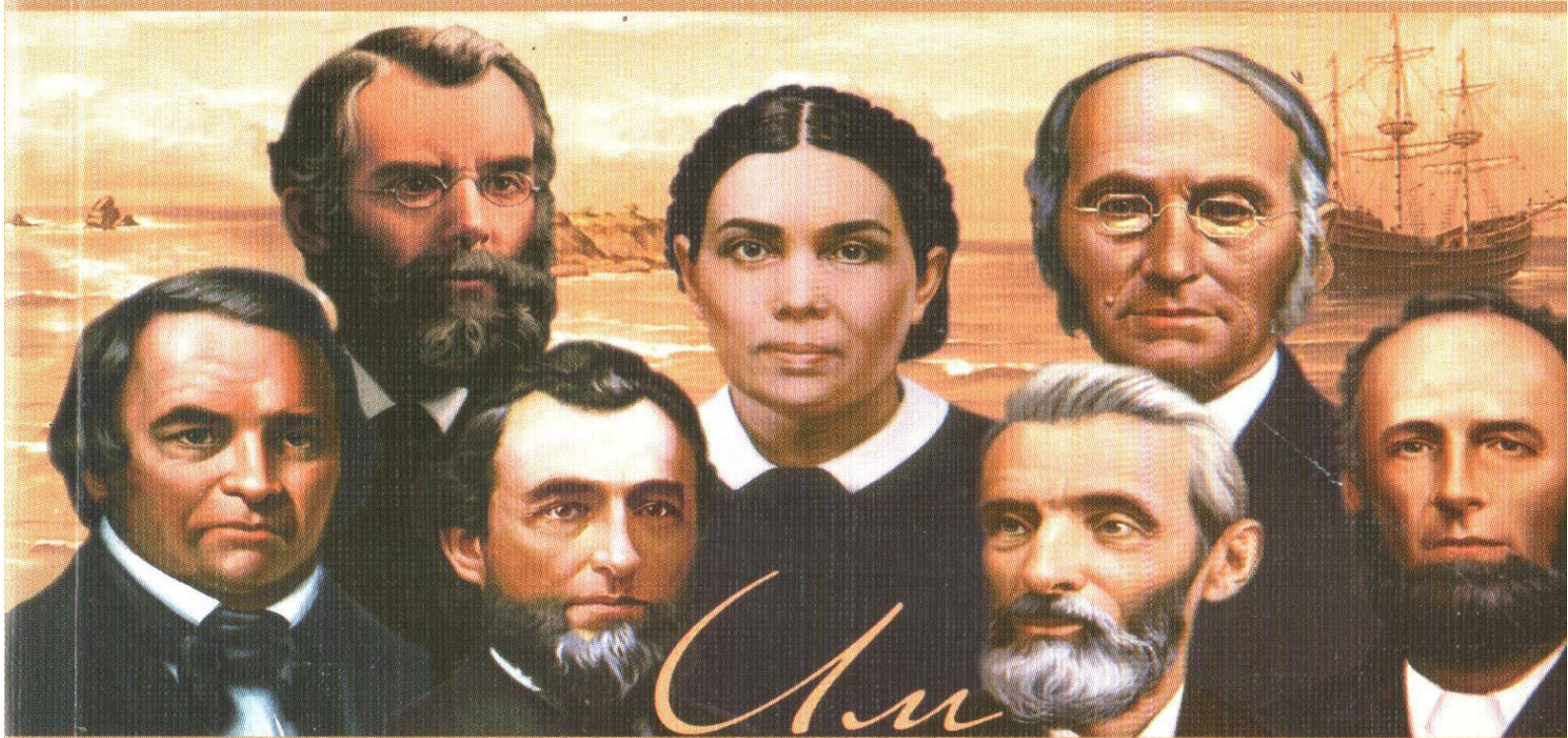
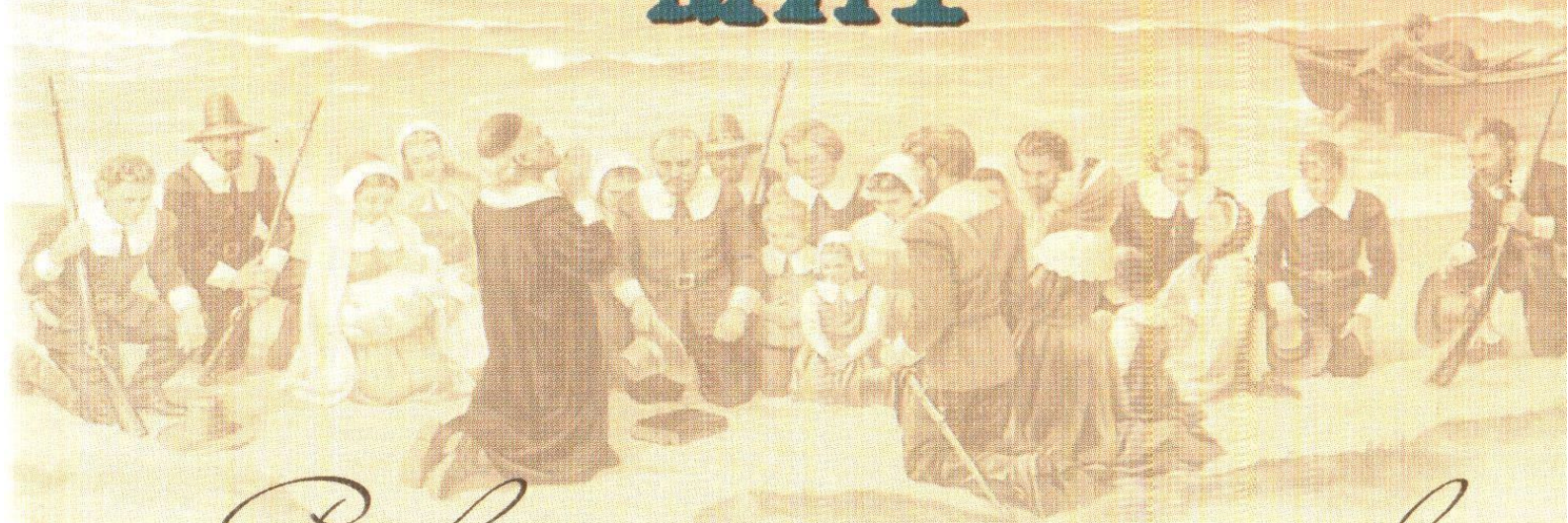

Адриэл Чилсон

предстояла
ПОКОРИТЬ
МИР

*Рассказы из жизни пионеров
адвентистского движения*

Им предстояло покорить мир

Оглавление:

Предисловие.....	2
Глава первая. Вестник второго пришествия	2
Глава вторая. Уникальная супружеская чета	8
Глава третья. Защитник субботы.....	18
Глава четвертая. Самый способный человек.....	25
Глава пятая. Проповедник-подросток.....	32
Глава шестая. Сын пророка	41
Глава седьмая. Его могущественное перо	48
Глава восьмая. Евангельский викинг.....	53
Глава девятая. Доктор на велосипеде.....	65
Глава десятая. Баттл-Крикская динамо-машина	69
Глава одиннадцатая. Совершая невозможное.....	76
Библиография.....	81

Предисловие

Истории о пионерах адвентизма никогда не стареют.

Это были сильные мужи и жены веры, исполненные решимости донести Благую весть до самых отдаленных уголков Земли, невзирая на снежные бури, непроходимые дороги или противостояние врагов.

Это были исследователи Слова, всегда открытые для водительства Святого Духа в поисках преданных забвению истин. Благодаря своей жертвенности и решительности они организовали школы, госпитали и издательства.

Эти великие начинатели не ограничивали свою работу только Северной Америкой. Начало 20-го века застало их с успехом совершающих служение в Европе, Австралии и на морских островах. Некоторые отправились покорять джунгли Латинской Америки, в то время как другие отдали свою жизнь в центре Африки.

Наш век - век невероятных преимуществ - предоставляет нам все возможности завершить их жертвенный труд.

Глава первая. Вестник второго пришествия

Уильям Миллер

Уильям Миллер никогда не помышлял о том, что его невинное увлечение библейскими пророчествами должно будет взбудоражить целую страну. Кафедра проповедника была последней из всего, что когда-либо могло прийти ему на ум. Однако вскоре толпы в десятки тысяч человек теснились вокруг него, дабы послушать «всего лишь старого фермера», обращающегося к ним с призывом приготовиться к возвращению Христа.

Уильям родился в 1782 году и был старшим из шестнадцати детей Уильяма и Паулины Миллер, проживавших на берегу озера Чэмплэйн в северной части штата Нью-Йорк. С самого детства Уильям испытывал неутолимую жажду познания. В то время как остальные члены семьи спали, он мог тихонько прокрасться к камину, зажечь сосновые щепки и при их свете читать «Историю Робинзона Крузо» или «Приключения Роберта Боули». Однажды ночью его отец проснулся и, увидев яркий свет в соседней комнате, подумал, что в доме пожар. Узнав, что это был свет от сосновых щепок в камине, он угрожающе закричал: «Билл, если ты не ляжешь в постель, я тебя выпорю!» Уильям не мог удовлетворить свою жажду познаний семейной библиотекой. Он вынужден был брать взаймы книги у соседей или покупать их, расходуя собственные скромные сбережения.

В 1803 году Миллер женился на Люси Смит и поселился на ферме возле Полтнея в штате Вермонт. Как и прочие молодые люди, Уильям рос окруженный религиозным влиянием, но он не пережил опыта обращения. Многие его товарищи, высоконравственные джентльмены, были деистами. Деизм учит, что Бог создал мир, дабы он функционировал по неизменным законам, в которые Он никогда не вмешивается. Здесь не было места для Спасителя, молитв, чудес или жизни после смерти.

Миллер с женой посещали церковь только для того, чтобы выглядеть порядочными гражданами и вести достойную общественную жизнь. Однако в церкви Уильям узнал, что является грешником. Он обратился к Библии и принял Иисуса Христа как своего личного Спасителя.

В 1816 году, отложив в сторону все книги и обращаясь только к Библии и симфонии Круденса, Миллер начал систематически изучать Писания. Особенным образом его очаровывали пророчества. Он ощутил непреодолимое желание постигнуть смысл текста Дан. 8: 14: «На две тысячи триста вечеров и утр, и тогда святилище очистится». В то время в религиозных кругах слово «святилище» относили к нашей Земле. Миллер заключил: если она будет очищена, то это должно произойти посредством огня во время возвращения Иисуса. Подобно многим своим предшественникам-исследователям, он установил, что в 1843 году должен окончиться период в 2300 дней (лет). «Примерно через двадцать пять лет, - писал он - все дела теперешнего мира должны прийти к своему завершению».

Пришествие Иисуса во славе, очевидцем чего он, Уильям, может стать еще при жизни, взволновало его. И не просто взволновало - это стало поводом для серьезного беспокойства. Он понял, что не может сознательно хранить в тайне такую радостную весть. В его ушах постоянно звучали слова: «Пойди и скажи об этом миру», Пытаясь возразить этому ясному призыву, он говорил себе: «Но ведь я всего лишь старый фермер». Однако беспокойные мысли не давали ему покоя. В конце концов, в 1831 году он упал на колени и пообещал: «Боже, если ты откроешь дверь, то я пойду и исполню свой долг перед миром».

«Тотчас, - писал Миллер позже, - все мое бремя свалилось с меня и я возрадовался, будучи уверен, что не буду призван для этого, ибо никогда не получу такого приглашения» (У. Миллер. Апология и защита, с. 17). Едва ли он мог предполагать, что в этот самый момент молодой человек мчался галопом на лошади в сторону его дома, чтобы просить Уильяма выступить с проповедью на следующий день, в воскресенье, перед небольшим собранием неподалеку от Дрездена.

Прошло меньше тридцати минут, как в дверь постучали и на пороге показался его племянник, юноша Ирвинг Гилфорд. «Отец хочет, чтобы вы пришли к нам завтра и говорили о Пришествии Христа. Служитель уехал, но мы соберем всех членов церкви в нашем ломе».

Нахмурившись и не произнеся ни слова, Миллер прошмыгнул мимо племянника и стремительно выбежал из дома. Его маленькая дочь Люси последовала за ним, но вскоре возвратилась и испуганно сказала матери: «С папой что-то случилось!» Это действительно было так. Переживая напряженный внутренний конфликт, Уильям зашагал по направлению к знакомой кленовой роще, сожалея о том обещании, которое дал всего

несколько минут назад. Но совесть его не давала ему покоя: стоило ли заключать завет с Богом, чтобы тут же нарушить его?

Со слезами он упал на колени и умолял Бога освободить его, но единственным ответом, который он получил, был настойчивый голос: «Пойди и скажи об этом миру».

Будучи человеком слова, Уильям спокойно вернулся в дом и согласился поехать с молодым человеком.

Его проповедование на следующий день прошло успешно. Он был сильно удивлен, как свободно мог говорить. Его пригласили остаться на всю неделю. Люди прибывали из близлежащих селений, и Миллер оказался в самой гуще незапланированного пробуждения. Ему сообщили о большом количестве обращенных. Вскоре после этого его просто засыпали приглашениями выступить с проповедью. Приглашений было так много, что он оказался не в состоянии удовлетворить всех.

Два года спустя после первой лекции Миллера поразительное исполнение библейского пророчества значительно увеличило общественный интерес к адвентистской вести. Это было падение звезд в ночь на 13 ноября 1833 года. Один из очевидцев события, профессор Йельского университета Денисон Олмстед, писал: «Все те, кому посчастливилось наблюдать явление «стреляющих» звезд утром 13 ноября 1833 года, видели, вероятно, величайшую демонстрацию небесных фейерверков с момента сотворения мира ... Интенсивный метеоритный дождь был таких масштабов, что мог покрыть невообразимую часть поверхности Земли от средней Атлантики на востоке до Тихого океана на западе и от северного побережья Южной Америки до необозначенных регионов среди британских владений на севере».

Другой очевидец писал: «Звезды падали, «как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои». Произошло точное исполнение предсказанного пророком ... Они летели, они были роняемы, как незрелые плоды, которые поначалу отказываются покидать ветку» (Генри Уорд. Нью-Йорк Джорнал оф Комменс, 14 ноября 1833).

Во время своих лекций в штате Массачусетс в октябре 1839 года Миллер получил приглашение от Джошуа Хаймса выступить в его церкви в городе Бостон. Хаймс был невероятно впечатлен и после одного вечернего служения спросил:

- Вы действительно верите тому, что проповедуете о Пришествии Господа?

- Конечно верю, - ответил Миллер, - иначе я не проповедовал бы об этом.

- Тогда позвольте спросить: что вы делаете, дабы об этом узнал мир?

- Я делаю все, что в моих силах.

- Однако все это слишком незначительно. Благодаря

вашим усилиям об этом узнают лишь немногие люди. Если Христос придет через несколько лет, об этом должны услышать большие города.

- Знаю, знаю, брат Хаймс, но что может сделать старый фермер? Хотя многие служители открыли для меня двери своих церквей, никто из них не предложил мне помощь. - Пойдете ли вы со мной туда, где откроются двери? - спросил Хаймс.

Миллер ответил:

- Я готов идти повсюду и делать все зависящее от меня до конца.

Хаймс был именно тем человеком, в котором нуждался Миллер, чтобы исполнить возложенную на него важную работу. Он был человеком действия, прирожденным организатором. С этого времени Хаймс начал путешествовать вместе с «отцом Миллером»,

Дабы весть распространялась шире и быстрее, Хаймс предложил издавать газету, однако он не располагал необходимыми средствами для организации этого дела. Когда он поделился своей мечтой перед одной из своих аудиторий, поднялся старый морской капитан из штата Мэн и протянул ему серебряный доллар. Этот единственный доллар зажег веру Хаймса, и он начал печатать еженедельную газету под названием «Знамения времени».

Адвентистская весть обладала неотразимой силой. Вскоре к ее провозглашению присоединились многие выдающиеся служители: Лоренцо Флеминг, пастор церкви «Каско стрит Кристиан Черч» в Портланде, штат Мэн; Элон Галуша - сын губернатора штата Вермонт, проповедник баптистской церкви; Эдвард Уинтроп - пастор епископальной церкви «Сэйнт Полз» в городе Цинциннати, штат Огайо; Чарльз Фитч, пастор конгрегационалистской церкви «Мальборо Стриг» в Бостоне; Иосия Литч, методистский священник.

Чарльз Фитч изготовил пророческую схему, изображающую большого истукана из второй главы книги пророка Даниила и зверей из книг Даниила и Откровения. Это наглядное пособие с указанием дат и событий способствовало лучшему пониманию и запоминанию вести слушателями.

К эффективному безмолвному вестнику «Знамения времени» присоединились другие издания: «Адвентистский щит», «Труба предостережения», «Радостные вести». В это же время в Нью-Йорке Натэниэль Саусард издавал и распространял еженедельник «Полночный крик». В одно время, чтобы увеличить интерес к вести, он печатал по 10000 экземпляров ежедневно на протяжении четырех недель. Некоторые публикации были переведены на французский и немецкий языки. Адвентистские печатные издания были разосланы большими упаковками начальникам почтовых отделений с просьбой сделать их доступными для каждого, кто пожелает их прочитать. Они были также вручены капитанам кораблей с указанием оставлять их в портах следования по всему миру.

В больших городах были организованы читальные залы, дабы сделать доступными эти газеты и книги для большего числа читателей. Копии схем Фитча были напечатаны в уголке на листах почтовой бумаги для писем. Плакаты на рождественскую тему были украшены соответствующими текстами. Хаймс предложил снабдить соответствующей литературой каждого служителя, чтобы «Ни у кого из них не нашлось извинения» (Римл.1:20- англ. перевод).

Поскольку общественные залы и церкви не могли вместить толпы людей, адвентисты обратились к методистской практике лагерных собраний, впервые используя ее в июне 1842 года в городе Хэтли, провинция Квебек, Канада. Этому примеру незамедлительно последовали в Ист Кингстоне, штат Нью-гемпшир. Тысячи людей устремились туда на поездах, в почтовых каретах и экипажах. Огромный шатер для проведения лекций был окружен жилыми палатками, предоставляющими достаточно места для размещения семей и церковных групп. Идея лагерных собраний имела такой успех, что их проводилось не менее 30 каждое лето.

Адвентисты установили рекорд самой большой палатки, когда-либо воздвигнутой в Соединенных Штатах.

Е. С. Уильямс, обращенный в адвентизм производитель палаток из Рочестера, штат Нью-Джерси, предоставил палатку 36 метров в диаметре, в которой можно было рассадить 4000 человек и предложить еще 2000 мест для людей, стоящих в проходах. Этот огромный шатер устанавливали восемь раз в течение летнего периода 1842 года. В Чикопи Фоллз, штат Массачусетс, был арендован палаточный лагерь общины методистов, чтобы использовать его сразу же после их лагерных собраний. Смотритель имущества - высокий крепкий мужчина по имени Хирам Мюнгер - позднее описывал свои впечатления:

«Их огромный шатер прибыл в среду Когда они показали мне длину опорного шеста будущей палатки, я был чрезвычайно удивлен. Шест должен был возвышаться над землей на шестнадцать с половиной метров.

... Шатер покрывал все наши сидения и опоры по сторонам. Вокруг него было двадцать пять опор - прежде я никогда не видел даже наполовину меньшей палатки. Я и другие мужчины мысленно или вслух выражали сомнения: «Где взять такое количество людей, чтобы наполнить шатер?» ... В следующее воскресенье люди начали съезжаться с утра и продолжали прибывать, пока весь шатер не оказался заполненным. Окружавшие его палатки и вся роща в буквальном смысле были наводнены людьми. Проповеди выслушивались с большим вниманием ...

Когда брат Хаймс впервые обратился с призывом к грешникам выйти вперед, чтобы за них помолились, я подумал, что он не в себе, поскольку даже наши собрания увенчивались незначительным успехом, так что я не рассчитывал, что кто-нибудь выйдет вперед. Я продолжал наблюдать. Было пропето всего три первых куплета гимна, и началось такое движение к помосту, где стоял проповедник, которого мне прежде никогда не приходилось наблюдать. У меня перехватило дыхание, я был так удивлен, видя множество протискавшихся вперед через наши ряды людей, что некоторое время не мог вымолвить ни слова. Истинно, подумал я,

«Господь присутствует на месте сем, а я не знал!» Когда возносилась молитва, совершалась такая работа, какой прежде не видели на этой Земле» (Хирам Мюнгер. Жизнь и религиозный опыт, с. 37-39).

Адвентистская весть распространялась по всей Америке, и сотни тысяч внимали ее призыву. Миллеритское движение было живым и возрастающим. Его скромный лидер насчитал «примерно 400 служителей», разделявших и провозглашавших его взгляды, и около 500, принимающих участие в работе как общественные лекторы. Однако его современник Лоренцо Флеминг приводит более реальную цифру – от 1500 до 2000 лекторов. В январе 1844 года, согласно подсчетам Миллера, он почти за 12 лет прочитал 4500 лекций, по меньшей мере, для 500000 человек (см. Знамена времени, 31 января 1844 года).

Шесть месяцев спустя Джошуа Хаймс умолял: «Нам нужна тысяча людей, «исполненных веры и Духа Святого», чтобы выйти на поля на востоке, западе, севере и юге и обратиться с вестью предостережения. Кто оставит все ради Христа и пойдет?» (Адвэнт Геральд, 17 июля 1844 г.).

Каким напряженным было для них это время! Журнал «Полночный крик» сообщал о том, что в их офис поступило 3500 писем в течение 1843 года. Провозглашение вести, безусловно, не было уже чем-то «происходящим в углу» (Деян.26:26). Бостонская газета сообщала о собрании в 10000 человек, которые наблюдали крещение адвентистов, проходившее под открытым небом.

К сожалению, собрания миллеритов, которые обычно проходили организованно, не всегда были свободны от людей, прерывавших лекторов своими вопросами, и фанатично настроенных лиц. Однажды один «шутник» вошел в переполненный зал и крикнул: «Пожар!» Но в быстро редееющей толпе никто не пострадал, и собрание вскоре прекратилось. Другой неприятный случай произошел в Вашингтоне. По всему городу были розданы буклеты и на главных перекрестках расклеены плакаты о том, что Уильям Миллер должен выступить с речью на ступенях Бюро патентов в воскресенье 22 октября. Толпа, насчитывающая от 5 до 10 тысяч человек, заполнила улицы на два квартала вокруг. Когда, в конце концов, люди узнали, что Миллера нет в городе и сообщение было не чем иным как шуткой, они ушли, возмущенные и разочарованные. Однако это большое стечение народа показало искреннюю заинтересованность людей в лекциях Миллера.

Миллер никогда не назначал точной даты явления Господа. В действительности он опубликовал свой взгляд относительно того, что период в 2300 лет заканчивается где-то между 21 марта 1843 года и 21 марта 1844 года. В это время должно завершиться время испытания, Иисус должен прийти за Своим народом и очистить святилище (Землю) посредством огня. Сторонники Миллера побуждали его установить точную дату, но он настойчиво отказывался, объясняя свою позицию таким образом: «Если Христос придет, как ожидаем, то мы вскоре воспоем песнь победы; если нет - будем бодрствовать, молиться и проповедовать до тех пор, пока Он придет. Ибо скоро наше время окончится и все пророческие дни исполнятся» (Адвэнт Геральд, 6 марта 1844г.).

Размышляя о возвращении Спасителя, Миллер чувствовал особенное радостное воодушевление, никакая другая тема не могла сравниться с этой по силе вдохновения. Об этом ясно свидетельствует его частная переписка:

«Вот небеса омрачились от облаков, солнце скрылось; луна, бледная и одинокая, повисла посреди неба; раздаются гласы; семь громов проговорили своими голосами ... В этот ужасный момент - смотрите! Смотрите! О, смотрите и узрите! Что значит этот луч света? ... Вселенная наполняется торжеством! Он грядет! Он грядет! Вот, Спаситель грядет!» (Уильям Миллер. Письмо к Трумену Гендриху, 26 марта 1832г.).

Наконец наступил, а потом канул в вечность 1843 год, но Иисус не пришел. Далее обеспокоенные ожидающие увидели, как и день 21 марта 1844 года растворился в ночи, не обозначив никакого значимого события в истории. Где же был Иисус, увидеть Которого так стремилась их душа? Где-то была допущена ошибка! «Будьте терпеливы. Он придет!» - увещевал Миллер.

Летние месяцы были посвящены повторному прилежному исследованию Слова. Самуэль Сноу первым выдвинул идею о том, что настоящее окончание периода 2300 лет должно произойти на десятый день иудейского седьмого месяца Тишри. Позже он установил конкретную дату - 22 октября 1844 года. Его аргументы казались слишком убедительными, чтобы от них можно было отказаться. Теперь те, кто требовал конкретной даты, имели в своем распоряжении логическое, научное обоснование.

В Экстере, штат Нью-Гемпшир, на августовском лагерном собрании брату Сноу было предоставлено достаточно времени, чтобы изложить свои идеи, на которые слушатели отвечали пламенными «аминь». Хотя известные лидеры отнеслись к его взглядам с заметной сдержанностью, весть о «седьмом месяце» распространялась с непреодолимой силой. Проповедь Сноу об определенном времени нашла свой отклик у целого ряда миллеритских проповедников. Один за другим лидеры движения поддавались его убеждениям и присоединялись к нему.

Иисус должен прийти меньше чем через два месяца! Верующие предостерегали своих ближних. Урожаи на полях были оставлены необранными. Коммерсанты закрывали свои магазины. Один портной в Филадельфии повесил на витрину своей мастерской вывеску: «Магазин закрыт в честь Царя царей, Который явится 22 октября». Самый большой магазин головных уборов в Рочестере распахнул свои двери 21 октября, и прохожим была предоставлена возможность разобрать шляпы, зонтики и т. д. Неподалеку пекарь раздавал свое имущество таким же образом.

Наконец наступил этот торжественный день! 22 октября отцы, матери и дети поднялись рано, ибо кто мог сказать, придет ли Иисус на рассвете, в полдень или вечером? Солнце поднималось все выше и выше, но верные продолжали бодрствовать и молиться. В последний раз они исповедовали свои грехи друг перед другом.

Однако не везде царило спокойствие. В некоторых городах собрались шумные хулиганы, которые бросали камни и палки в дома, выкрикивая: «Поднимайтесь! Поднимайтесь! Почему вы не возноситесь?»

В городе Париж, штат Мэн, грубые мужчины и мальчишки, окружив дома, где собрались верующие, выкрикивали проклятья и пели насмешливые песни. Двое из них облачились в белые одежды, которые сами себе смастерили, взобрались по лестнице на крышу и стали притворно молиться. Созерцавшие это уходили с места событий, разнося ложную весть о том, что адвентисты надели белые одежды для вознесения; и эти необоснованные слухи распространились по всей стране.

Перейдя полуденный рубеж, солнце спокойно продолжало свой путь по направлению к горизонту и вскоре исчезло из виду. Ночные тени еще раз раскинули свой покров над миром. Десятый день седьмого месяца закончился, а Иисус так и не пришел ...

Никакими словами невозможно описать кульминацию духовного восторга адвентистов, когда они пребывали в ожидании по домам со своими семьями. Некоторые собрались группами в домах для собраний, другие - на природе на открытом воздухе. С какой тревогой они пытались разглядеть хоть какие-то знамения приближения своего Царя! Но когда часы пробили полночь, их разочарование стало очевидным. Хирам Эдсон выразил свои чувства в автобиографической рукописи: «Наши величайшие надежды и ожидания рухнули, и нас охватил такой дух уныния, какого я никогда прежде не испытывал. Казалось, что потеря всех земных друзей не могла сравниться с этой потерей. Мы плакали и плакали до самого рассвета».

Пока большинство из тех, кто собрался в доме на ферме у Эдсона, убитые горем возвращались по своим домам утром 23 октября, Эдсон и несколько близких друзей пошли в его амбар, дабы помолиться и получить заверение в том, что Бог каким-то образом покажет им их ошибку. После завтрака Эдсон сказал Оувену Крозье - одному из сомневающихся друзей: «Пойдем, посетим братьев и утешим их». Вместо того чтобы идти по дороге, где можно было встретить насмешников, они пошли более прямым путем через поля. Посреди кукурузного поля Эдсон вдруг замедлил шаг. Как в видении, он увидел Христа-Первосвященника, покидающего Святое отделение Небесного Святилища и входящего в Святое Святых.

- Брат Эдсон, почему ты остановился? - окликнул его товарищ.

Эдсон ускорил шаг, чтобы догнать его:

- Слава Господу! Теперь мне все ясно! Святилище находится на Небесах! Не Земля должна была очиститься огнем, а должно было произойти такое очищение, как символическое в День искупления в древнем Израиле! Вместо того чтобы прийти с Небес на Землю, в тот день наш Первосвященник вошел во второе отделение Святилища на Небесах. Прежде чем прийти на Землю, Он должен совершить работу во Святом Святых.

Пока друзья шли, обсуждая эту фазу служения в земном святилище, они вспоминали древние прообразы, данные Израилю. Затем они поспешили от дома к дому, чтобы поделиться своим радостным открытием с

единоверцами. Вскоре Эдсон и Крозье разыскали общего друга, доктора Франклина Хэна, и провели с ним несколько дней, интенсивно изучая тему земного святилища. Они опубликовали свои исследования в газете «Дэй-Дон» и благодаря широкому распространению издания принесли новую надежду разочарованным адвентистам.

Тем не менее за опустошительным разочарованием последовало разделение. Некоторые вернулись в свои прежние церкви, отдельные группы назначали новые даты, иные увлеклись фанатизмом, а те, кто присоединился к миллеритам из-за страха неминуемого суда, просто утратили интерес к религии.

Однако искренние верующие обратились к Библии, чтобы вновь исследовать основание своей надежды. Они не нашли никакой ошибки в хронологии, но проследив типологию ритуалов древнего святилища, не обнаружили никакого основания для популярного ложного представления о том, что слово «святилище» относится к Земле.

Миллеру, Хаймсу и другим лидерам было очень нелегко вселить новую надежду в сердца разочарованных. Но Хаймс продолжал публиковать «Адвент Геральд» и посылать его согласно своему длинному рассылочному списку. Стойко сохраняя надежду, Миллер широко опубликовал свое твердое убеждение: «Держи, что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего». Я сосредоточил свой ум на другом времени, а здесь намереваюсь стоять до тех пор, пока Бог не даст мне больший свет. И это сегодня, сегодня, сегодня, доколе Он придет, и я увижу Того, по Ком тоскует душа моя» (Адвент Геральд, 27 ноября 1844 г.).

Миллер был до конца твердо убежден в том, что некая незначительная ошибка в хронологии, должна объяснить это разочарование. Он умер в декабре 1849 года, ожидая буквального незамедлительного Пришествия Христа.

Источники:

- Ф. Д. Никол. Полночный крик:
- Сильвестр Блосс. Воспоминания об Уильяме Миллере.
- Хирам Мюнгер. Жизнь Мюнгера.
- Ричард Шварц. Передающие свет Остатку.
- Сэконд Адвэнт Ревью энд Сэббат Геральд, 28 октября 1852 г.

Глава вторая. Уникальная супружеская чета

Джеймс и Эллиен Уайт

Вечерело, когда Джеймс и Эллиен садились в поезд, направлявшийся в Висконсин. Джеймс проследил, чтобы его наполненный литературой чемодан положили в багажное отделение; после этого супруги в поисках свободных мест прошли по первому вагону и заняли два свободных места. Раздался сигнал к отправлению. Встревоженная Эллиен не снимала шляпку и не выпускала из рук саквояж.

- Я чувствую себя беспокойно. Я просто не могу здесь оставаться, - произнесла она. - Пойдем в последний вагон.

Примерно через пять километров пути состав начал сильно вздрагивать и после сильного толчка остановился. Джеймс открыл окно и выглянул наружу. Вагон, находящийся прямо перед их вагоном, стал торчком. Ужасные крики пронзали ночной воздух. Локомотив ударился в спящего на рельсах быка и сошел с пути.

Рука об руку Джеймс и Эллен искали в темноте дорогу, пролегающую рядом с железнодорожным полотном. Они шагали по ней до тех пор, пока не добрались до дома фермера.

- Наш поезд потерпел крушение, - объяснили они фермеру, откликнувшемуся на их стук. - Много людей пострадало!

Не теряя ни минуты, фермер поехал в город Джексон, чтобы найти врачей для пострадавших. Он предложил Джеймсу поехать с ним. В Джексоне Джеймс обратился к брату-адвентисту, взял у него повозку и возвратился на ферму за Эллен.

На следующее утро они вернулись к месту происшествия, чтобы забрать из багажного вагона свою поклажу. Какое зрелище предстало перед их глазами! Вагон, в который они поначалу вошли, был разбит вдребезги. Последний вагон, в котором они ехали, стоял отдельно, находясь примерно в 30 метрах от предшествующего. Соединяющая муфта не была изогнута или сломана, а лежала на платформе. Вагон каким-то образом оказался отцепленным от состава. Эллен заметила: «Очевидно, это был ангел!»

Джеймс был пятым ребенком в семье Джона и Мэри Уайт, проживавших в городе Пальмира, штат Мэн. Джон служил дьяконом местной церкви Христианского Объединения. Чтобы прокормить семью, он трудился не покладая рук, стараясь вдохнуть жизнь в свои каменистые фермерские угодья. Поскольку фермерский труд был сезонным, он освоил профессию сапожника и научил этому ремеслу сыновей.

В отличие от своих братьев и сестер, Джеймс был очень болезненным. В двухлетнем возрасте он заболел недугом, который врачи называют глистной горячкой, результатом чего стала частичная слепота и косоглазие. Все попытки Джеймса посещать школу оказались тщетными, поскольку он не мог различать сливающихся перед его глазами букв. Однако в подростковом возрасте его зрение нормализовалось, и он вытянулся в привлекательного парня метр восемьдесят ростом.

Джеймс был зачислен в местную академию в Сэйнт Албане и по завершении обучения получил сертификат учителя. Во время учебы он сам зарабатывал себе на жизнь. Его пища в основном состояла из кукурузного пирога собственного приготовления и свежих яблок.

Примерно в это же время местное религиозное общество пробудилось от проповеди о Пришествии Христа. Хотя Джеймс сразу же отверг и высмеял эту доктрину, но все же в угоду матери посетил ряд лекций, которые проходили в местной школе. Проповеди были настолько сильными, а библейские тексты такими убедительными, что Джеймс решил: его долг - предостеречь мир.

В октябре 1842 года он посетил адвентистское лагерное собрание в Эксетере, штат Мэн. Позже юноша описал свои впечатления: «Собрание было большим, палатки многочисленными; проповедь была ясной и сильной, а пение гимнов о Втором пришествии обладало такой силой, какой я никогда прежде не наблюдал в священных песнопениях. Мой опыт ожидания Второго пришествия очень углубился на этом собрании, и к его завершению я почувствовал, что должен немедленно выйти на жатвенное поле и делать все возможное для провозглашения вести предостережения» (Джеймс Уайт. События жизни, с. 72, 73).

Но что мог сделать молодой человек без гроша в кармане для продвижения этого дела? О своих самоотверженных поездках он писал: «У меня не было ни лошади, ни седла, ни уздечки, ни денег, и все же я чувствовал, что должен идти. Я уже потратил заработанные в прошлую зиму деньги на необходимую одежду, посещение собраний, посвященных Второму пришествию, на покупку книг и пророческой схемы. Но отец предложил мне воспользоваться зимой нашей лошадью, а пастор Полли дал мне седло с оторванными с обеих сторон подушками и несколько кусков старой уздечки. Я с благодарностью принял все это и, радостно возложив седло на буквое полено, пригвоздил к нему подушки; затем соединил куски уздечки ковыми гвоздями. Итак, сбруя была готова. Спрятав на груди пророческую схему с несколькими буклетами на тему Пришествия, я застегнул все это под своим пальто и верхом на лошади оставил дом отца» (там же, с. 73).

Миллеритские проповедники обращали мало внимания на свои удобства. После того как Уайт завершил цикл лекций в Боудингхэм Ридж, у него совершенно не оставалось времени для отдыха. Он назначил следующую

встречу в школе, находившейся на расстоянии 25 километров от этого места. Джеймс сильно устал, и его единственным средством передвижения была лошадь. «Моя одежда промокла от пота, и я нуждался в отдыхе. Но была назначена еще одна встреча. Люди должны были собраться примерно через час, и мне предстояло проделать путь в 25 километров. Посему я поспешно попрощался с друзьями, с которыми и ради которых трудился, вскочил на лошадь и в пронизывающий холодом февральский вечер помчался галопом по направлению к Лисбон Плэйнс. Меня бил озноб, но не было времени, чтобы обращать на это внимание и согреться. Мои влажные одежды почти примерзли к телу, однако я продолжал мчаться галопом» (там же, с. 92).

У входа в помещение, где собрались люди, Джеймс спешил и бросил поводья стоящему поблизости человеку. - Пожалуйста, позаботьтесь о моей лошади, - попросил он. Войдя в церковь, Джеймс услышал, как пастор говорил прихожанам:

- Мне очень жаль, но я должен объявить вам, что наши планы расстроились. Проповедующий, которого мы ожидали услышать в этот вечер, не приехал.

Служитель поднял руки и сказал:

- Пожалуйста, поднимитесь для благословения.

Но прежде чем собрание смогло подняться на ноги, Джеймс закричал:

- Подождите! Я здесь!

- Отлично, - произнес служитель, и люди, прождавшие почти целый час, уселись на свои места. Извинившись за опоздание, Джеймс углубился в тему. В течение нескольких минут его зачехленные челюсти двигались с таким трудом, что он проглатывал некоторые слова. Но вскоре он согрелся и заговорил свободно.

В то время как Джеймс проповедовал перед собраниями вдоль реки Кеннбек, Миллер открыл серию встреч в церкви под названием «Каско Стриг Крисчиан Черч» в Портланде. Город был взбудоражен. Среди внимательных слушателей Миллера находились Роберт и Юнис Гармон со своими детьми: Каролин, Херриет, Джоном, Мэри, Сарой, Робертом и двойняшками Эллен и Элизабет. Многие люди, проходя вперед на сцену для молитвы, принимали учение Миллера о скором возвращении Иисуса.

Гармоны состояли членами методистской церкви, где отец семейства служил в качестве советника (его функции заключались в сборе откликов рядовых членов на проповедь). Когда руководителям общины стало известно о глубоком интересе Гармонов к миллеризму, эту семью исключили из церкви.

Как и тысячи других, Гармоны были опустошены и потрясены разочарованием 22 октября. В декабре Эллен было дано видение, изображающее Божий народ идущим по тропе высоко над миром. Видение сопровождалось картинами Пришествия Иисуса, воскресения, путешествия на Небо, а также некоторыми сценами о Новой Земле. Бог избрал Эллен Своей вестницей. Последующие видения, данные ей, открыли учение о святилище и другие важные библейские истины. Несколько месяцев спустя, она начала рассказывать о своих видениях публично. В обязанность Эллен также входило предостерегать верующих от зарождающегося фанатизма.

В течение зимы 1845-1846 годов Эллен почти постоянно путешествовала. Большую часть времени она провела в штате Массачусетс, где семья Отиса Николса гостеприимно распахнула перед ней двери своего дома. Одним из фанатичных учений, которому она была призвана дать отпор, являлась доктрина «неделания», распространяемая двумя фанатиками из Бостона - Серджентом и Роббинсом. Они учили, что Христос уже пришел «духовно» и началась тысячелетняя суббота, следовательно, всякая работа считалась грехом.

Однажды в выходные, когда Эллен со своей сестрой Сарой находились в доме Николсов, Серджент и Роббинс зашли, чтобы справиться о комнатах для ночлега. Менее всего они ожидали увидеть там Эллен, поскольку на самом деле боялись силы, сопровождавшей ее обличения.

Мистер Николе поприветствовал их.

- Мисс Сара и мисс Эллен Гармон в доме, - сказал он, - и я хочу познакомить вас с ними.

- Нет, нет, - ответили те, - мы не можем остаться; ничто не сможет заставить нас переступить порог этого дома.

- Хорошо, - произнес мистер Николе. - Но если мы приедем в Бостон, будет ли Эллен предоставлена возможность донести свою весть, и придете ли вы послушать ее и высказать свое мнение?

- О, да. Приезжайте в следующее воскресенье. Мы хотели бы послушать ее.

Мистер Николе наметил планы поездки вместе со своей семьей и сестрами Уайт в Бостон. Однако на семейном богослужении в субботу вечером Эллен было дано видение. Пробудившись от него, она сказала:

- Брат Николе, я не поеду завтра в Бостон. Господь показал мне, что я должна ехать в Рэндольф, поскольку Он имеет там для меня работу.

- Но как же быть с обещанием Сердженту и Роббинсу? - спросил Николе.

- Не беспокойтесь об этом. Господь показал мне, что мы поймем происходящее, когда доберемся туда.

Так и сделали. Когда они прибыли в Рэндольф, там находились Серджент и Роббинс, которые думали, что смогут ловко ускользнуть от них.

Утреннее собрание проходило в доме мистера Тэйера под пристальным наблюдением этих двух нечестных мужчин. Во время перерыва они хвастливо заявляли, что Эллен не сможет получить видение в их присутствии. Сразу же после полудня, когда совершалась молитва, Эллен была охвачена видением. В какой-то момент она лишилась всех сил, затем, наполнившись силою, встала на ноги и начала провозглашать свою весть, направленную против фанатичных учений. Чтобы заглушить ее, эти противники начали петь так громко, насколько им позволяли голосовые связки. Однако ее голос по-прежнему оставался ясным и проникновенным.

Мистера Тэйера не смогли убедить обвинения Серджента и Роббинса, что видение Эллен было от дьявола. Тэйер слышал о том, что дьявол может быть изгнан, если на медиума положить открытую Библию. Взяв со стола большую семейную Библию, он положил ее на мисс Гармон. Она тотчас подняла ее высоко, удерживая одной рукой. После этого с направленными ввысь глазами, девушка указывала пальцем свободной руки на сменяющие друг друга отрывки Писания и повторяла их вслух. Некоторые из этих отрывков осуждали нечестивых, другие содержали увещания, предназначенные для присутствующих. Несколько человек попытались стать на стулья, чтобы посмотреть, были ли цитируемые тексты идентичны тем, на которые указывала Эллен. Это действительно было так. Зная, что их влиянию над людьми положен конец, обезумевшие и сбитые с толку нечестивцы поспешно удалились (см. Э. Уайт. Духовные дары, т. 2, с. 75-79).

Уильям Джордан и его сестра Сара намеревались возвратить лошадь и сани их владельцу в Оррингтоне, штат Мэн. Они попросили Эллен сопровождать их и рассказать свои опыты местным верующим. Едва ли Эллен осознавала, что ожидает ее там. В Оррингтоне она встретила Джеймса Уайта, владельца лошади и саней. Несколько дней проведенных вместе предоставили им возможность для знакомства. Когда Джеймс вообразил все трудности путешествия и подумал о непреодолимой оппозиции, с которой время от времени приходилось сталкиваться этой девушке, он предложил сопровождать Эллен в поездке. Она охотно приняла приглашение от высокого привлекательного мужчины.

Несмотря на то, что с ними всегда находился третий взрослый человек, языки начали распространять сплетни. Эллен охватил страх. Она настолько привыкла опираться на Джеймса, что сама мысль о продолжительной разлуке казалась ей невыносимой. Джеймс предложил решение проблемы - они могут пожениться, если она не против.

- Эллен, - сказал он, - давай оценим сложившуюся ситуацию. Ты нуждаешься во мне, а я в тебе. Что же нам делать?

Они согласились проводить больше времени в молитве, предоставив это дело Господу. Когда молодые люди встретились снова, то решили, что им следует пожениться. Их свадьба проходила не в здании церкви, отсутствовали зажженные свечи, и новобрачных не посыпали на счастье рисом. 30 августа 1846 года они просто обменялись клятвами в присутствии мирового судьи.

Джеймс нашел работу на железной дороге, где, обдирая пальцы до крови, разламывал и перевозил камни. Хуже того, он никогда не мог получить плату, причитающуюся ему за эту работу. Тогда он пошел рубить лес на дрова за 50 центов в день. Эллен чинила его потрепанное пальто, пришивая заплатку за заплаткой, пока в нем стало трудно узнать основную ткань. Они не могли позволить себе картофель или масло, поэтому заменяли картофель репой, а вместо масла на хлеб намазывали овощное пюре. В одно дождливое утро супруги Уайт остались совсем без еды. Джеймс подумал о работодателе, который все еще был должен ему несколько долларов.

- Не отправляйся в путь в такой ливень! - умоляла Эллен.

- Но я не могу остановить дождь, - ответил Джеймс, надевая пальто.

Прошло больше двух часов, прежде чем он поднялся по ступенькам, неся мешок с провиантом. Пройдя пешком почти 10 километров, он побывал в городе Брунсуик, где его хорошо знали. Неожиданно картина мужа, несущего поклажу с продуктами на плече через весь город в проливной дождь, поразила сознание Эллен с неодолимой силой.

- Как мы докатились до такого? - запричитала она. Впоследствии она сожалела о том, что поддалась малодушию.

Джеймс вместе с Жоржем Хольтом и Джоном Белденом заключили контракт, чтобы выкосить 40 гектаров лугов и собрать сено в скирды, за что они должны будут получить 87, 5 долларов. Джеймс писал своему другу Стокбриджу Хаулэнду: «Слава Господу! Я надеюсь заработать здесь несколько долларов, чтобы употребить их на дело Божье».

Тем временем верующие в Вашингтоне, штат Нью-Гемпшир, на протяжении нескольких лет соблюдали субботу как седьмой день недели. Джозеф Бейте из Фэйрхэвна, штат Массачусетс, провел исследование, в результате чего написал и распространил брошюру на тему субботы. Джеймс и Эллен Уайт прочитали ее, но медлили с принятием решения, пока Эллен не были показаны в видении ясные и непреложные требования Божьи относительно святого дня. В это время в Новой Англии насчитывалось примерно 50 соблюдающих субботу адвентистов.

Некоторых может удивить факт, что Эллен Уайт не была автором ни одной из доктрин, которых придерживаются Адвентисты седьмого дня. В дни формирования Церкви небольшие группы руководителей часто проводили долгие вечера в совместном изучении Писания и молитве. Эллен вспоминает подобные опыты:

«Многие из нашего народа не осознают, насколько прочно заложены основания нашей веры. Мой муж, а также Джозеф Бэйтс, отец Пирс, пастор (Хирам) Эдсон и другие, столь же ревностные, благородные и истинные служители Церкви, были среди тех, кто, пройдя через 1844 год, взыскали Истину, как скрытое сокровище. Я встречалась с ними, и мы вместе настойчиво и горячо молились и исследовали Писание. Зачастую наши встречи продолжались до глубокой ночи, а иногда и всю ночь ... Когда братья доходили до места, смысл которого им не удавалось постичь, и говорили: «Мы исчерпались», тогда Дух Господень сходил на меня, я возносилась в видении и получала ясное объяснение текстов, которые мы исследовали ...

В течение всего того времени я не могла понять рассуждений братьев. Мой разум был как бы заперт на замок, и я не могла постичь смысл Писаний, которые мы изучали ... Братья знали: если я не нахожусь в состоянии видения, то не могу уяснить эти вопросы, и они принимали данные мне откровения как свет, исходящий с Небес» (Э. Уайт. Избранные вести, т. 1, с. 206-207).

26 августа 1847 года у супругов Уайт родился первый сын, Генри. Семья брата Стокбриджа Хаулэнда в Топшэме любезно пригласила молодую семью занять в своем доме второй этаж с меблированными комнатами. Из этого дома они часто отправлялись в путешествия, чтобы откликнуться на постоянные нужды новообразованных церквей.

Каким образом они могли собрать воедино рассеянное стадо с противоречивыми доктринальными воззрениями? Ответ был дан Эллен в видении.

«После этого видения я сказала мужу: «У меня есть для тебя весть. Тебе необходимо издавать небольшую газету и рассылать ее людям. Пусть в первое время она будет небольшой, но когда люди прочитают ее, они

станут посылать средства для ее издания и ее успех будет обеспечен. Мне было показано, что это скромное начало сможет превратиться в потоки света, очищающие весь мир» (Э. Уайт. Очерки жизни, с. 125).

Джеймс начал писать. Он назвал свою небольшую восьмистраничную газету «Истина для настоящего времени».

Позже ее объем увеличился до шестнадцатистраничного ежемесячника, переименованного в «Сэконд Адвент Ревью энд Сэббат Геральд».

Супруги Уайт ожидали того часа, когда смогут иметь постоянное место для своей издательской деятельности. В 1852 году они сняли очень большое помещение на Маунт Хоуп Стрит, 124 в Рочестере, штат Нью-Йорк, всего за 175 долларов в год. Этого помещения было достаточно, чтобы выделить квартиру для семьи Уайт (состоящей из четырех человек), расположить типографский офис и предоставить комнаты для штатных сотрудников, насчитывающих теперь 11 человек: печатник, наборщики, повар и нянечка. Нянечка была необходима в том случае, когда Эллен и Джеймс отправлялись в миссионерские поездки. Заработная плата этих тружеников была минимальной, а некоторые из них довольствовались только комнатой и пропитанием.

Однажды, когда Джеймс вернулся домой и, погрузившись в свои мысли, сел в кресло, Эллен заметила, что его что-то беспокоит.

- Подошло время издания очередного номера «Ревью», - объяснил он, - а у нас нет печатной бумаги и денег, чтобы заплатить за ее доставку.

- Сколько тебе нужно? - спросила его жена.

- 64 доллара, но, кажется, это равносильно десяти тысячам.

Эллен пошла в кабинет, сняла с гвоздя вязаный чулок и протянула его Джеймсу. Когда он начал вытряхивать его содержимое на стол, оттуда посыпались монеты достоинством в двадцать пять, десять, пять и один центов.

- Где ты взяла все это? - воскликнул он.

- Я собирала эти деньги в течение нескольких месяцев.

Надеюсь, этого хватит.

Суммы оказались достаточно, даже осталось несколько мелких монет. Благодаря бережливости и предусмотрительности Эллен удалось предотвратить этот кризис.

Ежемесячные журналы, книги и трактаты теперь свободно издавались благодаря маленькому печатному станку в Вашингтоне. В июне 1855 года желающие могли получить годовую подписку на «Ревью», «Юс Инстрактор», сборник для песнопений, а также комплект из 26 брошюр общей стоимостью в три доллара.

Несколько раз Джеймс выражал надежду на перемещение издательства по возможности подальше на запад. Затем поступило такое предложение из города Баттл-Крик, штат Мичиган, от которого он не мог отказаться. Четверо человек: Дэн Палмер, Киренис Смит, Джон Келлог и Генри Лайон предоставили по 300 долларов каждый для покупки участка земли и строительства двухэтажного помещения для издательства. Они также финансировали строительство дома для семьи Уайт и переезд всего штата сотрудников и оборудования. В ноябре 1855 года издательский коллектив из Рочестера упаковал вещи и осуществил долгожданный переезд.

Подготовка еженедельного номера «Ревью» для публикации требовала много времени и терпения. Каждая из его шестнадцати страниц содержала свыше 3000 слов, кропотливо набранных мелким типографским шрифтом. После издания каждого тиража необходимо было проделать утомительную работу - разобрать шрифт и каждую букву вернуть в ее ячейку в наборной кассе для шрифта. Во время печатанья, в перерывах между оттисками на шрифт нужно было наносить типографскую краску при помощи вращающегося валика. Для большей эффективности Джеймс Уайт модернизировал оборудование с помощью более мощного печатного станка. Затраты были частично покрыты фермером из Баттл-Крика Ричардом Годсмарком. Не располагая большими средствами, но страстно желая поддержать Божье дело, он продал пару своих быков и пожертвовал деньги на издательство. Всякий раз, бывая в городе, он останавливался возле типографии, слушал рев мощного станка и затем радостно восклицал: «Бак и Брайт тянут лямку! По-прежнему тянут лямку!»

До 1863 года, когда официально была организована Церковь Адвентистов седьмого дня, вопросу здорового образа жизни уделялось очень мало внимания. Невежество в этом вопросе было вопиющим. Врачи рекомендовали такие ядовитые вещества, как хлористая ртуть, стрихнин и ртуть. Предполагалось, что чем хуже лекарство на вкус, тем оно полезнее для пациента. Для лечения ревматизма советовали положить в свой ботинок мелкую монетку или носить в кармане картофелину. Чтобы остановить кровотечение из носа, нужно было держать монетку в 10 центов под своим нёбом. Для лечения облысения втирали лук с медом. При коклюше подвешивали на шею наперсток с пауком.

Пациентам, страдающим горячкой, позволяли лишь слегка увлажнить губы водой. Окна в их спальне наглухо закрывали от «ночного воздуха». Один молодой человек, проигнорировав указания врачей, подождя, пока вся его семья уснула, вылез из окна и выпил очень много воды просто из лошадиного корыта. На следующий день его горячка исчезла.

В 1863 году адвентисты из Батл-Крика взяли на себя инициативу в организации лечебного учреждения рациональной терапии, называемого Западным Институтом реформы здоровья. Это был предшественник знаменитого санатория Баттл-Крик, которым руководил доктор Келлог.

Получив видение 6 июня 1863 года, миссис Уайт писала: «Мы обязаны выступить против всякого невоздержания - невоздержания в работе, еде, питье и употреблении лекарств - и затем указать на Божье средство исцеления - воду, чистую мягкую воду. Она предназначена от болезней, для здоровья, очищения организма и удовольствия» (Э. Уайт. Рукопись, 1863).

В августе 1865 года во время прогулки с Эллен Джеймса разбил паралич. Обследовавший его врач выразил серьезную озабоченность в связи с его выздоровлением. За Джеймса возносились молитвы, и вскоре он вновь начал говорить. Однако понадобилось некоторое время, прежде чем он смог передвигаться без посторонней помощи. Поскольку на супругов Уайт произвело благоприятное впечатление осуществление программы по реформе здоровья в учреждении «Наш Дом на склоне горы» в Дэнсвилле, штат Нью-Йорк, они решили поправить свое здоровье именно там. К ним пожелали присоединиться также изрядно подуставшие и близкие к истощению Урия Смит и Джон Лафборо.

Доктор Джексон, главный врач учреждения, сказал Джеймсу, что ему следует пробыть там от шести до восьми месяцев. Джеймс нуждался в полном покое, как физическом, так и умственном. Водные процедуры и вегетарианская диета играли важную роль в процессе восстановления. Однако новоприбывшим адвентистским пациентам не понравились некоторые занятия, противоречившие их религиозным принципам, - игра в карты, танцы и театральные представления. Благодаря лечению Джеймс почувствовал некоторое облегчение, но его полное восстановление, казалось, проходило чрезвычайно медленно. По прошествии нескольких месяцев супруги Уайт возвратились домой.

1867 год ознаменовал собой начало эры лагерных собраний адвентистов седьмого дня. Первое из них состоялось в сентябре этого же года в Джонстаун Сентр, штат Висконсин. На следующее лето было проведено «генеральное» лагерное собрание в городе Врайт, штат Мичиган. Лагерные собрания предоставляли благоприятные возможности для встреч руководителей Церкви, для общения и вдохновения рассеянного стада. Дабы посетить эти встречи, супругам Уайт приходилось на протяжении каждого лета пересекать страну по восемь и более раз. Посещаемость последних лагерных собраний колебалась от 200 до 12000 человек.

После лагерного собрания, проходившего в 1878 году в Канзасе, супруги Уайт, сопровождаемые своей снохой Эммой, отправились поездом в Даллас, штат Техас. Там они намеревались провести теплую зиму с МакДермонсами, родителями Эммы. В дом МакДермонсов пришла болезнь, они очень обнищали и находились на грани голодной смерти. Эллен заметила: «Они выглядят как мертвецы», Джеймс добавил: «От них остались одни тени»,

Эллен дала им 40 долларов, а Джеймс купил мешок муки, ящик яблок, орехи, сахар и другие продукты. Затем Уайты уехали на лагерное собрание в Техас.

Всю осень стояла замечательная погода, но затем неожиданно резко похолодало. Джеймс писал сыну Уилли: «По утрам мы точим зубы о твердый лед, прежде чем применить их за завтраком».

Затем все начало засыпать снегом - он падал все сильнее и сильнее. Джеймс снял колеса с повозки и прикрепил пару полозьев, чтобы можно было передвигаться. Желая иметь дополнительный заработок, он привез бочонки с маслом из Мичигана вместе с другими продуктами, которые выгодно продал в Техасе. Затем он купил кожи быков и рысьи шкурки, чтобы продать их в Мичигане. За вырученные деньги Уайт помог погасить долг новой церкви «Дайм Тэбернекл» в Баттл-Крике, а также церкви в Оуклэнде, штат Калифорния.

Когда Джеймс узнал, что мул, стоивший в Техасе 80 долларов, может быть продан в Колорадо за 200, он замыслил выгодное предприятие. Он начал покупать мулов и держать их в загоне в Дэннисоне. Но однажды ночью мулы вырвались из загона и исчезли. Какой финансовый удар! Через некоторое время их все-таки обнаружили и пригнали обратно. Возвращению пропажи на место содействовал молодой Артур Дэниэльс, прибывший оказывать помощь в качестве секретаря пастора Уайта. В середине зимы из Баттл-Крика прибыла Мэриан Дэвис, чтобы работать литературным помощником Эллен.

В апреле передвижной караван семьи Уайт, насчитывающий 39 мужчин, женщин и детей, в восьми крытых повозках и одном двухместном экипаже отправился из Техаса в Колорадо. Разбивая лагерь на ночлег, путешественники образовывали круг из повозок, в середину которого помещали шестерых мулов Джеймса.

Одной из наибольших проблем был поиск и приготовление достаточного количества пищи... Эллен писала: «Никакого отдыха ... мы работали как рабы. Мы неоднократно готовили пищу до полуночи ... Распаковывать и запаковывать, торопиться ... варить, накрывать на стол – таков был наш распорядок дня».

Из-за ливневых дождей реки вышли из берегов. Приходилось избегать плавунцов, и возникало много других помех, когда повозки ломались или в лагере начинались болезни. Джеймс ехал верхом на лошади вдоль повозок и ободрял измученных путешественников.

Когда на их пути показался Канзас, они поспешно направились к лагерному собранию, проходившему в Эмпории. Здесь 700 участников богослужения сердечно приветствовали запыленных пилигримов и создали для них все необходимые условия. Эллен похудела почти на шесть килограммов и сказала, что чувствует себя столетней старушкой. Собрания закончились, и поезд из повозок покатил в Колорадо.

Перенесший четыре инсульта в свои неполные 60 лет, Джеймс Уайт теперь переложил большую часть ответственности за дело Божье на других людей. В начале августа 1881 года он заболел малярийной горячкой. В субботу, 6 августа, утомленный воинство уснул своим последним сном. Похоронным служением руководил Урия Смит. Это было самое большое служение из всех когда-либо проводившихся в Баттл-Крике.

После потрясшей ее потери мужа, Эллен искала уединения и покоя в их загородном коттедже в Колорадо. Она вспоминала многие счастливые дни, проведенные там вместе с Джеймсом. Эллен писала: «Я находилась среди гор, но в одиночестве ... одна-одинешенька! Божьи промыслы кажутся таинственными. Его намерения непостижимы, но я знаю, что они праведны, мудры и милостивы. Мое преимущество и долг - с терпением доверять Ему. Словами моего сердца во всякое время будут такие слова: «Он все делает ко благу» (Очерки жизни, с. 257).

После нескольких недель отдыха, Эллен посетила калифорнийское лагерное собрание в Оуклэнде, и когда открылся новый адвентистский колледж в Хилдсбурге, она решила поселиться там.

В 1885 году в сопровождении своего сына Уилли, его жены Мэри, их дочери Эллы и Сары МакЭнтерфер Эллен Уайт совершила вояж по адвентистским церквям Швейцарии, Италии, Англии, Германии, Франции и Скандинавии. Шесть лет спустя Генеральная Конференция попросила ее отправиться в новообразованную миссию в Австралии. В Мельбурне было организовано издательство «Эхо» и литературные евангелисты верно распространяли книги и трактаты по всей территории страны. Именно здесь имело место удивительное проявление Божественного водительства.

Во время пересечения Тихого океана Эллен в видении были показаны многие моменты, касающиеся австралийской миссии. В частности она увидела проблему Н. Д. Фолкхэда, казначея издательства. Будучи успешным бизнесменом, он снискал уважение братьев-адвентистов, однако никогда не порывал свои связи с масонской ложей.

Однажды друг спросил его:

- Что ты будешь делать, если сестра Уайт предоставит тебе свидетельство?

Он ответил:

- Это должно быть настолько сильное доказательство, дабы оно смогло убедить меня в том, что Господь дал ей весть для меня.

Но Святой Дух трудился над сердцем Фолкхэда. Однажды ночью ему приснилось, что у Эллен есть для него весть. По прошествии нескольких дней пастор У.К. Уайт сказал ему: «Моя мать хотела бы увидеться с вами, прежде чем вы уедете».

Хотя было уже далеко за полночь, он сразу же пошел в ее кабинет. Постучав в ее дверь, он вспомнил о своем сне.

- У вас есть что-нибудь для меня, сестра Уайт? - спросил Фолкхэд, после того как она поприветствовала его.

- Да, у меня есть весть для вас и вашей жены, и я хотела бы поговорить с вами, когда мы условимся.

Думая о своем сновидении, он настойчиво спросил:

- Не могли бы вы предоставить мне эту весть сейчас? Сестра Уайт открыла ящик в своем столе, вынула оттуда стопку напечатанных листов и начала читать то, что написала примерно год назад. Она описывала некоторые собрания тайных обществ, к которым принадлежал Фолкхэд. В то время как Эллен читала, он узнавал те самые слова, которые произнес на одном из этих собраний, а также отклики многих членов общества, выраженные на свойственном им языке. Она даже сказала ему, где он сидел, когда говорил с людьми. «Я слышала, как они обращаются к вам: Почтенный Владыка, - сказала сестра Уайт. Она описала сцены пьянства, имевшие место поздно ночью, и предостерегла Фолкхэда: если он не порвет свои связи с этим обществом, то оставит Истину и потеряет вечную жизнь.

Неожиданно мистер Фолкхэд побледнел и воскликнул:

- Сестра Уайт, вы знаете, что сейчас сделали?

- Нет. Я не думаю, что сделала что-нибудь необычное.

Пытаясь сдержать волнение, он воскликнул:

- Вы сделали тайный знак, известный лишь высокопоставленным членам общества. Только шесть человек во всей Австралии знают об этом знаке!

Со слезами на глазах он продолжал:

- Миссис Уайт, я приму свет, посланный мне Богом через вас. Я являюсь членом пяти лож, и три других находятся под моим контролем. Я прекращу свои деловые отношения с ними как можно скорее и порву с ними все связи.

Одной из первоочередных задач, которые предстояло решить в Австралии, была обшивка досками школы для молодых людей. Неподалеку от Куранбонга поселенцы освоили участок земли в 600 гектаров, несмотря на сообщения об его кислой и неплодородной почве. Вначале была сооружена пилорама для распиливания деревьев, необходимых для обустройства хозяйства. Одно за другим были возведены необходимые здания. День 28 апреля 1897 года был назначен датой открытия школы, но процесс завершения главного здания продвигался чрезвычайно медленно. Руководитель работ Меткаф Хээр разочарованно объявил, что дата открытия должна быть отсрочена.

Тогда Эллен Уайт принялась поднимать настроение людей. Целые семьи трудились в качестве добровольцев. Женщины стучали молотками, пилили и красили наравне с мужчинами. Девочки-подростки подносили кирпичи каменщикам. Они натирали мозоли и ранили свои руки, однако мазали их вазелином и продолжали работать.

Сара МакЭнтерфер и Хетти Хаскел прибили одну треть покрытия пола. Восхищенный прораб Хээр сделал комплимент:

- Большое значение имеет энергичный труд женщин.

Это побуждает мужчин работать намного активнее.

Здание было готово к началу школьных занятий вовремя, и количество учащихся вскоре достигло 50 человек. Когда учебный процесс шел полным ходом, люди из поселка были приглашены на банкет. Они ели овощи, фрукты и зерновые, выращенные на почве, считавшейся кислой и непригодной. Школа росла и процветала.

Эллен провела в Австралии девять лет. Она помогла открыть колледж в Авондэйле, санаторий и фабрику здорового питания. Здесь она написала классическое произведение о жизни Христа - книгу «Желание веков»,

Возвратившись в Калифорнию в 1900 году, Эллен Уайт нашла большой участок земли с двухэтажным домом (Элмсхэвен) и прилегающими постройками. Здесь на протяжении 15 лет она продолжала писать и давать наставления любимой ею церкви.

В хорошую погоду, управляя своей лошадью Нэлли, сестра Уайт часто предпринимала поездки в экипаже вместе с Сарой. Ее узнавали родители и дети по пути в Калистогу, и она никогда не отправлялась в путь с пустыми руками. Эллен всегда везла с собой детскую одежду и консервированные фрукты или книги и газеты, чтобы раздавать по пути.

Однажды некий посетитель Элмсхэвена выразил свое удивление, увидев какую одежду после стирки развешивала Сара на бельевой веревке. Некоторые из одежд были очень сильно заплаты.

- Кому принадлежат эти вещи? – поинтересовался посетитель.

- Матери Уайт.

- Не может быть!

Сара объяснила:

- Мать отдает все новые вещи и латает старые, поскольку считает, что нуждающиеся могут не знать, как накладывать заплаты.

В преклонные годы жизни Эдите Браунсбергер приходили на память чудесные воспоминания о времени, проведенном в Баттл-Крике. Она вспоминает, что Эллен Уайт никогда не отличалась крепким здоровьем и время от времени страдала от простуд, ревматизма или просто от общей усталости. Однажды, возвратившись домой после изнурительного путешествия, она почувствовала себя обязанной выступить на проходившей в воскресенье вечером официальной встрече в церкви в Баттл-Крике. Страдая от сильной простуды, она могла говорить почти шепотом.

Ее муж предложил:

- Эллен, может, я отменю встречу?

- Нет, - ответила она. - Бремя ответственности за выступление не покидает меня.

Он вынес ее из экипажа и проводил в церковь. Ее нужно было сопровождать к месту на кафедре. Очевидец события, Эдит Браунсбергер, вспоминала:

«После приветствия, открывающего собрание, она поднялась и, опершись на подлокотник, начала говорить. Ее голос звучал как слабый шепот. Моя подруга Элла и я сидели прямо впереди, но мы не могли расслышать ее слов.

Мною овладели мятежные чувства. Я не могла понять,' почему Бог любви мог требовать от Своего слуги таких непосильных и невозможных вещей. Я почувствовала, что не люблю такого несправедливого Бога и не хочу служить Ему.

В то время как в моей голове роились такие мысли, дрожь, похожая на электрический ток, пробежала по моему телу и меня затрясло. Затем я увидела сияние ослепительного света. Я не разглядела никакой формы или очертания. Свет исходил, как мне показалось, из отверстия в крыше. Мои глаза устремились туда как раз в тот момент, когда он намеревался проникнуть в здание. Свет перемещался над моей головой прямо к сестре Уайт. Он окутал ее, и все на кафедре было охвачено светом. Я была ослеплена и некоторое время не могла видеть.

Когда я снова смогла видеть, свет исчез и сестра Уайт стояла прямо на платформе кафедры. Она держала свою Библию в вытянутой руке, и ее голос звучал, как мелодичный колокольный звон.

Ее первыми словами были: «Бог послал Своего ангела и укрепил меня», Тогда я узнала, что ее исцелил ангел.

Все присутствующие в собрании были очевидцами исцеления, совершенного ангелом, но, насколько мне известно, только четыре человека видели свет ангела. Это были Джеймс Уайт, Мэри Кэлси Уайт, Элла Сандере и я. Мы никогда не забудем того, что нам довелось тогда увидеть.

После собрания пастор Уайт спросил меня:

- Ты видела ангела?

Когда я ответила утвердительно, он взял мою руку и произнес:

- Дитя, благодари Бога за то, что Он открыл твои глаза. Он сделал это для какой-то цели».

Источники:

- Джеймс Уайт. События жизни.
- Джеймс и Эллиен Уайт. Очерки жизни (1880).
- Эллиен Уайт. Духовные дары, т. 2; Избранные вести, т. 1.
- Артур Уайт. Биография Эллиен Г. Уайт, тт. 3, 4.
- У. К. Уайт. Очерки и воспоминания о Джеймсе и Эллиен Уайт, Ревью энд Геральд, 28 февраля 1935-24 февраля 1938.
- Урия Смит. В защиту старейшины Джеймса Уайта и его жены.

Глава третья. Защитник субботы

Джозеф Бейтс

Подросток Джо наслаждался жизнью моряка. Он мог наблюдать постоянно меняющиеся картины: огромных китов, играющих дельфинов и другие чудеса морской жизни. Он мог занять свое место на наблюдательном посту высоко на мачте или даже стоять на вахте у штурвала. Джо мечтал стать капитаном собственного корабля и плавать в Южную Америку, Африку и даже в Китай. Несколько недель назад он поступил на службу в качестве юнги на торговое судно «Фэнни», направляющееся в Лондон с грузом пшеницы.

На обратном пути рядом с кораблем следовала акула. Один из матросов прикрепил к веревке большой кусок мяса и погрузил его в воду, надеясь, что акула подойдет поближе и ее удастся загарпунить. Однако час за часом хитроумное создание избегало ловушки.

42 стр. (22 стр.)

К вечеру капитан приказал Джо взобраться на одну из мачт и обозреть горизонт, не приближается ли к ним какое-нибудь проходящее мимо судно. Не увидев ничего, Джо начал спускаться. Когда до палубы оставалось больше 15 метров, он оступился и, опрокинувшись, полетел вниз. К счастью его падение замедлилось, когда он ударился о качающуюся веревку, но мальчика отбросило в бушующее море. Намокшие тяжелые одежды мешали ему плыть. Капитан и матросы поспешили на корму и бросил и тонущему юнге веревку. Его вытянули на палубу совершенно обессиленным.

Вдруг кто-то вспомнил об акуле, плавающей весь день возле того самого борта, куда упал Джо. Когда матросы заглянули за противоположный борт, то заметили ее безмятежное скольжение рядом с судном. Сильно потрясенный этим рискованным опытом, Джо размышлял над своим спасением, произошедшим по воле Провидения, и чувствовал, что Бог каким-то образом сохранил его жизнь для цели, которую он должен будет осознать позже.

Джозеф был пятым ребенком в семье, где воспитывались четыре мальчика и три девочки. Отец Бейтса принимал участие в Революционной войне и по возвращении поселился в портовом городе Нью-Бедфорд, штат Массачусетс. Он хотел, чтобы его мальчики также стали солдатами, однако ежедневная привлекательная картина играющих волн и корабельных мачт оставляла у них мало желания пойти по стопам отца.

В возрасте неполных 15 лет Джозеф решил стать юнгой на корабле под названием «Фэнни». В течение последующих месяцев он совершил несколько вояжей в Европу. В мае 1809 года, заинтригованный возможностью посетить новую страну, он нанялся палубным матросом на корабль, направляющийся в Архангельск, в Россию. Помимо обычных опасностей, связанных с плаванием, угрозу представляла также продолжающаяся война между Англией и Францией. Обе страны угрожали захватить всякий корабль, который по первому требованию не зайдет в их порт, прежде чем продолжить движение к назначенной цели. Американские корабли могли получить приказ отправиться во французские или в английские порты. По этой причине капитан искал возможность попасть в Россию более близким к северному полюсу путем.

Однажды вечером, спустя несколько дней после отплытия из порта, судно оказалось окруженным айсбергами и туманом. «Давайте поменяем направление курса и подождем до рассвета», - настаивала команда, но капитан упрямо требовал продолжать плыть даже ночью.

Около полуночи перепуганный кормчий закричал: «Айсберг! Смерть впереди! Затем последовал ужасный удар. Джозефа отбросило к борту и оглушило. Придя в себя, он услышал крики товарищей, взывавших к Богу о милосердии. Корабль получил большую пробоину и должен был затонуть с минуты на минуту. Второй раз в своей морской жизни Джозеф столкнулся со смертью и серьезно задумался о вечной участи.

Команда поправила паруса и невероятным образом освободила корабль из льда. Откачивая воду день и ночь, они с большим трудом смогли доплыть до порта Шэннон в Ирландии. После двухнедельного ремонта в сухом доке, они снова счастливо продолжили свой путь. Однако их радость длилась недолго. Неожиданно появились два вражеских корабля. Подойдя ближе, они открыли огонь. Пушечные ядра с датских военных кораблей начали прицельно ложиться вокруг их судна. Чтобы спасти судно от повреждений, капитан приказал спустить паруса. Поскольку Дания была теперь под контролем Наполеона Бонапарта, капитан понял, что нарушил закон, зайдя в английский порт. Два военных корабля конвоировали американское судно до Копенгагена.

Но как мог Джозеф возвратиться в Соединенные Штаты? Спустя некоторое время он и его товарищи смогли сесть на корабль, плывущий в Пруссию, а оттуда переправились в Англию. И все же они по-прежнему находились вдалеке от дома, разделенные океаном.

Однажды пополудни прогуливаясь по пирсу, эти американские матросы спросили капитана из Бостона, не возьмет ли он их к себе на работу. «Конечно да, - ответил он. - Приходите завтра с утра»,

Однако в тот вечер, сидя в ожидании в комнате пансиона, они были напуганы громкими ударами в дверь. Строгий голос потребовал: «Именем короля, откройте!» Вошли двенадцать солдат. Они выполняли закон о «вербовке новобранцев», разыскивая молодых людей, чтобы насильно заставить их служить в королевском военно-морском флоте. Джозеф и его приятель предоставили американские документы, удостоверявшие их личность, тем не менее они были схвачены и заключены под стражу на всю ночь.

На следующее утро их доставили в порт и посадили на корабль королевского флота «Принцессу». Здесь они обнаружили 60 других американцев, незаконно и насильно отправленных на службу английским правительством.

На протяжении последующих пяти лет их перемещали с одного корабля на другой и каждая попытка к бегству оканчивалась неудачей. Когда в 1812 году Америка начала войну с Британией, одним из ее главных спорных вопросов была насильственная вербовка американских моряков. Но пока этот конфликт не был исчерпан, никто из узников не получил свободы.

14 июня 1815 года, после разлуки с родными, длившейся шесть лет и три месяца, Джозеф наконец достиг Нью-Бедфорда (теперь Фэйрхэвен). Какой прием ожидал его на Родине! По особой просьбе его возлюбленная Пруденс Най присоединилась к ним в тот вечер. До глубокой ночи он подробно описывал свои путешествия и приключения. Слезы безудержно текли по щекам, когда он рассказывал долгую историю своих несчастий. Около полуночи он проводил Пруденс домой. Хотя молодые люди не говорили об этом, но в глубине сердец знали, что принадлежат друг другу,

Джозеф снова вернулся в море. Он согласился плыть вторым помощником капитана в Германию. Корабль достиг пункта назначения, но внезапное резкое похолодание заковало судно в ледяные оковы до весны. В 1816 году Джозеф был назначен первым помощником капитана на бриге «Крайтерийен». Через год он отправился в плавание на другом торговом судне в Южную Америку. После возвращения на родину, Бэйтс нанес визит Пруденс и попросил ее руки.

- Я охотно выйду за вас замуж, - мягко ответила девушка. - Но скажите мне одну вещь: вы собираетесь провести остаток своей жизни в море?

- Ну, не совсем так, - ответил Джозеф. - Это тяжелая жизнь, но я убежден, что могу сколотить состояние. Вы никогда не будете страдать от бедности.

- А что вы имеете в виду под состоянием? - тихо спросила Пруденс.

- Я полагаю, сумма в 10000 долларов.

Пруденс была довольна, узнав, что Джозеф планирует рано уйти в отставку и найти себе другое занятие по душе.

Они поженились 15 февраля 1818 года. Вскоре Джозеф возвратился в море, которое так любил, на этот раз на грузовое судно, следующее в Германию. Задержки в разных портах выбили команду из графика. Яростные зимние штормы потрепали их корабль, он уцелел чудом.

Однажды сильный шторм отклонил поврежденное судно далеко от курса. Они отказались от намерения достичь Нью-Бедфорда в ту зиму и повернули на юг по направлению к Вест-Индии. Когда, наконец, экипаж добрался до родных берегов, Джозеф отметил, что это было самое долгое и самое опасное путешествие за всю его жизнь.

Стоял 1822 год. Капитан Бэйтс набрал команду на судно «Чэтсворт», отправляющееся в Южную Америку. Это плавание занесло его в южное полушарие намного дальше, чем он когда-либо бывал прежде. Здесь ночное небо весьма отличалось от знакомого северного неба, и капитан увлекся астрономией. Во время этого путешествия Бейте зарекся не пить и не курить. Еще одной порочной привычкой, которую он решил преодолеть, было сквернословие.

«Интересно, что это такое?» - подумал капитан Бэйтс, раскрывая небольшую новую книгу, которую только что вынул из чемодана. Это был экземпляр Нового Завета. «Очевидно, Пруденс положила мне что-то для чтения. Ну что ж, посмотрим». Так впервые он приступил к изучению Писаний. После своего возвращения в Фэйрхэвен Бэйтс присоединился к христианской Церкви, крестившись посредством полного погружения в воду.

Прошло полтора года, прежде чем капитан возвратился в море. К этому времени он почти достиг намеченной цели в 10000 долларов. Это должно было быть его последнее плавание на «Императрице», и половина всего дохода от предприятия должна была принадлежать ему. Бэйтс установил очень строгие правила для всей команды. На борту запрещалось сквернословить и употреблять спиртное. Каждое утро вся команда должна была собираться вместе в главной каюте для короткого богослужения. Хотя несколько человек ворчали, однако все же признали мудрость таких правил и уважали их.

В порту Сэйнт Кэтерин они продали весь свой товар и загрузились мукой и рисом. Когда Джозеф готовился отплыть в Рио-де-Жанейро, восемь бразильских джентльменов предложили ему по 50 долларов каждый за пассажирский перевоз. С попутными ветрами корабль быстро продвигался намеченным курсом.

Вдруг на горизонте показалось странное судно и начало быстро приближаться, поскольку шло не только под всеми парусами, но и благодаря усилиям множества гребцов. Стало ясно, что это пиратский корабль.

Перепуганные бразильские торговцы начали бегать взад и вперед в сильном возбуждении, ища безопасное место, чтобы спрятать свои небольшие богатства. Когда они пробежали через камбуз, повар указал им на большой котел с варившимся мясом. «Быстрее! Кладите сюда!» - приказал он. Все золотые монеты были брошены в котел.

Пираты взобрались на борт, перепотрошили весь корабль и унесли одежду, часы и другие ценности. Но они нигде не обнаружили денег. Когда грабители удалились, мясо из котла было съедено, а деньги возвращены владельцам.

Только через несколько недель завершилось последнее путешествие «Императрицы». Джозеф возвратился домой целым и невредимым, и его морские странствия закончились. Теперь его интересы были сосредоточены на гражданской жизни и улучшении общества. Он принимал активное участие в движении за воздержание и антиалкогольных кампаниях, а также примкнул к обществу борьбы против рабства.

Интерес Джозефа к астрономии оживился в ночь на 13 ноября 1833 года, когда в его спальне было светло, почти как днем. Он поспешил к окну, чтобы наблюдать такой сильный метеоритный дождь, который ему никогда прежде не доводилось видеть.

- Пруденс! Какая красота! - воскликнул он, когда к нему присоединилась жена.

- Но что это, по-твоему, значит, Джозеф?

- В 24-й главе Евангелия от Матфея Иисус предсказал именно это событие как признак Своего Пришествия.

Стоя под пылающим открытым небом, люди восклицали: «Мир горит!» Многие из них опустили на колени, взывая к Богу о помиловании.

По прошествии нескольких лет изучение религии в семье Бэйтс оттеснило на второй план все другие интересы. В 1839 году по приглашению друга Джозеф и его жена посетили пять лекций о Втором пришествии Христа, проводившихся в Северной христианской церкви в Нью-Бэдфорде. Находясь под сильным впечатлением, Бэйтс приобрел и буквально проглотил комплект 19 лекций Уильяма Миллера. «Что я могу сделать, чтобы донести эту удивительную весть до людей?» - спрашивал он себя.

Предприняв путешествие в Бостон, Джозеф разыскал Джошуа Хаймса - своего давнего друга, с которым вместе вырос. Хаймс сообщил, что недавно начал печатать газету «Знамения времени». «Я должен иметь эту газету, - замечил Бэйтс, вручая Хаймсу добровольные пожертвования. - Если наш мир просуществует еще три или четыре года, мы не должны терять времени».

Хотя капитан Бэйтс больше не выходил в море, однако имел дополнительные доходы. Он занимался «шелковым» бизнесом, руководил реконструкцией главного моста в Нью-Бэдфорде и организовал училища для мальчиков в принадлежащих ему помещениях. Его состояние достигло 14000 долларов (по современным меркам около 200000 долларов).

Но где он должен был начать распространять весть о блаженном упоении? Для этого были выбраны школьные здания в близлежащих городах. Затем Джозеф подумал о Юге. Он должен первым обратиться с предостережением к рабовладельцам и их рабам. Организовав команду со своим другом, кузнецом Х. С. Герни, они решили, что Бэйтс будет проповедовать, а Герни петь.

Они начали свое служение в школьном здании в Чисапик Бэй на Кент Исланде. Встречи проходили в течение пяти дней, однако, не без сопротивления. Один агрессивно настроенный противник, потрясая кулаком перед лицом Бейтса, громко кричал:

- Мы выкатим вас из города вон по рельсам!

- Мы всегда готовы, сэр, - ответил Бэйтс. - Если вы наденете на них седло, мы, конечно же, лучше поедem верхом, чем пойдем пешком.

Толпа рассмеялась, услышав такой остроумный ответ.

Затем уже серьезным тоном Джозеф продолжил:

- Вы ведь не думаете, что мы проделали путь в 960 километров через лед и снег за собственный счет без того, чтобы прежде не подсчитать расходы. И теперь если у Господа больше нет для нас дела, мы должны лежать у

основания Чисапик Бэй или где-нибудь еще, пока не придет Господь. Но если у Него есть для нас какая-либо работа, вы не сможете повредить нам.

Первоначально вычисленное Уильямом Миллером время возвращения Христа оканчивалось весной 1844 года. Когда Христос не пришел в назначенное время, тысячи ожидающих были разочарованы, однако с верой надеялись, что это событие должно быть не за горами. По-прежнему проводились встречи, на которых верные получали ободрение. Проходили лагерные собрания, и наиболее памятное из них состоялось в августе 1844 года в Экстерере, штат Нью-Гемпшир. Когда пастор Бэйтс проповедовал, его прервала женщина: «Слишком поздно останавливаться на истинах, с которыми мы все давно знакомы. Господь имеет здесь слуг с новым светом. Пусть они говорят, и пусть люди услышат их».

Бэйтс тотчас освободил кафедру для Самуэля Сноу, который только что прибыл на взмыленной лошади. При помощи убедительных доказательств Сноу представил новую дату - 22 октября. Исследования Сноу привели его к десятому дню седьмого месяца иудейского религиозного года. Это означало, что для приготовления оставалось примерно десять недель. «Новый свет», подобно безудержному огню, распространился повсюду. Однако Миллер и Хаймс вели себя слишком сдержанно, чтобы принять новую дату.

Когда наступил и окончился день 22 октября, Бэйтс больше никуда не хотел выходить из своего дома. Но жизнь должна была идти своим чередом. Они должны были убрать свой урожай на полях и готовиться к зиме.

1844 год был исключительным во всех отношениях.

Призыв «На Орегон!» огласил воздух. В Картэйже, штат Иллинойс, толпа убила руководителя мормонской церкви Джозефа Смита. В мае новый телеграф послал свое первое юбилейное сообщение из Вашингтона в Балтимор: «Вот что сделал Бог». 21 октября четырнадцатилетний сын Джозефа и Пруды Джозеф-младший последовал по стопам своего отца и ушел в море на китобойном судне «Маркус».

По прошествии нескольких месяцев пастор Бэйтс узнал, что небольшая группа верующих в Вашингтоне, штат Нью-Гемпшир соблюдает субботу как седьмой день недели. Всегда открытый к принятию новой истины, он принялся исследовать этот вопрос. Всенощное изучение Библии вместе с местным пастором Фредериком Вилером окончательно убедило его. После своего возвращения домой, он принял решение написать трактат на эту тему, чтобы поделиться своим открытием.

Однажды утром Бэйтс достал свою Библию и симфонию, уселся за стол и начал писать. Через некоторое время с кухни пришла его жена.

- Джозеф, у меня не хватает муки, чтобы закончить выпечку.

- Сколько муки тебе недостает? - спросил он.

- Около двух килограмм, - сказала жена.

- Хорошо, - ответил он.

С кухонной полки Бэйтс взял небольшую посудину и пошел в продуктовый магазин. Принесши покупку домой, он вновь принялся писать.

Тотчас миссис Бэйтс вошла опять.

- Джозеф, откуда взялась эта мука?

- Как, - ответил он, - разве этого недостаточно? Ты сказала, что тебе нужно два килограмма.

- Но откуда ты взял их?

- Я их купил, - последовал ответ.

- Ты, капитан Бэйтс, человек, исходивший под парусами все части света, вышел из дому и купил всего два килограмма муки?!

- Пруды, я потратил на эту муку последние деньги, которые остались у меня на Земле.

Миссис Бэйтс поднесла свой фартук к глазам и начала плакать. Она не знала, что ее муж истратил столько денег для распространения адвентистской вести.

- Что мы будем делать? - зарыдала она.

Поднявшись во весь рост, Джозеф воодушевленно заявил: - Я собираюсь написать книгу и представить истину о субботе перед всем миром.

- Но на что мы будем жить? - всхлипывала жена.

- Господь откроет путь, - улыбнулся он.

- Да, Господь откроет путь, - повторила она. - Ты всегда это говоришь.

По ее щекам вновь потекли слезы, и она оставила комнату. Джозеф продолжал писать свой трактат о библейской субботе. Примерно через полчаса ему сообщили, что на почте его ожидает письмо.

- Есть ли для меня письмо, мистер Дрю? - спросил он почтмейстера.

- Да, капитан Бэйтс. Почтовая пошлина стоит пять центов.

- Мистер Дрю, - сказал капитан почтмейстеру, - у меня закончились деньги - нет даже пяти центов. Но позвольте ли вы мне хотя бы взглянуть, откуда пришло письмо? - Все в порядке, капитан Бэйтс, - ответил почтмейстер. - Вы можете взять письмо с собой и заплатить в другой раз.

- Нет, - заявил Бэйтс, - я не возьму письмо, пока не заплачу почтовую пошлину. Но я чувствую, что в письме должны быть деньги. Вы можете открыть его? Если там есть деньги, возьмите стоимость почтовых услуг. Если их там нет, я не буду читать письма.

Когда мистер Дрю вскрыл письмо, оттуда выпала десятидолларовая банкнота. Деньги прислал человек, который был сильно впечатлен тем, что капитан Бэйтс испытывает материальные затруднения.

Джозеф пошел в город, купил большой бочонок с мукой, несколько килограммов картофеля и другие продукты, позвонил ломового извозчика и велел ему отвезти все это к себе домой.

- Вполне вероятно, что женщина скажет тебе, что эти продукты нужно отвезти не в наш дом, но ты не обращай на нее внимания. Просто иди вперед и выгрузи все на крыльце,

- Я сделаю все, как вы приказали, - пообещал извозчик. После этого Бэйтс пошел в типографию и сделал заказ на издание тысячи своих трактатов о субботе. Он договорился заплатить, как только достанет деньги, но где их раздобудет, капитан еще не знал.

По дороге домой он сделал еще несколько покупок и когда приблизился к дому, продукты из бакалейного магазина уже стояли у парадного подъезда. Бэйтс вошел в дом с черного входа и снова сел за рабочий стол. Вскоре пришла удивленная жена.

- Джозеф, ты только посмотри сюда! Откуда взялись все эти продукты? Я сказала извозчику, что это не для нас, но он объявил, что это именно то место, куда ему было велено их доставить.

- Хорошо, - ответил муж, - я думаю, что все правильно.

- Но откуда все это?

- Это послал Господь.

- О, да. Это послал Господь. Ты всегда так говоришь.

Джозеф протянул жене письмо: «Прочитай и ты узнаешь, откуда все это взялось».

Пруденс прочла письмо, затем удалилась в спальню, чтобы разразиться потоками слез. Возвратившись, она просила мужа простить ее за маловерие. Джозеф завершил свою рукопись, издатель напечатал ее, а через некоторое время пришли и деньги, чтобы покрыть расходы на это дело. Его брошюра, озаглавленная «Седьмой день, суббота, - вечное знамение», восполнила недостаток знания по этому вопросу среди первых адвентистов.

В 1849 году Джозеф Бэйтс отправился в Джексон, штат Мичиган, чтобы отыскать некоторых бывших миллеритов и познакомить их с недавно открытыми им истинами о субботе и Небесном Святилище. Для своей первой остановки он избрал мастерскую кузнеца Дэна Палмера. Представившись, Бэйтс развернул

пророческую таблицу и повесил ее на стене. Пока кузнец ударял по наковальне, проповедник подобно удару молотом потрясал дом важными библейскими учениями.

В конце концов, кузнец отложил в сторону свои инструменты и протянул проповеднику мозолистую руку. «Брат, как твое имя? Бэйтс, ты говоришь истину!» В выходные дни 15 бывших миллеритов собрались в доме Палмера, чтобы послушать проповедь Джозефа о трехангельской вести. Здесь они отпраздновали свою первую субботу и образовали ядро новой церкви.

Несколько месяцев спустя Джозеф вновь посетил Палмера и собрание верующих в Джексоне. Здесь ему приснился сон, что он должен остановиться в месте, называемом Баттл-Крик.

- Тебе известно селение под названием Баттл-Крик? - спросил он Палмера.

- Да, это примерно в 65 километрах отсюда.

В понедельник Джозеф сел на утренний поезд и прибыл в Баттл-Крик примерно ко времени завтрака. Сойдя с поезда, он немедленно отправился на почту.

- Вы можете направить меня к самому честному человеку в городе? - спросил Бэйтс несколько озадаченного служащего.

- Я могу дать вам прямой ответ, - сказал почтмейстер. - Это христианин по имени Хьюитт, проживающий на улице Вэн Бьюрен. Его дом расположен напротив бревенчатой хижины.

Джозеф не терял ни минуты. Он постучался в дверь дома, которую открыл мистер Хьюитт.

- Меня направили к вам, как к самому честному человеку в городе. Если это так, я имею сказать вам нечто очень важное.

- Проходите, - пригласил Хьюитт. - Мы только что сели завтракать. Я приглашаю вас присоединиться к нам, а затем мы поговорим.

В течение всего утра Джозеф объяснял этой семье адвентистское учение. В полдень он представил тему о субботе. Хьюитт и его жена были абсолютно убеждены незнакомым проповедником в истинности этого учения и начали соблюдать уже следующую субботу по Заповеди. Джозеф продолжал посещать селение Баттл-Крик, и вскоре небольшая группа верующих начала собираться в доме Хьюитта каждую субботу.

Продолжительные путешествия Джозефа напоминали Пруденс годы, проведенные им в море. Возвещая адвентистскую весть, он должен был находиться вдалеке от дома иногда от шести до девяти месяцев. Но на этот раз все было иначе. Он искал «рассеянных по горам овец», поэтому она не произносила ни единого слова жалобы.

Однажды Джозеф посетил миссис Ребекку Смит в ее доме в Вэст Уилтоне, штат Нью-Гемпшир. Миссис Смит была счастлива встретиться с ним, поскольку беспокоилась за свою дочь Энни, которая, пытаясь сделать успешную карьеру, теряла всякий интерес к религии.

- Я намереваюсь проводить евангельские встречи в Сомервилле, недалеко от колледжа, который посещает ваша дочь, - объявил Джозеф. - Почему бы вам не написать ей и не попросить прийти и послушать лекции.

- Я так и сделаю, пастор Бэйтс. Да благословит вас Бог. Только ради того, чтобы угодить матери, Энни решила пойти послушать лекции. Накануне, в пятницу вечером, ей приснился сон, будто она входит в переполненное собрание и занимает сиденье возле двери. Говорящий стоял рядом с пророческой схемой и повторял слова: «На две тысячи триста вечеров и утр; и тогда святилище очистится».

В ту же пятницу ночью Джозефу также снился сон, в котором он увидел молодую женщину, пришедшую на лекцию с опозданием и занявшую место у двери.

По дороге в собрание Энни сбилась с пути, опоздала на лекцию и обнаружила, что единственное свободное место было у двери. Когда Джозеф посмотрел в ее направлении, он вспомнил свой сон.

- Я собирался говорить на другую тему, - сказал он, - но передумал. Я буду говорить о святилище и периоде в 2300 дней». Энни откинулась на спинку кресла. Это был тот самый текст, та самая комната и тот самый проповедник, которые она видела в своем сновидении!

В конце собрания Бэйтс подошел к Энни.

- Я полагаю, вы дочь сестры Смит. Я никогда не видел вас прежде, но вы очень похожи на девушку, которую я прошлой ночью видел во сне.

- О, пастор Бэйтс! - воскликнула Энни. - Я также видела вас во сне и верю, что каждое слово, произнесенное вами в этот вечер, является истиной!

Энни оставила свои планы относительно карьеры в области искусства и языковедения и спустя два года присоединилась к пастору Джеймсу Уайту, работая в его издательском офисе в Рочестере, штат Нью-Йорк.

Поездки Джозефа в Мичиган оказались столь успешными в плане приобретения новых душ, что в 1858 году он и Пруденс переехали в Монтерей. Здесь Бэйтс находился достаточно близко от Баттл-Крика, чтобы быть полезным, когда руководители Церкви нуждались в его советах по организации и развитию Божьего дела.

Все, кому довелось знать Джозефа Бэйтса в последние годы жизни, отмечали его долгожительство и твердую поступь. Этим он был обязан умеренному стилю жизни, свободной от алкоголя, табака, мяса, чая и кофе. Он прожил свои годы лучше, чем кто-либо из его соратников.

Возможно, некоторые представляют себе этого человека суровым морским капитаном, которому были неведомы глубокие чувства. Но о том, что Бэйтс имел нежное сердце, свидетельствуют многочисленные записи в его дневнике, который он вел на борту «Императрицы». Во время своего десятимесячного пребывания вдали от дома он писал: «Моя жена, в это утро, когда мы находимся далеко друг от друга, я искренне надеялся увидеть тебя вновь, но Провидению было угодно изменить эти планы. Однако я надеюсь, что в назначенное Им благоприятное время мы встретимся и возрадуемся вместе. Мне очень тяжело осознавать, что я разделен с моей семьей. Безусловно, только Господь помог мне смириться с этим Его промыслом».

Несколько недель спустя он сделал другую запись для своей весьма терпеливой жены: «Я не забуду то памятное утро, ибо часто думал о приближении часа разлуки, и если бы Господь не укрепил меня, я знаю, что не смог бы вверить мою дорогую жену и детей Его попечению, так как я это сделал» (Адвентистское наследие, т. 5, № 2).

Источники:

- Вержил Робинсон. От юнги до лидера адвентистского движения.
- Джозеф Бэйтс. Автобиография.
- Адвентистское наследие. т. 5, № 2 .

Глава четвертая. Самый способный человек

Джон Эндрюс

Всю свою жизнь Джон Нэвинс Эндрюс посвятил провозглашению адвентистской вести в качестве богослова, ученого, писателя и евангелиста. С ранних лет обладая серьезным характером, он никогда не забывал своего первого впечатления от религии. Тогда он сидел вместе с родителями, Эдвардом и Сарой, в небольшой методистской церкви в Париже, штат Мэн, и слушал, как пастор Рэнделл читал из книги Откровение: «И увидел я великий белый престол и Сидящего на нем, от лица Которого бежало небо и земля»

(20:11). Торжественная мысль о том, что однажды он должен предстать на суде пред лицом всемогущего Бога, заставила его содрогнуться от ужаса. По мере взросления школа и книги поглощали все его внимание. Много времени он проводил наедине с Библией.

Вставая в 4 утра, он посвящал два или три часа изучению Писания и молитвам. Подорванное здоровье в возрасте 11 лет заставило его оставить школу, и с того времени он занимался только самообразованием. Куда бы Джон ни шел, он нес с собой книгу и всякий раз, улучая свободный момент, принимался за чтение. По его просьбе отец приобрел для него книги на греческом, латинском и еврейском языках. Эндрюс прилежно занимался их изучением, пока не овладел этими древними языками. К возрасту 14 лет он уже был признан сильным оратором, и его часто приглашали выступить с речью перед жителями Парижа (США) на его излюбленные религиозные темы. Джон более не походил на хилого, болезненного мальчика, но к гордости родителей выглядел симпатичным молодым человеком метр восемьдесят ростом и крепкого телосложения.

Примерно в это же время (1843 год) семья Эндрюсов посещала серию лекций о скором Пришествии Иисуса Христа. Поскольку учение полностью опиралось на Священное Писание, семья Эндрюсов охотно приняла его и присоединилась к миллеритам. Вместе с тысячами других они ожидали день 22 октября и плакали от разочарования, когда Христос не явился.

Вскоре после тех событий среди адвентистов произошло разделение. Большинство из них признали свое заблуждение. Некоторые группы назначали новые даты, другие впали в фанатизм. Одна группа учила, что теперь они вошли в субботний тысячелетний покой и не должны больше выполнять никакой работы. Другие утверждали, что должны смирять себя, как малые дети, ползая на руках и коленях.

Небольшая церковь в Париже стала одной из многих овчих дворов, не имеющих пастыря. Противоречивые ветры фанатичных учений вносили постоянные беспорядки.

Однако преимуществом верующих в Париже было то, что они приняли истину о субботе. Бывший баптист Т.М. Пребл опубликовал трактат, показывающий, что седьмой день недели должно соблюдать как библейскую субботу. Один экземпляр трактата Пребла был послан в семью Стоуэл. Пятнадцатилетняя дочь Стоуэлов Мэриан и ее брат Освальд прочитали его с глубочайшим интересом и передали другим. В результате этого семь парижских семей - включая Стоуэлов, Эндрюсов и семью Киприана Стивенса - стали соблюдать библейскую субботу как седьмой день недели.

Господь в видении показал Эллен Уайт проблемы, существующие внутри парижской церкви, и дал ей весть для фанатично настроенных людей. В сентябре 1849 года Джеймс и Эллен посетили Париж (США). Выступив с обличением смутьянов, они смогли навести порядок и призвать членов церкви к единству. Дух Божий почил на них, и многие публично исповедовались в своих грехах. Именно здесь Джон Эндрюс стал на защиту истины и вдохновенно заявил: «Я бы предпочел одну истину тысяче заблуждений».

Джеймс Уайт решил публиковать новое периодическое издание под названием «Сэконд Адвент Ревью энд Сэббат Геральд», чтобы заменить вышедшую время от времени газету «Настоящая истина». Он посчитал, что Париж будет подходящим для этого местом. Итак, в 1850 году Эдвард и Сара Эндрюс открыли для них двери своего дома. Согласно устному договору, Джеймс должен был платить Эдварду 20 долларов годовой аренды и один доллар в неделю за питание. Пребывание Уайтов в доме Эндрюсов предоставило молодому Джону возможность писать статьи в «Ревью». Пастор Уайт был так впечатлен его способностями, что когда два года спустя офис «Ревью» переместился в Рочестер, штат Нью-Йорк, Джон получил приглашение присоединиться к сотрудникам издательства. Вскоре его имя как одного из членов редколлегии появилось в публикациях.

Однако Джон не собирался просто сидеть в офисе и писать статьи. Общественный евангелизм зажигал огнем его сердце и побуждал путешествовать по всей Новой Англии. Зачастую он делал это пешком, переходя из одного селения в другое. Летом и зимой, в дождь и ясную погоду, в жару и холод Джон никогда не прекращал трудиться ради спасения душ.

«Выглядит как попрошайка», - подумал Джеймс Уайт, когда в морозный февральский день 1855 года, услышав стук, отворил дверь и увидел съжившегося от холода человека, тощего как тростник.

- Чем могу быть полезен? - спокойным тоном поприветствовал его Джеймс.

- Вы не узнаете меня, пастор Уайт?

Джеймсу послышалось нечто знакомое в голосе гостя. - Брат Эндрюс! Да заходи же!

Удобно усевшись в кресло, Джеймс заметил:

-- Ты выглядишь таким исхудавшим! Пока Эллен накроет на стол, расскажи, пожалуйста, о своих странствиях.

Джон начал свой рассказ.

- Мое здоровье подорвано. Я совершенно обескуражен. Я больше не могу работать в винограднике Божьем.

Пастор Уайт внимательно слушал, в то время как Джон описывал свои многочисленные переживания.

- Что ты намереваешься делать, Джон? Почему бы тебе не остаться с нами, пока не почувствуешь себя лучше. У нас есть для тебя комната и место работы. Я не знаю, что бы мы делали последние несколько лет без твоих замечательных статей.

Джон принял предложение и оставался в семье Уайтов 10 недель, пока его здоровье не улучшилось.

Джона представили новому члену издательского коллектива, недавно обращенной Джозефом Бэйтсом молодой девушке по имени Энни Смит. Из своего дома в Уилоне, штат Нью-Гемпшир, Энни послала на рассмотрение «Ревью» свое стихотворение. Восхищенный ее писательским талантом, пастор Уайт пригласил Энни приехать и работать в качестве редактора публикаций. Она отклонила предложение, сославшись на проблему с глазом. Однако пастор Уайт попросил ее приезжать в любом случае, и по прибытии она была быстро исцелена после помазания и молитвы. Когда выкраивалась свободная минутка, между Джоном и Энни происходило приятное общение. Джон с любезной учтивостью слушал ее поэтические произведения и высказывал свои соображения. Они беседовали о распространении вести и состоянии верующих. Однако, Энни ошибочно расценила терпеливую и сочувственную готовность Джона выслушивать ее, восприняв ее как личную заинтересованность в ней. Она часто бросала обнадеживающие романтические взгляды в его сторону. Но когда позже узнала о его близкой дружбе с Ангелиной Стивенс, то пережила сильное разочарование.

Спустя два месяца Джон решил возвратиться домой. Он не видел своих родителей долгое время. Его отец был немощным стариком, а младший брат инвалидом. Здесь он мог быть полезен, пока окончательно не восстановит свое здоровье. Уходя, Джон заметил: «Я возвращаюсь домой не с тем, чтобы оставить работу Божью. Продвижение дела Истины по-прежнему является целью моей жизни».

Однажды, когда Джон просматривал последний выпуск «Ревью энд Геральд», небольшая статья Джеймса Уайта повлияла на будущее не только его, но и многих других адвентистов в парижской округе. В статье говорилось: «Почему бы не двинуться на запад, братья? Почва плодородна, обильна и легка для возделывания. Вы обнаружите, что она сильно отличается от каменистых холмов, годами обрабатываемых вами. Жатвенное поле широко открыто перед вами, и люди будут внимать нашей вести. Работа, которую необходимо проделать для обращения одного человека на востоке, принесет двадцать душ на западе».

Избавившись от своей земли, крупного рогатого скота и многочисленных орудий труда, Эндрюсы в ноябре переехали на запад в штат Айова. Они поселились на ферме недалеко от Уокона. Джон писал Ангелине и ее семье: «Почва удивительно богата и легка для возделывания. Вы не смогли бы воздвигнуть здесь каменную стену, даже если бы захотели».

На следующее лето туда вместе с другими семьями переехала семья Киприана Стивенса. Дружеские отношения между Джоном и Ангелиной вскоре увенчались свадьбой. «Исход» на запад оставил в парижской церкви ощутимую пустоту. Офис «Ревью» также понес большую потерю, когда Джон Эндрюс и Джон Лафборо переключились с жатвы душ на востоке на жатву нив на западе. Супруги Уайт решили, что они каким-то образом должны возратить назад оставивших их евангелистов.

Поскольку Уайты запланировали на следующую зиму путешествие в Иллинойс, они решили, что должны заехать в Айову, чтобы уговорить этих мужей вернуться к проповедованию. Предприняв рискованный переход по тающему льду Миссисипи и глубоким сугробам снега в Айове, супруги Уайт на санях, в конце концов, достигли Уокона. Трехдневное служение возрождения вдохнуло новые силы в сердца верующих в той местности, и оба мужа веры согласились вернуться к проповедованию.

Джон Эндрюс начал проводить общественные собрания локально и не возвращался к передвижному служению в течение двух последующих лет. Но в 1859 году он объединился с Лафборо для проповедования в мичиганской палатке, а в следующем году местом их проповеди стал Нью-Йорк.

Из дневника Ангелины явствует, что молодые супруги питали друг к другу самые нежные чувства. Длительная иногда целыми месяцами разлука, была для них невыносимо тягостной. Почта отчасти помогала облегчить одиночество. Письма шли как в одну, так и другую сторону в среднем неделю, что уже само по себе являлось невероятным достижением того времени. В июне 1860 года пять дней ожидая письма, Ангелина, не в силах более выносить неизвестность, прошла пять с половиной километров к почтовому отделению в Уоконе в надежде получить весточку от мужа. Однако она была разочарована. Проведя там целую ночь до следующего почтового багажа, она печально побрела домой. В тот день оставила такую запись в своем дневнике: «Для моего дорогого мужа покинуть наш дом является огромной жертвой. Я сильно тоскую по нему, но это нужно для Божьего дела, поэтому приму такую участь с радостью». Однако двое появившихся на свет малюток - сначала сын Чарльз (1857 год), а затем дочь Мэри (1861 год) - принесли в дом много незабываемых счастливых мгновений.

Чувствуя, что более эффективно может трудиться в Нью-Йорке, Джон вместе с семьей переехал в Рочестер. Разразившаяся Гражданская война принесла в жизнь мужчин-адвентистов серьезные проблемы. Руководители Церкви получали множество писем, в которых братья спрашивали, могут ли они носить оружие. Помимо этого вставал еще и вопрос субботы. Джеймс Уайт считал, что Церковь Адвентистов седьмого дня должна сохранять статус невоюющей и придерживаться высоких нравственных стандартов. Исходя из этого, Эндрюс согласился поехать в Вашингтон и представить это дело на рассмотрение в администрации президента Линкольна. Он снискал поддержку в лице генерала Джеймса Б. Фрая - начальника военной полиции, и его миссия увенчалась успехом.

И все же у Эндрюса случались некоторые сложности личного плана. Однажды, по возвращении домой из длительного путешествия, Джон наклонился, чтобы взять на руки свою дочь Мэри, но она закричала и бросилась бежать к матери. Девочка не узнала отца и отказалась сидеть на коленях у незнакомого дяди. Чарльз, прихрамывая, подошел к отцу, с болезненными усилиями волоча одну ногу. Осмотрев сына, Джон заметил, что его одна нога была намного тоньше другой.

По рекомендации доктора Джексона из Дэнсвила Джон и Ангелина начали лечить Чарльза горячими припарками, чередуя их с холодными компрессами. Вскоре Джон был весьма обрадован, увидев значительные улучшения в здоровье сына.

Многочисленные трактаты и статьи продолжали выходить из-под пера Джона. Он пересмотрел и значительно увеличил свое научное и в высшей степени успешное произведение «История субботы», пережившее впоследствии несколько переизданий. Однако его труд на литературном поприще часто принуждал его работать до полуночи - неблагоприятная привычка, за которую он иногда расплачивался серьезными недугами.

В 1865 году Джеймс Уайт был подкошен параличом, после которого полностью оправился лишь спустя несколько лет. Ответственность за высший пост в Церкви - Президента Генеральной Конференции - на два года легла на плечи Джона Эндрюса. Позже он взял на себя руководство Нью-Йоркской конференцией, а также некоторое время совершал служение в качестве редактора «Ревью», Джеймс Уайт заявил: «Что бы мы вообще делали без брата Эндрюса!»

Супруги Уайт продали свой дом в Баттл-Крике и приобрели жилье в Гринвилле. Однако покупатель их предыдущего дома оказался не в состоянии расплатиться с ними, оставив их в незавидном финансовом положении. Просьба о помощи, обращенная к друзьям в Баттл-Крике, не встретила отклика. «Почему пастор Уайт просит денег, когда у него их и так слишком много? - вопрошали они. - Он всегда имеет доход со стороны от продажи Библий, симфоний, почтовой бумаги и т. п.». Это в действительности было так, но не в плане личной выгоды. Все прибыли шли на счет издательства. Несправедливая критика набирала силу, в то время как Уайты были вынуждены лицом к лицу столкнуться с бедностью.

Понимая, что большинство критических замечаний были безосновательными и нечестными, Джон и его свояк Урия Смит начали собирать множество признаний, которые в скором времени были оформлены в книгу объемом в сто пятьдесят страниц «В защиту старейшины Джеймса Уайта и его жены». В своем

продолжительном признании Гарриет Смит писала: «Мной овладел дух, выжидающий ошибок брата и сестры Уайт и испытывающий удовлетворение от того, что, казалось, свидетельствовало об их неправоте. Мое воображение рисовало разные неприятные картины, и со временем я сама поверила, что так оно и было».

Д. Н. Лафборо писал: «Я глубоко сожалею, что занял такую постыдную позицию по отношению к брату У. во время его горестных переживаний. Я воздвигал против него сатанинские обвинения, что он якобы одержим страстью к деньгам, и в то же самое время я сам торговал градусниками и другими вещами, с целью подзаработать. В действительности тем одержимым был я сам».

Даже сам Эндрюс признавался: «Я обвинял брата Уайта в чрезмерной суровости его порицаний, обращенных к другим. И в то же время я сам сурово порицал его, ссылаясь на продолжительность его болезни, как доказательство его несправедливой линии поведения. Таким образом, я служил средством укрепления рук тех, кто бесцеремонно вмешивался в его дела».

Примерно в это же время в Баттл-Крик пришло письмо, взбудоражившее все собрание. Автором его был Альберт Вуйллемер из Швейцарии. В своем послании он сообщал, что в той местности 50 человек соблюдают субботу и просят руководство Церкви прислать им проповедника.

Возможно ли это? В Европе не проводилось никакой организованной работы, не было ни пасторов, ни литературного служения. Однако это не помешало Богу посеять там семена адвентистской Истины благодаря усилиям одного неофициального миссионера, уроженца Польши.

Десять лет назад, после посещения серии адвентистских собраний в штате Огайо, бывший католический священник по имени Михаил Чеховский был крещен и переехал в Баттл-Крик. Чувствуя потребность поделиться своими новыми убеждениями с соотечественниками, он решил возвратиться в Европу и организовать там миссию. Но Церковь на этом раннем этапе своего развития не была готова оказать ему материальную поддержку. Михаил же обладал всеми необходимыми качествами для подобной работы. Это был всесторонне образованный человек, знакомый с европейской культурой, способный писатель, свободно владевший семью языками, так что мог общаться с людьми из высших слоев общества. Он был высоким, примечательной внешности и энергичным - лучшего нельзя было себе и представить. Джеймс Уайт был всецело за то, чтобы использовать его для такой миссии, однако другие руководители колебались, полагая, что ему недостает финансовой рассудительности.

Полный решимости проповедовать о Втором пришествии, Чеховский обратился к адвентистам первого дня в Бостоне, которые приветствовали его желание и обещали финансовую помощь. В 1864 году он вместе с семьей отплыл в Европу. Чеховский с успехом работал в качестве пионера-миссионера вначале в Италии, затем в Швейцарии. Понадобилось еще десять лет, прежде чем Баттл-Крик послал туда своего первого официального миссионера - Джона Нэвинса Эндрюса.

Тем временем пастор Эндрюс столкнулся с сокрушительной бедой, от которой так и не смог полностью оправиться. Его возлюбленная спутница жизни, Ангелина, пережила паралитический удар, оказавшийся фатальным. Опустошенный пережитым горем, Эндрюс писал: «Она верно разделяла мои бремена, делая все, что было в ее силах, дабы помочь мне идти и трудиться для дела Божьего, и никогда не высказывала ни единой жалобы, когда я подолгу отсутствовал. В течение всей нашей супружеской жизни ни одно недоброе слово не сорвалось с наших уст и никакое досадное чувство никогда не находило места в наших сердцах». Одиночество в Рочестере побудило Джона забрать своих детей в Южный Ланкастер, штат Массачусетс.

Эллен Уайт весьма настойчиво убеждала Джона вновь обзавестись семьей, поскольку он и его маленькие дети нуждались в хозяйке. Однако он ответил: «Не потому, что я не могу найти никого, достаточно пригожего. Но просто потому, что я все еще испытываю чувство глубокой печали по моей жене, спящей смертным сном, и мои привязанности, по-видимому, не способны отделить себя от нее и принять кого-то другого, несмотря на все достоинства».

Когда 15 сентября 1874 года пароход «Атлас» отплыл из Бостона в Англию, на его борту находился Джон Эндрюс с детьми. В качестве переводчика их сопровождал Адемар Вуйллеймер. Последний этап путешествия привел их в Нойчатель (Швейцария), который стал их домом в последующие два года. Эллен Уайт писала швейцарским верующим: «Мы посылаем вам самого способного человека в наших рядах».

Первого ноября соблюдающие субботу из других кантонов присоединились к ним в Нойчателе, чтобы поприветствовать миссионера из Америки. Они были обращенными его бесстрашным предшественником - М. Б. Чеховским. Пока Эндрюс встречался с верными братьями, необычное происшествие привело их к людям, соблюдающим субботу в Германии.

«Не поможете ли вы мне небольшой суммой денег, чтобы я мог купить пару обуви?» - умолял одетый в лохмотья человек, бродяжничая от дома к дому в городе Базеле.

Время от времени кто-нибудь протягивал ему несколько монет. Приближаясь к одному дому, он услышал пение. Когда добродушная дама пригласила его войти, он оказался перед группой людей, проводящих религиозное служение. Но почему в субботу? Разглядывая собравшихся, он тщетно пытался найти хоть одно еврейское лицо.

- Вы, должно быть, чем-то похожи на евреев, - заметил он.

- Нет, но мы действительно соблюдаем библейскую субботу, - объяснили они.

Вскоре «высокий мужчина в очках, с темной бородой», который, очевидно, был лидером, поднялся с места, чтобы говорить. Это был пастор Эндрюс из Америки. После служения нищего накормили, и он решил провести в их обществе весь остаток дня.

Для верующих «случайное» появление нищего стало настоящей находкой, поскольку он доставил им очень важную информацию.

- Примерно год назад, - рассказал он, - я путешествовал по Рейнской земле и случайно встретился с похожей компанией христиан, поклоняющихся в седьмой день. Я подумал, что это несколько странновато, но они накормили меня, и когда я уходил, дали мне хороший подарок.

- Скажите, где именно это было? - не скрывая интереса, спросил его Эндрюс. - В каком городе Рейнской земли, и есть ли у вас название улицы?

Да, у него был записан адрес на случай, если он, как это делают все бродяги, когда-нибудь пожелает снова воспользоваться гостеприимством этих добрых людей.

- Это было в маленьком городке Эльберфельд, в Вестфалии. Хозяина дома зовут Линдерманн.

Благодаря Богу за Его чудесное руководство, Эндрюс, сопровождаемый переводчиком Джеймсом Эрзбергером, в скором времени сел на поезд, следующий в Германию. В Эльберфельде они остановились в доме Линдерманна и обрадовались, что он был лидером группы соблюдающих субботу, состоящей из 46 человек. Дж. Х. Линдерманн, бывший священник Реформаторской церкви, благодаря личному изучению Библии, пятнадцатью годами ранее начал проповедовать о скором возвращении Иисуса, крещении во взрослом возрасте и, в конце концов, о субботе, как о седьмом дне недели. Посредством смиренных усилий он убедил своих прихожан присоединиться к нему, не ведая о том, что где-то в мире существуют и другие христиане, соблюдающие субботу. Все они со слезами на глазах радовались визиту Эндрюса и Эрзбергера.

По прошествии пяти недель, проведенных вместе с этими обособленными братьями, Эндрюс возвратился в Швейцарию, оставив Эрзбергера продолжать работу в Германии. Однако верующие из Эльберфельда не были единственными субботающими в той местности. Эндрюс был удивлен, обнаружив много групп, рассеянных по центральной Европе, в которых совершал свое служение его энергичный предшественник, о чьем успехе в Баттл-Крике даже не подозревали.

Эндрюсы немедленно приступили к овладению французским языком. «Существует единственный способ достичь намеченной цели, - сказал отец, - это отказ от употребления английского языка в нашем доме. Только один час в день, между пятью и шестью часами вечера, будет отведен для общения на английском».

Это было нелегко. Иногда члены семьи краснели от возбуждения, пытаясь объяснить что-нибудь интересное. Они могли сказать слово или два, затем брали словарь и начинали его листать. Они должны были держать в себе все, что хотели сказать по-английски, до пяти часов, а затем говорили так быстро, как только могли.

Джон осознал нужду в ежемесячных публикациях на французском языке. Поскольку местный печатник был не в состоянии проделать необходимую работу, Джон переехал в Базель, который, в конечном счете, стал

постоянной резиденцией руководства европейской адвентистской церкви. В июле 1876 года он издал свою первую ежемесячную газету «Знамения времени». Один из читателей газеты, доктор Герберт Рибтон из Неаполя (Италия), оказался весьма образованным человеком. «Я убежден, что вы правы, - писал он, - и я начал соблюдать субботу. Моя жена и дочь поступают так же, и с нами здесь есть еще одна женщина, последовавшая нашему примеру. Пожалуйста, приезжайте и крестите нас». Эндрюс пообещал приехать, как только появится возможность. Доктор Рибтон оказался активным миссионером и перевел множество трактатов на итальянский язык. В 1880 году он поехал в Александрию (Египет), чтобы опекать группу новообращенных итальянских верующих.

Хотя Адвентистская Церковь приняла учение о десятине в результате всестороннего исследования Библии Эндрюсом, однако когда он был послан в Швейцарию, ему не было обещано никакой особенной зарплаты. Ко всем своим расходам на миссию он относился с чрезвычайной бережливостью. Когда ему случалось путешествовать поездом, он покупал билет третьего класса и трясся на деревянных скамейках в вагонах, у которых иногда протекала крыша. Путешествуя на корабле, он часто спал на палубе. В его понимании экономия денег для дела Божьего была одной из величайших человеческих добродетелей.

Личная забота о здоровье и питании не была поставлена у Эндрюсов во главу угла. Они пребывали в неведении относительно законов здоровья и их взаимосвязи с духовностью. У них не было хозяйки дома. Хотя Мэри преуспела в изучении французского языка, она так и не научилась готовить. Свежие фрукты на их столе были довольно редким явлением. Овощи стоили дорого, но белого хлеба было предостаточно из-за его низкой цены. Неделями диета Эндрюсов состояла из белого хлеба и кое-каких незначительных продуктов. Такие нездоровые привычки в питании привели к слабой жизненной активности и недугам. Прибывшая из Англии Дженни Ингс для работы помощником в издательском офисе заметила: «Образ жизни Эндрюса должен вскоре привести его к потере здоровья. При таком умственном напряжении и настолько скудной диете он выглядит так, будто уже не жилец на этой Земле».

В один летний день 1878 года Мэри вошла в издательский офис без своего обычного румянца на лице. Было вполне очевидно, что она нездорова. У нее развился непрерывный кашель, дыхание было затруднено. Когда отец отвез ее к местному доктору, тот произнес страшное слово «туберкулез». Итак, в сентябре, когда пастор Эндрюс получил приглашение посетить предстоящую сессию Генеральной Конференции в Баттл-Крике, он взял с собой Мэри, надеясь, что доктор Келлог сможет спасти ее жизнь. В санатории доктор был ошеломлен, узнав, как далеко продвинулась болезнь. Он определил, что жить ей осталось всего месяц или два. С этого времени преданный любящий отец постоянно пребывал у ее постели. Доктор Келлог предостерег Эндрюса об опасности самому заразиться этим заболеванием.

Ужасная болезнь быстро прогрессировала, и Мэри умерла 27 ноября в возрасте 17 лет. Это печальное событие сильно подкосило ее отца. На протяжении нескольких недель Эндрюс не мог заниматься никакой умственной деятельностью. Он просто был не в состоянии понять, почему им пришлось принести такую огромную жертву. Он писал своему другу: «Кажется, я держусь за Бога онемелой рукой».

Пытаясь поправить свое здоровье, Эндрюс провел зиму в Баттл-Крике. В апреле 1879 года было завершено строительство новой церкви «Дайм Табернэкл», и его попросили сказать проповедь на церемонии ее посвящения. 29 мая, в сопровождении своей племянницы Эдит Эндрюс и Анны Ойен, Джон Эндрюс возвратился в Европу. Когда он подплывал к Англии, его хватил озноб, горячка и такое изнеможение, что он не мог продолжать путь в Базель до 11 августа.

По прошествии нескольких месяцев, Джон с радостью сообщил хорошую новость о том, что количество подписчиков «Знамений» на французском языке возросло с двух до пяти тысяч. Казалось, что чудо происходило каждый месяц - когда подходили последние сроки, у него хватало сил, чтобы позаботиться об этом конкретном издании. Затем он мог отдыхать до времени выхода следующего номера.

Однако здоровье Джона продолжало ухудшаться. Обследовав его, доктор откровенно сказал: «Одно легкое почти исчезло, а второе заражено. У меня нет надежды на ваше выздоровление».

Наступило время, когда пастор Эндрюс более не мог руководить работой в Европе, поэтому Генеральная Конференция назначила пастора Б. Л. Уитни продолжать его дело. Когда приплыл Уитни, он привез с собой и

престарелую мать Джона, которая попросилась приехать и по возможности быть его утешением и помощником.

В своем последнем докладе в «Ревью» за 22 июля 1883 года Джон писал: «Моя жизнь, кажется, полна ошибок. Я молюсь о том, чтобы полностью быть очищенным в крови Христа, и чувствую искреннее побуждение просить, чтобы в тех случаях, когда мой пример не был в согласии с Христовым Евангелием, все, кто видел мои ошибки, могли сердечно простить меня». Он просил, чтобы после его смерти не были произнесены никакие трогательные панегирики.

Когда наступила осень, Джон обратил свои мысли к неизбежному. 21 октября он выразил предположение, что это его последний день. Незадолго до заката Джон Нэвин Эндрюс тихо ушел на покой. Пастор Уитни телеграфировал в Баттл-Крик: «Мы понесли невосполнимую утрату».

Несмотря на то, что Джон Эндрюс признан выдающимся евангелистом, он также получил широкую известность благодаря его писательским способностям. Из-под его пера вышли многочисленные статьи и несколько книг. Его шедевр под названием «История субботы» пережил несколько изданий и по сегодняшний день остается очень ценной справочной книгой.

Вспоминая годы, проведенные в издательском офисе в Рочестере в 1852 году, Энни Р. Смит писала о Джоне Эндрюсе: «Я видела, как некто уставший, печальный, в потертой одежде энергично идет по пути, кто страстно желает святой крест нести, ожидая в надежде обетованного дня, невзирая на множество лишений, забот и печали, избородивших его чело. Я спросила, что поддерживает его дух. «О, это, - ответил он, - блаженное упование».

Источники:

- Адвентистское наследие. т. 9, № 1.
- Виржил Робинсон. Огонь для Господа.

Глава пятая. Проповедник-подросток

Джон Лафборо

«Разрешите еще только один разочек прокатиться», - умолял Джонни, в то время как все остальные разошлись по домам. С раннего утра соседский мальчик давал детям кататься на своем пони, и прежде чем Джонни вернулся домой, другие дети были уже на пути в школу. Когда он побежал, чтобы умыться и причесаться, его окликнула мать:

- Нет, Джон, ты не пойдешь сегодня в школу. Кроме того, я собираюсь выпороть тебя сегодня, как обещала.

Все утро Джонни думал о предстоящей порке. Наступил полдень, за ним последовал вкусный обед. Джонни вел себя тише воды, ниже травы. После обеда он собрался идти в школу.

- Нет, Джон, - спокойно сказала мать, - никакой школы тебе сегодня не видать, и я собираюсь выпороть тебя, как уже было сказано.

Все послеобеденное время Джонни снова думал о порке. День медленно близился к своему завершению. О, этот ужасный момент - как он хотел с ним покончить! Около пяти часов вечера он увидел свою мать, подходящую со слезами на глазах и с персиковым прутом в руках.

- О! О! Больно! - закричал Джонни. Ему не нужно было второй раз преподавать урок послушания. Он усвоил его на все оставшиеся годы и помнил даже тогда, когда проповедовал Евангелие.

Отец Джона Лафборо хорошо обеспечивал свою семью, занимаясь ремеслом плотника в Викторе, штат Нью-Йорк. В его мебельном бизнесе (производство шкафов и стульев) были задействованы 17 наемных работников. Помимо этого он являлся единственным гробовщиком в той округе. Хотя отец Лафборо был крепкого телосложения, однако заболел брюшным тифом. В те дни для лечения всякого заболевания часто применяли кровопускание и прописывали дозированный прием хлористой ртути. Врач не позволял больному пить воду или дышать свежим воздухом. На похороны отца Лафборо пришло две тысячи человек.

Джон был весьма озадачен некоторыми словами проповедника. «Когда человек умирает, его дух возносится на небеса, - провозгласил пастор. - Вместе с духами других людей он сидит на краю облака и всю вечность распевает псалмы». В течение многих погожих дней Джон созерцал прекрасные пушистые облака, плывущие по небу, подобно тюкам светлой шерсти. Часами он сидел, надеясь увидеть некоторых святых и услышать их пение. Но, увы – они всегда находились на невидимой стороне облака.

В одно воскресенье в декабре 1843 года, когда семья пришла на богослужение, его сестра сказала ему:

- Неужели ты не рад? В этом году должен начаться миллениум!

- Миллениум - что это? - спросил Джон. Он никогда раньше не слышал этого длинного непонятного слова.

Сестра начала объяснять:

- Этот мир идет к своему концу, и скоро вернется Иисус.

Нечестивые будут уничтожены, и Земля станет такой, какой она была вначале, при сотворении ее Богом.

- Откуда ты это знаешь?

- Так сказано в Библии, - ответила она. - Человек по имени Бэрри придет на этой неделе в наш город, чтобы проповедовать об этом, и мы пойдем послушать его.

Услышанная новость не обрадовала Джона в такой же мере, как его сестру, но его послали к соседям передать это известие. Многие соседи выглядели печально, Джон также был напуган, поскольку не считал себя готовым, а значит он непременно должен вечно гореть в аду.

Каждый вечер здание методистской церкви посещало свыше тысячи человек, и многим приходилось стоять в проходах. Когда прозвучал призыв выйти вперед для молитвы, Джон занял свое место среди желающих обрести спасение. Покидая церковь, люди со страхом замечали необычную полосу белого света, протянувшуюся по небу с юго-запада на северо-запад. Она продолжала светиться всю ночь напролет, а также всю последующую ночь.

День предполагаемого Пришествия Иисуса Джон провел, занимаясь распиловкой дерева. Время от времени он смотрел на небо, чтобы увидеть, действительно ли придет Иисус. В глубине души он надеялся, что этого не произойдет.

В школе Джон особенно увлекался разными экспериментами и пытался сделать все, что было описано в книге «Философия Комстока». Он сконструировал лейденскую банку с громовыми щипцами и машину для генерирования электричества. Его прозвали «философом», и он был приглашен руководить за определенную плату работами с электричеством при лечении парализованного. Поскольку Джон умело обращался со столярными инструментами, он решил смастерить скрипку из буковой доски. Эта затея оказалась успешной. Восхищаясь его работой, врач заплатил ему хорошую цену, поскольку скрипка была аккуратной копией тех, что продавались в магазинах.

В пятнадцатилетнем возрасте Джон пошел работать в магазин повозок, находившийся в 15 километрах от дома. Магазин располагался недалеко от канала Зри, а позади него находился грязный пруд с лягушками - место для размножения малярийных комаров. Мальчику было обещано пройти курс обучения «подковывания экипажей», однако не нашлось никого, кто бы захотел иметь новые обода на своих колесах. Вместо этого он провел все лето, подковывая лошадей. Джон истощал свою силу без того, чтобы освоить какое-либо ремесло. Укусы малярийных комаров, обитавших в пруду, стали причиной жестокой лихорадки. Он знал, что должен

возвратиться домой. Заработанными за лето деньгами юноша смог оплатить лишь свою комнату, место за обеденным столом и кожаный фартук.

Дома мать безуспешно пыталась вернуть сыну здоровье.

Лихорадка повторялась через день, затем каждый день. Когда начался озноб, Джон испытал побуждение выйти и проповедовать. Когда озноб начал повторяться до двух раз в день, он помолился: «Господи, прекрати этот озноб, и я выйду и буду проповедовать, как только восстановлю силы». Ознобы прекратились в тот же день.

Однажды его пришел навестить сосед по имени Халев Брутон. Он спросил:

- Джон, что ты планируешь делать этой зимой? Без всякого промедления тот ответил:

- Я подумал, что Господь желает, дабы я проповедовал, но возможно я ошибаюсь.

- Благодарю Господа, брат Джон! - воскликнул Халев.

- Я наблюдаю за тобой уже долгое время, и мне кажется, что ты просто обязан это делать.

Сказав это, он протянул будущему проповеднику-подростку три доллара.

Однако Джон должен был раздобыть себе подобающую одежду. Сосед дал ему пару поношенных брюк, рассчитанных на более высокого человека, а его брат подарил ему двубортное пальто. Отрезав несколько сантиметров от брюк и пальто, Джон с сожалением констатировал, что его гардероб все еще далек от совершенства. Имея такой неуклюжий внешний вид, он решил начать проповедовать в таком месте, где его никто не знает. Если он потерпит неудачу, то его друзья не узнают об этом; если же он будет иметь успех, тогда должен будет поверить, что это служение является его призванием.

Спустя несколько дней после Рождества, накануне своего семнадцатилетия, Джон отправился на поезде до Рочестера, затем прошел 15 километров до Адамс Бэйсин, где переночевал у своего брата. В последний день, года он проделал путь еще в 25 километров до Кэндалл Корнэрс. Здесь баптистский служитель позволил Джону три вечера говорить в церкви. Когда пронеслась молва о том, что безбородый мальчишка собирается проповедовать, церковь до отказа заполнили внимательные слушатели. Джон открыл собрание пением, затем помолился и снова спел. Для своей проповеди он избрал тему «Падение человека». Природная застенчивость оставила его, и он свободно возвещал весть. Позже он узнал, что в тот вечер в собрании среди его слушателей было семь проповедников.

На следующий день баптистский пастор навестил семью, проявившую интерес к лекциям. Около 20 соседей, пришли спросить пастора, что он думает об этих встречах. Он ответил:

- Приведите сюда этого парня, и я разделаюсь с ним в два счета.

Итак, они послали за Джоном.

Как только он появился и сел в комнате, где собрались соседи, вошел служитель. Он начал:

- Ну, ты вчера достаточно дал себя послушать.

- Да, ответил Джон, и, похоже, люди очень заинтересованы.

Тот возразил:

- Должно быть, им было любопытно услышать проповедь мальчишка, но, насколько я понял, ты сказал, что душа не бессмертна? А как же быть с текстом, который говорит: «И пойдут сии в муку вечную (*В греческом тексте используется выражение «эйс коласин айонион», которое следовало бы перевести «в наказание вечное».* Именно таково значение этого словосочетания, как показано в иностранных переводах (KJV, NKJV, NIV) - Прим. переводчика.), смерть, которая никогда не умирает?».

Джон ответил:

- Я не знаю ни одного такого места в Писании. Половина вашей цитаты из Библии, а другая половина - из методистского сборника псалмов.

С еще большей ревностью пастор настаивал:

- Я говорю тебе, что эта цитата есть в Библии! Это место из 25-й главы книги Откровение.

- Наверное, вы имеете в виду 25-ю главу Евангелия от Матфея. Половина вашего текста находится там. Там сказано, что нечестивые пойдут в муку вечную.

- О, да, - согласился слугитель. - Но текст, который я процитировал, находится в 25-й главе книги Откровение.

- Тогда есть еще три главы, не вошедшие в Библию, - сосчитал Джон, - поскольку в книге Откровение имеется всего 22 главы.

- Дай мне свою Библию, и я покажу тебе, - сказал слугитель и начал листать страницы Ветхого Завета. - Где же это Откровение?

- Поищите в той части Библии, которая ближе к задней обложке, но там всего 22 главы.

Слугитель сказал:

- Хорошо, я хотел бы поговорить с тобой еще как-нибудь, но сейчас у меня назначена другая встреча.

В сильном смущении он покинул комнату. Одна дама заметила:

- Однако же я думала, что он образованный человек. Джон объяснил:

- У него большая библиотека, и он штудировал все эти книги, но покинул изучение Библии.

На проходившей позже встрече в здании школы некоторые мальчишки прервали его проповедь громкими выкриками. Когда они вошли, Джон не обратил внимания на их оттопыренные карманы.

Неожиданно он был атакован сухими кочанами кукурузы и орехами гикори. Несмотря на то, что «снаряды» не повредили ему, они ударили в школьную доску с невероятной силой. Некоторые из взрослых подумали, что Джон будет преследовать мальчишек, но он отказался.

Когда в 1850 году у Джона случилось легочное кровоизлияние, врач посоветовал ему курить сигары. Почти два года он продолжал заниматься этой нездоровой практикой. Однажды, когда он закурил, его посетила мысль: «Предположим, Господь придет и найдет тебя с этой сигарой во рту. Позволит ли Он тебе войти в Его святое и чистое присутствие?» Джон сказал себе: «Нет, Господи, по благодати Твоей, никогда более!» и затем выбросил дымящуюся сигару в реку Женеси.

В 1851 году в возрасте 20 лет Джон женился на Мэри Дж. Уокер, которая любила Господа всем своим сердцем. Они поселились в Рочестере, где Джон стал заниматься покраской домов. Пять с половиной дней в неделю он должен был красить дома. В субботу полудни ехал в одну из трех церквей, находившихся под его опекой, проповедовал там на следующее утро, затем посещал членов в послеобеденное время и возвращался назад в тот же вечер. Четвертую неделю месяца он должен был проповедовать в Рочестере. В конце лета Джон стал продавцом патентованных замков Арнольда, комиссионные от продажи приносили ему достаточный денежный доход, чтобы содержать свой дом и покрывать расходы на поездки.

Однажды ночью Джону приснилось, что он находится в хорошо освещенной проветриваемой комнате, где внимательная аудитория слушала молодого проповедника, стоящего рядом с пророческой схемой. По прошествии нескольких дней его друг, брат Ортон, сказал ему: «Семья субботников проводит собрания по адресу Маунт Хоуп Авеню, 124. Ты должен сходить туда, потому что некоторые люди из твоей паствы присоединились к ним. Они дадут тебе возможность выступить на собрании. Приготовь нужные тексты, и ты покажешь им, что суббота упразднена».

Джон посетил собрание вместе с семьей другими адвентистами первого дня. Когда они прошли в комнату, молодой проповедник встал, чтобы говорить. Джон тотчас узнал в нем человека из своего сна. Пастор Эндрюс начал свою речь: «Я приготовился говорить на определенную тему, но во время собрания испытал побуждение объяснить тексты, которые якобы учат о том, что Десять Заповедей были упразднены на кресте». Начав с Послания к колоссянам, он прошелся по всему списку текстов, составленному Джоном, в том самом порядке, как они были записаны у него, и ясно объяснил их значение. Джон подумал: «Это самое последовательное объяснение, которое я когда-либо слышал. Оно дает исчерпывающий ответ на мои вопросы».

Джон продолжал поддерживать дружеские отношения со своими новыми друзьями. Здесь произошло его знакомство с Джеймсом и Эллен Уайт. Он был убежден, что должен проповедовать в рядах соблюдающих субботу, но не мог ясно представить, как это сделать и одновременно содержать семью. Продажа замков начала приходить в упадок.

Однажды жена сказала ему:

- Джон, ты не мог бы дать мне немного денег? Мне нужно пойти в город, чтобы купить спички и нитки.

Джон пошарил в кармане, достал оттуда серебряную монетку и сказал:

- Мэри, вот тебе три цента. Это все деньги, которые я имею в мире. Купи коробку спичек за один цент, потрать еще один и принеси мне один цент, чтобы мы вовсе не остались без денег. Я пытался делать все возможное, чтобы мой бизнес был успешным, но не смог.

Заливаясь слезами, жена сказала:

- Джон, что же нам делать на этом свете?

- В последние несколько недель я все больше убеждаюсь, что причина, по которой мой бизнес не процветает, заключается в том, что на мне Господня рука за то, что я пренебрегаю своим долгом, - ответил он. - Моя обязанность - всецело отдать себя проповедованию Истины.

- Но если ты пойдешь проповедовать, на что мы будем жить?

- Я чувствую уверенность, что Господь собирается указать нам путь. Я не знаю, как, но дверь должна открыться.

Мэри пошла в свою комнату, чтобы поплакать и помолиться наедине. Потом она надела пальто и отправилась в город.

Примерно через полчаса раздался стук в дверь. Незнакомец представился и сказал Джону: «Из-за плохого здоровья я переезжаю в Огайо и хочу прихватить с собой кое-что, чтобы повернуть небольшое дельце и покрыть предстоящие расходы. Мистер Гарбут рекомендовал мне вас, что вы можете продать мне патентованные замки Арнольда. Я хотел бы взять товар на сумму 80 долларов и, расплатившись с вами, забрать их завтра в полдень».

Все, что нужно было сделать Джону, так это пройти около километра на фабрику и сделать соответствующие распоряжения. Замки будут доставлены и его комиссионные должны составить 26 долларов.

Когда Мэри возвратилась со спичками, нитками и одним центом, она застала мужа поющим.

- Похоже, тебе весело, - заметила она.

- Пока ты ходила, для меня открылся путь, чтобы идти проповедовать.

После этого Джон рассказал жене о том, что произошло за время ее отсутствия.

Мэри вновь залилась слезами и пошла в свою комнату, на сей раз чтобы поблагодарить Господа за помощь. Имея 26 долларов, Джон купил дрова, провиант и другие вещи, необходимые в хозяйстве.

Планируя свои маршруты, Джон и его друг пастор Уайт решили, что Джон должен нанести несколько визитов к верующим в Огайо, затем в Мичиган, где 2 июня встретиться с семьей Уайт в городе Джексон. Здесь Джон пережил настолько впечатляющий опыт, что часто делился им, выступая перед собраниями, а также несколько раз публиковал его.

По дороге к дому Киреня Смита в городе Джексон пастор Корнелл отвел Джона в сторону, чтобы рассказать ему о недавнем видении сестры Уайт. «Это видение об известной мне проблемной женщине, живущей в данной местности, и миссис Уайт очень точно представила ее дело. Она изложила все это письменно, поэтому когда вы будете говорить с ней, пожалуйста, попросите у нее письменный экземпляр».

Сразу же после того, как Джон вошел в дом, миссис Уайт начала рассказывать видение о развратной женщине, которая пыталась проникнуть в среду адвентистов. Многих из них смущало притворно набожное

поведение этой женщины. Сестре Уайт было показано: услышав обличение, эта женщина встанет и смиренным тоном произнесет: «Господь знает мое сердце».

Вместе с пастором Корнеллом и Лафборо супруги Уайт прибыли пополудни в Вергеннес. Миссис Уайт повернулась к своему мужу:

- Джеймс, мы прибыли в то место, где живет эта женщина.

В тот момент, когда подкатила повозка, кто-то объявил:

«Едет брат Бригмэн», Сестра Уайт подняла глаза и сказала: - Никто из этой группы не доверяет этой женщине. Когда прибыл второй экипаж, она сказала:

- Они разделились. Сидящие на заднем сиденье думают, что с ней все в порядке.

Знавший их всех пастор Корнелл повернулся к Лафборо и произнес:

- Она абсолютно права.

После этого миссис Уайт отметила:

- Есть один мужчина, противостоящий этой женщине, которого я еще не видела. У него рыжеватые волосы и борода и что-то неестественное с его глазами.

Сразу же после этого кто-то заметил: - Идет Брат Пирсалл.

- О, - воскликнула Эллен, - это тот человек в очках!

На самом деле было что-то необычное с его глазами.

Пастор Лафборо спросил его:

- Почему вы носите очки, ведь вы еще так молоды? Он ответил:

- Это потому, что мои глаза не дружат друг с другом.

Один из них дальнозоркий, а другой близорукий. Поэтому я должен носить специальные очки.

На следующее утро в амбаре проходило собрание. В качестве кафедры был использован большой ящик, перевернутый вверх дном. Сестра Уайт сидела в кресле-качалке, рядом с ней находился пастор Лафборо, затем пасторы Уайт и Корнелл. После того как пастор Уайт говорил около десяти минут, вошла высокая смуглая женщина в сопровождении пожилого джентльмена и молодого человека. Миссис Уайт повернулась к Джону и прошептала: «Вот эта женщина. Пожилой мужчина - ее муж, а молодой человек рядом с ним - тот, с кем она разъезжает по стране. Когда Джеймс закончит, я расскажу видение, и вы увидите, о них ли идет речь»,

Пастор Лафборо чувствовал себя очень беспокоенно, ожидая развития событий. Ведь у него в кармане лежала копия видения, где были записаны именно те слова, которые должна будет произнести эта женщина после высказанного ей обличения.

Миссис Уайт предварила свое свидетельство текстом: «Очистите себя, носящие сосуды Господни!» (Исаии 52:11). В заключение она сказала: «Если Господь призвал женщину на служение, то она не должна путешествовать по стране ни с каким другим мужчиной, как только со своим мужем». После этих слов среди присутствующих началось сильное волнение. Некоторые из них заерзали на стульях и зашептались: «Видите, я же говорил вам».

После этого сестра Уайт выразилась еще точнее: «Друзья, то, о чем я говорю вам, имеет место среди нас. Эта высокая женщина, которая вошла и села у двери, претендует на особую святость. Она также утверждает, что имеет дар языков. Произносимая ею болтовня - не что иное, как тарабарщина. Если бы все народы, живущие на Земле, могли услышать ее, то ни один из них не смог бы ее понять, поскольку она не говорит ни на одном из известных языков. Эта женщина претендует на такую высокую святость, что даже не нуждается в Десяти Заповедях. Она заявляет, что освящена. Этот пожилой мужчина на переднем сиденье - ее муж. Будь милостив к нему, Господи! Он усиленно трудится дома, зарабатывая для нее деньги, чтобы она могла путешествовать с этим молодым человеком, сидящим рядом с ним. Бог показал мне, что, несмотря на всю их показную святость, эта женщина и этот молодой человек виновны в нарушении Седьмой Заповеди»,

Произнесла еще несколько слов, миссис Уайт села. Люди знали, что миссис Уайт только что приехала из дому, проделав путь в пять километров, а упомянутая женщина приехала с противоположной стороны, проделав путь в три километра, и они никогда прежде не виделись.

После того как миссис Уайт произнесла свое свидетельство, взоры всех устремились на обличаемую женщину - миссис Алькотт, чтобы посмотреть на ее реакцию. Она ничего не отрицала. Находясь под пристальным вниманием присутствующих, она медленно встала на ноги и с показной набожностью во взгляде медленно произнесла: «Господь знает мое сердце» и затем села. Собрание закончилось.

Это происшествие положило конец влиянию названной женщины в Вергеннесе. Незадолго до отъезда из города молодой человек признался: «Все, что миссис Уайт сказала о нас, является правдой - подлинной правдой!» (ДН. Лафборо. *Возникновение и развитие адвентистов седьмого дня*, с. 184-188).

Когда в 1855 году офис «Ревью энд Геральд» переехал в Баттл-Крик, штат Мичиган, этот город стал штаб-квартирой Церкви. Создание церковной организации все еще было делом будущего, посему не было выработано никакого систематического плана для финансовой поддержки служения. Добровольные приношения с трудом покрывали дорожные расходы. Когда в 1857 году Джон и Мэри Лафборо переехали в Баттл-Крик, Мэри начала брать пансионеров, чтобы помочь пополнить семейный бюджет. Заработная плата мужа составила лишь около четырех долларов наличными за первую зимнюю работу. Но в дополнение к этому фермеры помогали им продуктами, поставляя десять бушелей (*Единица объема, равная 36, 3 литра*) пшеницы, пять бушелей яблок, четверть бушеля бобов, пятнадцать килограммов кленового сахара и половину кабанчика. Это было за несколько лет до того, как адвентисты отказались от употребления свиного мяса.

Когда объявили, что в школьном здании в Локке, штат Мичиган, будут проходить собрания, туда не переставали стекаться многочисленные толпы народа. Люди все прибывали и прибывали. Два школьных здания были не в состоянии вместить всех людей. Многие сидели на повозках или просто на траве. Пастор Лафборо убрал оконную раму и стоял там, где каждый мог его слышать.

- Почему бы не купить палатку? - предложил пастор Корнелл.

Посетив город Джексон, они обсудили эту идею с братьями Смитом, Палмером и Келлогом, согласившимися финансировать это евангельское нововведение. На следующий день Корнелл отправился в Рочестер и приобрел восемнадцатиметровую палатку. Это событие обозначило начало эры палаточного евангелизма, и вскоре другие штаты последовали их примеру.

Верующие из Нью-Йорка застраховали палатку и попросили Лафборо и Корнелла посвятить ее. Во время их путешествия с палаткой в Западный Винфилд начался дождь. На берегу реки Салмон Крик они остановились, раздумывая, переходить ли им ее или нет, так как вода в ней сильно поднялась. Они спросили людей, живших по соседству, не переходила ли здесь недавно группа людей на другой берег реки.

- О, да, они переходили весь день, - последовал ответ. Джон щелкнул языком коню по имени Старый Чарли, и они начали спускаться в воду. Корнелл перешел по узкому мостику. Вдруг повозка начинала плыть, поскольку лошадь потеряла опору под ногами. Пока лошадь и повозка плыли вниз по течению, оба мужчины молились Богу об избавлении. Прямо внизу находилась потенциальная опасность - водяная мельница. Колеса повозки, увлеченной течением, ударились о камень. Старый Чарли повернул свою голову и бросил жалостливый взгляд на своего наездника.

- Чарли! - вскричал Джон. - Ты должен вытащить меня отсюда!

Напрягши все силы, лошадь сделала несколько стремительных рывков в сторону берега и достала копытами дна. Теперь она могла вытащить повозку из воды. На берегу реки собрались люди и радостно подбадривали храбрую лошадь. Затем мужчины подъехали к лесной посадке и остановились, чтобы возблагодарить Бога за помощь и сохранение жизни Джона.

Ближайший сосед Джона в Баттл-Крике никогда не видел миссис Уайт в состоянии видения до 1862 года, когда ему случилось присутствовать на молитвенном собрании. Мистер Дигни, так звали соседа, был сильным мужчиной, каменотесом. Во время видения миссис Уайт крепко сложила ладони на груди, и он даже при помощи самых отчаянных усилий не мог приподнять даже один ее палец настолько, чтобы протиснуть свой

указательный палец между ее пальцами или ладонями. Почти в тот самый момент она разжала свои ладони и грациозно протянула руки в сторону объекта, который, по-видимому, созерцала.

Пока ее рука оставалась вытянутой, пастор Уайт сказал: «Брат Дигни, похоже, что для такого сильного человека, как вы, будет очень легко согнуть ее руку. Вы можете попытаться, если захотите».

После этих слов Дигни приставил свое колено к изгибу локтя Эллен и, обхватив ее вытянутую руку, потянул назад, навалившись всей своей силой, однако не смог согнуть ее даже чуть-чуть. Он заметил: «Я бы скорее попытался согнуть железный прут, чем эту руку ...».

Прежде чем мистер Дигни закончил свою мысль, рука миссис Уайт грациозно возвратилась на ее грудь, но с такой силой, что его ступня начала скользить по полу, когда он попытался оказать руке сопротивление. Он сразу же признал, что с этим видением было связано проявление сверхъестественной силы, поскольку хорошо знал миссис Уайт как женщину очень хрупкого здоровья.

Стараясь выставить адвентистских служителей в неприглядном свете, критики время от времени делали едкие замечания. Одна дама, чувствуя «бремя ответственности», пришла к миссис Уайт и сказала:

- Мне нравится, как проповедует пастор Лафборо, но мне печально видеть его подражающим последней моде.
- Что вы имеете в виду?

- Почему, - ответила дама, - бреясь, он оставляет усы над верхней губой и короткую остроконечную бородку?

Миссис Уайт ответила:

- Если это все, что вас в нем беспокоит, то я могу вас утешить. Он вообще не бреется. Он позволяет себе отращивать всю бороду, которую дал ему Бог, и я полагаю: если бы Господь дал ему больше волос, то он бы их также отращивал.

До 1868 года Адвентисты седьмого дня направляли свои усилия на северо-восток и средний запад Соединенных Штатов. В конце 50-х годов миссис Морхаус приняла Истину в штате Миссури и позже переехала в Пэндлтон, штат Орегон. Она была первой адвентисткой, проживающей на запад от Скалистых гор. На посылаемые ею в Баттл-Крик частые просьбы прислать служителя ей отвечали: «Наберитесь терпения. Когда-нибудь работники смогут приехать, но не сейчас».

В 1859 году Мэррит Келлог поехал в Сан-Франциско, где устроился плотником. Спустя несколько лет сапожник Дж. У. Кронкайт прошел через горный перевал с намерением распространить литературу на Западном побережье. Каждую субботу они встречались вместе с баптистом Б. Г. Ст. Джоном на Минна стрит. Эти друзья заработали 133 доллара золотом и послали их в Баттл-Крик с настойчивой просьбой прислать им служителя.

На сессии Генеральной Конференции в 1868 году пастор Уайт спросил служителей, не думал ли кто-нибудь из них о том, чтобы потрудиться в Калифорнии. Пастор Лафборо поднялся с места и ответил, что видел несколько снов о путешествии в Калифорнию через Панаму, и что он готов поехать. После этого пастор Уайт объявил:

- Когда Господь посылал Своих слуг, то посылал их по двое. Есть ли кто-нибудь еще, желающий поработать на этом поле?

Тогда поднялся Д.Т. Бордые и сказал:

- Прежде чем поехать на эту Конференцию, я продал все мое имущество, поскольку почувствовал побуждение быть посланным на какое-то дальнее поле».

Затем пастор Уайт поместил в «Ревью» заметку с просьбой пожертвовать тысячу долларов на покупку палатки и оплату дорожных расходов. Городские газеты подхватили необычную историю об адвентистских евангелистах, отплывающих в Калифорнию с палаткой. Мэри, жена Джона Лафборо, умерла за год до этого, поэтому он женился на Маргарет Ньюман из Виктора, штат Нью-Йорк.

Их пароход прибыл в Сан-Франциско 18 июля в субботу утром, через 24 дня после отплытия из Нью-Йорка. У них был адрес Б. Г. Ст. Джона на Минна стрит и здесь их ожидал радушный прием.

В Петалуме была группа верующих, называющих себя «независимые». Они вышли из различных церквей, чувствуя, что не могут иметь ничего общего с царящими там формализмом и гордостью. Прочитав в газетах о прибывающих с палаткой евангелистах, эти верующие молились: если евангелисты являются Божьими слугами, то пусть они благополучно доберутся до места назначения.

Ночью, последовавшей за молитвенным собранием «независимых», одному из них, мистеру Вольфу, приснился впечатляющий сон. Он видел, что вся страна окутана мраком. Далее он увидел во сне, как двое мужчин сооружают костер. Когда костер запылал и эти люди возрадовались при его свете, служители Петалумы попытались забросать огонь травой и грязью. Однако чем больше они пытались потушить его, тем сильнее он разгорался. Пока служители пытались потушить первый костер, двое мужчин зажгли второй и третий. После этого мистеру Вольфу снилось, что эти двое мужчин были теми самыми людьми, которые должны приехать с палаткой. Он рассказал о своем сновидении другим и заявил, что должен увидеть этих людей по их прибытии, и если они окажутся мужчинами из его сна, он непременно узнает их.

Пока пасторы Лафборо и Бордье пребывали в раздумье, где бы поставить палатку в Сан-Франциско, мистер Хог, один из «независимых», справлялся в резиденции Сэйнт Джон, прибыли ли на пароходе мужчины из Панамы. Он стал уговаривать их начать служение в Петалуме. Они увидели в этом Божье руководство и вместе с мистером Хогом повезли палатку на север. Когда мистер Вольф увидел евангелистов, он воскликнул: «Это те самые люди из моего сна!» Двадцать человек приняли адвентистскую весть в Петалуме, и там была организована церковь.

В апреле 1869 года пасторы Лафборо и Бордье начали шестинедельную серию евангельских встреч в Санта Роза. Здесь имело место чудесное происшествие. Среди посетителей встреч находилась молодая выпускница медицинского колледжа из Женевы, доктор Пэррот. Срочный вызов привел ее к больничной койке миссис Скиннер в Пайнере. После недели ухода за больной, ее пациентка настолько поправилась, что доктор Пэррот объявила о своем намерении вернуться на палаточные собрания. Сын миссис Скиннер, атеист Оливер, приготовил лошадь, предназначенную для дамской езды верхом, но как только женщина взобралась на нее, лошадь начала яростно брыкаться. Наездница была выброшена из седла с такой силой, что согнулась его передняя лука. Когда присутствующие взглянули на покалеченное тело девушки, они подумали, что она мертва. Придя в сознание, доктор Пэррот с трудом могла говорить только шепотом.

- Послать ли нам за доктором? - спросил кто-то.

- Нет, - ответила Пэррот. - Доктор не сможет мне ничем помочь. Пошлите за служителями в палатке. Если они помолятся за меня, то Господь исцелит меня.

Пасторы Лафборо и Бордье только что начали свою вечернюю встречу, когда к ним поступила просьба о помощи. Подумав о том, что было бы не совсем мудро распустить собрание, они пообещали отправиться к пострадавшей ранним утром следующего дня. Когда они прибыли на место, то узнали, что состояние девушки потребовало присутствия четырех сиделок в течение всей ночи.

Во время молитвы служителей доктор Пэррот вскоре начала молиться сильным голосом, затем ударила в ладони и объявила: «Я исцелена!» Она поднялась, оделась и начала выполнять домашние обязанности. Вечером поехала на встречу в громыхающей повозке, совершенно свободная от всяких болезненных ощущений. Бывший атеист Оливер теперь с энтузиазмом свидетельствовал всякому встречному о Божьей силе.

Пастор Лафборо объявил, что субботнее богослужение состоится в Пайнерском школьном здании, опасаясь противостояния со стороны мистера Пега, обвинившего его в проповедовании учения Мормона. Когда Джон готовился к служению, его жена сказала: «Я глубоко переживаю за тебя, мне кажется, что нас ждут проблемы. Завтра я поеду вместе с тобой».

Субботним утром в 7 часов супруги подъехали в экипаже к жилищу миссис Скиннер. Там они узнали, что мистер Пег позабывал гвоздями ставни окон и двери в здании школы, говоря: «Лафборо больше не войдет в это место». Он также наточил огромный нож мясника и приготовил дубину, чтобы подстеречь и убить проповедника. После завтрака они увидели вооруженного ножом и дубиной мистера Пега, проходящего мимо дома и идущего по дороге, по которой они только что приехали.

Джон сказал миссис Скиннер: «Я надеюсь, он неплохо проведет время, карауля меня на дороге»,

Оливер Скиннер, открывая здание школы, опустил в свой карман револьвер и сказал: «Если Пег сегодня выгонит Лафборо из здания школы, то сделает это только через мой труп».

К концу проповеди мистер Пег вошел во двор. Он увидел, что в его планах произошла какая-то неувязка. Джон окончил служение и вышел наружу. Мужчины сделали оцепление вокруг разъяренного мужчины и стояли так до тех пор, пока Лафборо не оказался вне пределов его досягаемости.

На следующей неделе мистер Пег пришел к присяжным заседателям, требуя, чтобы проповедь Лафборо была остановлена. Однако судья, узнав о том, что он незаконно закрыл здание школы и угрожал жизни проповедника, сказал: «Мистер Пег, идите-ка лучше домой и тихонько сидите, поскольку вас надлежит преследовать по закону».

Следующим полем для евангелизации Лафборо избрал Нэпа Волли, где основал церкви в Нэпа Сити и Сэйнт Хелене. В 1878 году Генеральная Конференция попросила его поехать в Англию с тем, чтобы развивать хорошие начинания брата Уильяма Ингса по распространению литературы.

Однако проводимые здесь палаточные встречи не собирали такие огромные аудитории, как в Америке. Власть имущие богачи и образованная публика не проявляли интереса к Евангельской вести. Лорды, аристократы и мелкопоместное дворянство, казалось, были вне досягаемости. Их особняки были окружены высокими стенами и железными воротами, запиравшимися на замки и засовы. Тем не менее, со временем были организованы церкви в Саусхэмптоне, Гримсби, Алсби и Рисли.

Джон Лафборо совершил несколько всемирных турне с целью развития иностранных миссий и написал ряд книг, одна из которых была исчерпывающим описанием истории деноминации - «Возникновение и развитие Адвентистов седьмого дня». Он провел свои последние дни в санатории Сэйнт Хелена, где и умер в 1924 году в возрасте 92 лет.

Источники:

Очерки прошлого (Пэсифик Юнион Рекордер, 3 января 1907 - 6 марта 1914 г.; Юс Инструктор, октябрь 1863 - март 1865 г.; Дневник за 1889год.)

Д. Н. Лафборо. Возникновение и развитие Адвентистов седьмого дня.

Глава шестая. Сын пророка

Уильям Уайт

Он мертв! Он мертв! - закричала Дженни, торопясь сказать об этом его матери. - Он упал в корыто с водой, и я только что вытащила его!

- Вода была горячей или холодной? - спросила мать, взяв насквозь мокрого маленького мальчика и положив его на траву.

- Он мертв! Он утонул! О горе! - запричитала Дженни в истерике.

- Дженни! Ответь мне! Вода была горячей или холодной?

- Холодной. Он мертв! - всхлипывала она.

Небольшой палочкой двухлетний Уилли Уайт толкал свою деревянную «лодочку» в корыте на кухне. Он чересчур наклонился и бултыхнулся головой вниз. Вернувшись с охапкой щепок на растопку, Дженни не заметила происшествия. Вдруг она увидела маленькую ступню, торчащую из воды.

Мать Эллен положила Уилли на траву и начала катать его по ней.

- Немедленно пошлите за доктором, - распорядилась она. Эллен продолжала свое занятие, чтобы вернуть ребенка к жизни. Прошло пять, десять минут. По прошествии двадцати минут она увидела проблеск под маленьким веком и движения его губ. Дав указание Дженни нагреть одежды из грубой ткани, она внесла Уилли в дом. Вскоре он был укутан в теплые одеяния и пошел на поправку.

Уильям родился 29 августа 1854 года в Рочестере, штат Нью-Йорк, и во время упомянутого выше происшествия у него уже было двое старших братьев - семилетний Генри и пятилетний Эдсон. Мальчики изредка видели своих родителей, которые большую часть времени проводили в разъездах, проповедуя и наставляя верующих. Недавно образовавшаяся Адвентистская Церковь имела много нужд, в частности Уайтам иногда приходилось сталкиваться с фанатично настроенными людьми. Мальчики находились на попечении и почти что выросли под присмотром семьи Хаулэнд, Дженни Фрэйсер, Клариссы Бонфой и Аделии Паттен. Общение с родителями происходило с помощью переписки. В сентябре 1859 года Эллен Уайт писала Уилли: «Мы находимся у брата Фолсома. Ты помнишь, Уилли, это место, где делают леденцы». Она обещала прислать ему коробку с леденцами, но предостерегла: «Ты должен есть их только тогда, когда Дженни посчитает нужным. Ешь каждый раз понемногу».

Все трое мальчиков отличались по темпераменту. Генри был серьезным, Эдсон - маленьким бунтовщиком, в то время как Уилли был милым, добродушным и послушным.

Вскоре началась Гражданская война и на улицах можно было увидеть солдат, марширующих под бой барабанов.

Мальчики, словно зачарованные, смотрели на них. Песни военного времени нравились им. Вскоре они напевали: «Раз, два, три, мальчишки маршируют» и «Мы идем, отец Авраам» *(Здесь, по-видимому, речь идет о 16-ом президенте США, боровшемся за отмену рабства, - Аврааме Линкольне (1809-1865) - Прим. переводчика.)*.

Однажды, когда солдаты тренировались на ярмарочной площади, Генри не только пошел посмотреть, но вскоре и сам начал маршировать рядом с ними, насвистывая в унисон на своей дудочке. Капитан приказал солдатам-дударям замолчать, и группа солдат проделала путь в одну милю, маршируя под бой барабанов и насвистывание дудочки Генри.

Мальчикам захотелось иметь барабан. Сложив две пустых коробки из-под сыра вместе и заменив деревянные крышки сыромятной кожей, они соорудили очень неплохой инструмент. Они ходили по улице вверх-вниз. Вот это здорово! Но соседи отметили, что невоюющим адвентистам не подобает подражать марширующим солдатам. Джеймс Уайт внял замечанию и попросил мальчиков прекратить это занятие.

Весной 1867 года Джеймс и Эллен Уайт, испытывая сильный упадок сил, переехали на ферму в Гринвилл, штат Мичиган. Жизнь на ферме возвратила им здоровье. Вместе они пахали, рыхлили землю, складывали сено. Уилли долгими часами работал в поле, пропалывал сорняки на клубничном участке, смотрел за коровами, телятами и выводком цыплят.

В ту осень и зиму, когда их родители возобновили свою передвижную жизнь, Уилли жил у находящейся неподалеку семьи Мэйнард и посещал общественную школу. Учительница, мисс Джоунс, не была к нему благосклонна. Однажды после полудня, сопровождаемый парочкой приятелей, Уилли вернулся в школу, пролез через открытое окно и написал на доске нелестный стишок:

Дьявол облетел восток, запад, север и юг
И поймал мисс Джоунс на свой крюк,
Но когда он увидел ее глупость,
То бросил в эту школу преподавать свою тупость.

На следующее утро мисс Джоунс попросила виновного признаться. Никто не сдвинулся с места. Узнав почерк, она посмотрела на Уилли.

- Это ты написал на доске?

- Да, я, - ответил Уилли.

- Я требую, чтобы ты взял эти слова обратно, - раздраженно произнесла учительница.

- Я не могу, - ответил Уилли. - Это правда, а мои родители учили меня всегда говорить только правду.

Его исключили из школы, и он не мог восстановиться, пока не извинился перед школьным советом.

Когда семья Уайт возвратилась для жительства в Баттл-Крик, Уилли нашел для себя массу занятий. Джеймс Эрзбергер, один из новокрещенных адвентистов Швейцарии, приехал сюда, чтобы учиться и лучше подготовиться для служения. Немец по происхождению, он был совершенно незнаком с английским языком. Семья Уайт взяла его к себе в дом, где Уилли стал его терпеливым наставником. Уилли был также проводником для слепого служителя Литтлджона и часто сопровождал его во время пасторских посещений в церкви Баттл-Крик Табэрнекл. Затем он оказывал большую помощь в издательском офисе, где был рад познакомиться с привлекательным новым работником из комнаты наборщиков - Мэри Кэлси. Однако же в то время она никому не выказывала своих симпатий.

Тем временем супруги Уайт составляли другой упорядоченный список лагерных собраний. В течение лета 1870 года такие лагерные собрания должны были пройти в Айове, Огайо, Индиане, Канзасе, Миссури, Нью-Йорке, в Массачусетсе, Вермонте, Мэне и Мичигане.

Находясь на борту парохода, направляющегося вверх по реке Миссисипи, семья Уайт проплывала мимо огромных плотов. Бородатые шведы сплавляли вниз по реке для распиловки на лесопильне свой зимний «урожай» бревен. На плотках находились примитивные укрытия, в которых обитали лесорубы. Когда пароход проплывал мимо, обитатели плотов махали пассажирам руками и кричали: «Газеты» Пассажиры судна бросали им газеты, но большинство из них не долетало и тонulo в воде. Изобретательный Уилли побежал в машинное отделение и выпросил несколько кусков угля. Он завернул их в литературу, аккуратно прицелился и метнул так, что они приземлились прямо на плоты, где были радостно подхвачены лесорубами.

Поскольку супруги Уайт усматривали в Джоне Келлоге будущего способного доктора медицины, они предложили оплачивать его обучение. В 1870-х годах курс известной по тем временам медицины мог быть пройден за шесть месяцев. Родители побудили Эдсона и Уилли также пройти это обучение. Старший брат Джона, доктор Мэррит Келлог, присоединился к этой группе с целью повысить свою квалификацию. Осенью 1872 года вся группа отбыла в Гигиено-терапевтический колледж доктора Тролла, находящийся в Флорэнс Хейтс, штат Нью-Йорк. Здесь Уилли изучал остеологию, френологию и химию. 11 апреля 1873 года молодые люди возвратились в Баттл-Крик, с гордостью показывая свои дипломы, которые жаловали им «степень доктора медицины» со всеми правами законной практики. Теперь молодая особа Мэри Кэлси могла сравнить доктора Джона с доктором Уильямом и окончательно решить, кому из них отдать свое предпочтение, поскольку они оба поглядывали в ее сторону.

Утомленные постоянными заботами и чрезмерной деятельностью в Баттл-Крике, Джеймс и Эллен Уайт искали возможность отдохнуть и восстановить силы среди тихих гор Колорадо. Их родственники Уолингсы поместили Уайтов в уединенном жилище, где они по-настоящему могли расслабиться и наслаждаться идиллическим отпуском. Они собирали дикую землянику, ходили в долгие прогулки, иногда наслаждались верховой ездой среди великолепных пейзажей. Большую часть своего времени Уилли провел, занимаясь туризмом, охотой и рыбной ловлей.

Однако Джеймс не мог просто так изменить своей привычке писать, когда идеи наполняли его голову. Однажды он почувствовал побуждение написать небольшой трактат и послать его в издательство. Кто-то из рыбаков предложил взять его письмо в почтовое отделение Блэк Хок, если он закончит его прежде, чем они уедут рано утром следующего дня. К концу дня Джеймс понял, что не сможет завершить свою работу до наступления темноты. Весь их запас свечей был израсходован. Вспомнив, что недалеко от лагеря был убит большой волк, он послал туда Уилли, вооружив его для большей безопасности двуствольным пистолетом. Снабдив сына кастрюлей и охотничьим ножом, он попросил, чтобы тот, по возможности, соскреб с мертвого волка жир. Позже Уилли рассказывал, что он никогда в жизни не видел такого тощего волка. Тем не менее он справился с задачей и собрал полторы чашки жира. Растопив жир, Джеймс вылил его в посудину, добавил

несколько лоскутков для фитиля и получил достаточное количество света, чтобы закончить свой трактат (*Джерри Мун. У. К Уайт и Эллен Г. Уайт, с. 19*).

Джеймс Уайт воплощал в жизнь мечту об адвентистском издательском доме на западном побережье страны. Здесь он выпустил новый еженедельный журнал «Знамена времени». Осенью 1873 года чета Уайт, сопровождаемая Мэри Кэлси, отправилась на поезде в Калифорнию. Мэри работала корректором в недавно образованном издательстве «Пасифик Пресс». Теперь Уилли был свободен от соперничества с Джоном Келлогом.

Когда «Знамена» были напечатаны, при помощи энергичных усилий Уилли их подписали адресатам, упаковали и перевезли тачкой по несколько упаковок в почтовое отделение. Между Уилли и Мэри завязались серьезные отношения, и в 1876 году они поженились.

3 апреля 1876 года Уилли был избран президентом и менеджером Тихоокеанской Издательской Ассоциации адвентистов седьмого дня. Мэри Кэлси Уайт заняла должность казначея и редактора. Вскоре Уилли был избран в совет Батгл-Крикского колледжа, стал директором Западного Института реформы здоровья, секретарем отдела иностранных миссий и членом комитета Ассоциации Субботней школы АСД.

В 1870-х годах из-за ухудшающегося здоровья отца, Уилли провел много времени, путешествуя со своей матерью и помогая ей. После смерти отца в 1881 году, его ответственность как советника и помощника матери еще более возросла. Благодаря его административным способностям он получил всеобщее признание.

В 1884 году сессия Генеральной Конференции проголосовала за то, чтобы послать Уилли с матерью в Европу для руководства по «завершению и оснащению» издательского дома в Базеле, включая закупку «печатных станков и машинного оборудования».

7 августа 1885 года Эллен Уайт, Сара Макэнтерфер, Уилли, Мэри Уайт и их двухлетняя дочь Элла отплыли из Бостона в Ливерпуль (Англия), затем в Базель. После европейского Совета, состоявшегося в сентябре, Уилли с матерью отправился в восьминедельное путешествие по Скандинавии, оставив Мэри вести дела во время их отсутствия.

По пути в город Христиану Уилли чуть было не опоздал на поезд, отправляющийся из Стокгольма. Эллен и Сара сели в поезд вовремя, не подозревая о проблемах, с которыми столкнулся Уилли, перевоза свой багаж. Настало время отправления, а Уилли все еще не было. У четырехколесной ручной тележки, на которой он перевозил багаж, внезапно отвалилось колесо. Из-за промедления, связанного с поломкой, Уилли едва успел на поезд. Эллен записала в своем дневнике: «Какое зрелище представлял из себя У. К. Уайт с залитым потом лицом, натянувшимся в напряжении каждым нервом и галопом бьющимся пульсом! Я была так взволнована и встревожена, что некоторое время не могла успокоиться».

В течение последующих 18 месяцев, помимо чрезвычайно напряженного расписания в базельском офисе, Уилли имел очень плотный график длительных поездок: второе путешествие по Скандинавии, два путешествия по церквям Италии и две поездки в Америку на сессии Генеральной Конференции. Между ними втиснулся торопливый вояж в Базель по поводу появления на свет его второй дочери Мэйбл (1 ноября 1886 года).

Здоровье Мэри постоянно ухудшалось. Возрастающие симптомы туберкулеза становились угрожающими. Уилли сообщал своей матери: «Она как всегда с трудом сдерживает кашель. Кажется, он меньше в ее горле и больше в легких. Я рад, что вскоре она поедет в Баттл-Крик. Она начала терять в весе».

Уилли надеялся проводить Мэри на корабль в Ливерпуле, но он объяснил, почему не смог этого сделать: «Я сожалею, что не могу поехать с Мэри и посадить ее на корабль, но у нас уже столь долгое время дела идут прежде удовольствий, что я думаю, ты простишь меня» (У. К Уайт к Эллен Г. Уайт, 21 июля 1887 г.).

На сессии Генеральной Конференции в Миннеаполисе осенью 1888 года обнаружилось доктринальное разделение в среде адвентизма. Уилли оказался втянутым в самую гущу событий. Десятилетиями адвентистские евангелисты делали сильный акцент на непреложных требованиях Закона Божьего, без того чтобы уравновесить эту доктрину оправданием по вере. Двое молодых соредакторов «Знамений времени» - Эллет Ваггонер и Алонзо Джоунс опубликовали статьи, которые шли вразрез с убеждениями редактора «Ревью» Урии Смита и президента Генеральной Конференции Джорджа Батлера. Тот факт, что Уилли и

Эллен Уайт ехали до Миннеаполиса в компании с Джоунсом и Ваггонером, сделал их объектом для подозрений в сговоре, хотя Уайты всегда сохраняли баланс между такими понятиями, как Закон и благодать.

Накануне сессии проходили курсы для служителей, где Джоунс и Ваггонер активно проповедовали истину о праведности по вере. Когда между противостоящими сторонами начались открытые дискуссии, Эллен Уайт ясно представила любовь Спасителя, пожертвовавшего Собой ради спасения человечества.

Уилли снискал уважение за свои администраторские способности и был избран временным президентом Генеральной Конференции, пока находящийся в Норвегии О. А. Олсен сможет занять этот пост весной. Миннеапольские совещания завершились благоразумным духом полуединства, однако неразрешенные вопросы давали о себе знать еще многие годы.

Развивающийся Западный колледж в Хилдсбурге, штат Калифорния, хотя и снискал благорасположение городского общества, стал мишенью для местных протестантских служителей, противящихся соблюдению субботы. В январе 1889 года они пригласили Д. М. Кэнрайта, бывшего адвентистского служителя и автора книги «Отвергнутый адвентизм седьмого дня», провести лекции в здании театра. По странному стечению обстоятельств пастор Уильям Хили, представлявший адвентистов в недельных дебатах, был обращен Кэнрайтом 17 лет назад. Некоторые считали, что адвентистов следует с шумом выгнать из города, другие утверждали, что адвентисты способствовали процветанию города.

В это время Мэри К. Уайт жила в доме миссис Уайт в Хилдсбурге, пока та отсутствовала, посещая лагерные собрания на востоке. Поскольку хилдсбургская газета «Энгерпрайз» всесторонне освещала дебаты, Мэри послала копии газетных статей своему мужу Уилли, находившемуся в Баттл-Крике. Дебаты закончились, зайдя в тупик, и не принесли никаких значительных результатов.

Считая, что климат Колорадо будет благоприятствовать здоровью Мэри, Уилли перевез ее в Боулдер. Для спасения жизни Мэри было сделано все возможное. Приехал ее старый друг, доктор Джон Келлог, чтобы служить ей помощью и утешением, но не смог оттянуть ее неизбежную кончину. Она испустила последнее дыхание и почил на его руках. Ей было всего 33 года.

Уилли писал: «Моя Мэри умерла в Боулдере 18 июня 1890 года. Тот факт, что она ушла из жизни, приносит чувство тяжелого одиночества и тоски. Я положил в могилу ту, которую любил больше собственной жизни. Моя жена окружала меня атмосферой великодушной привязанности. Я скучаю по ней в каждой мысли и в каждом намерении».

Генеральная Конференция попросила Уилли и Эллен Уайт провести некоторое время в Австралии. Несмотря на то, что С. Н. Хаскелл и его четыре сотрудника представили адвентистскую весть в Мельбурне еще в 1885 году, местная церковь находилась в состоянии становления. В ноябре 1891 года Уилли со своей матерью, в сопровождении Мэй Уоллинг, Фэнни Болтон и Эмили Кэмпбелл, сели на корабль «Аламеда».

После поселения в Мельбурне было решено, что одной из первоочередных задач является организация школы по подготовке работников. Для этой цели был арендован комплекс из четырех зданий, где Л. Дж. Руссо и его жена совершали служение в качестве учителей. Получив название «Австралийская библейская школа», она успешно доказала свое право на существование.

Следующим летом Уайты посетили небольшое лагерное собрание, проходившее в Нэпье, Новая Зеландия. Когда пошел сильный дождь, палатка начала протекать во многих местах, но это вовсе не беспокоило аудиторию, чей интерес был сосредоточен на вечных вопросах. Двухколесный экипаж сделал возможным присутствие Эллен на этих собраниях.

Однажды ранним утром, в день, когда она должна была выступать с речью, не оказалось никакого транспорта, чтобы добраться на место. Несмотря на свой болезненный артрит, Эллен пошла пешком. К своему удивлению она услышала позади себя шум двуколки, в которую «впрягся» Уилли. Он настоял, чтобы мать заняла свое обычное место, и привез экипаж прямо к палатке.

На конференции Австралийского Униона под председательством Уилли было принято решение перенести школу в благоприятную для здоровья местность, где студенты смогут зарабатывать на свои расходы.

Предложенное для этой цели поместье Бреттвилл в Куранбонге превзошло все ожидания. Здесь продавалось 600 гектаров земли всего за 4500 долларов.

Между тем Уилли нуждался в супруге. Проблема заключалась в том, что у него не было времени для ухаживания за будущей женой. Обремененный ответственностью как президент Австралазийской Унионной Конференции, помощник своей матери, принимающий активное участие в развитии школы в Куранбонге и лагерных собраниях, занятый утомительной перепиской (не имея ни одного секретаря), он просто не располагал временем для себя.

В это время он встретил двадцатилетнюю Мэй Лэйси, посещавшую школу в Мельбурне. Он сказал ей, что чувствует, что Бог свел их вместе, затем без особых предисловий попросил ее руки. Но Мэй была влюблена в учителя Артура Кьюрроу. Она сказала Уилли, что не разделяет его взглядов относительно того, якобы их свел Бог. Однако Уилли не отступал, многократно делая ей предложение.

Тогда у его матери созрел план. Она должна была пригласить Мэй пожить и поработать для нее в ее доме. Однако это вовсе не означало, что у Мэй будет больше времени для знакомства с Уилли. Он всегда был занят решением проблем новой школы или же находился на других собраниях.

Эллен Уайт написала своему другому сыну о том, что Мэй «ростом почти такая же, как Мэри [первая жена Уилли], цвет ее глаз был таким же, у нее похожий с Мэри лоб, она хорошо себя ведет, никогда не затевает с ним ссору и не раздражает его. Она хорошо играет на пианино и органе и обладает сильным голосом». Уилли добавил: «Она милая, великодушная, здоровая женщина ... ее жизненно важные органы не были повреждены ношением корсетов».

Искренне желая исполнить волю Божью, Мэй высказала Господу три просьбы: (1) чтобы она смогла полюбить Уилли от всего сердца, (2) чтобы она утратила интерес к Артуру, (3) чтобы ее школьная задолженность была оплачена. Когда были исполнены первые две просьбы, а мать Уилли оплатила школьный счет, Мэй приняла предложение Уилли.

Свадебные планы оставались неопределенными, поскольку приближались три запланированных месяца лагерных собраний, а также посещения новозеландских церквей. Где должна состояться свадьба: на австралийском материке или в Тасмании? На этот вопрос Уилли не имел четкого ответа. Он подумал, что это событие можно будет втиснуть в его плотный график сразу же после апрельского съезда в Тасмании. Семья Мэй попросила, чтобы венчание проходило в их доме в Тасмании.

В день бракосочетания, 9 мая 1895 года, комнаты были украшены листьями папоротника и цветами, и служение совершал пастор Пэлфраймен, методистский служитель и старый друг семьи Лэйси. После церемонии венчания, состоявшейся в полдень, последовал великолепный свадебный ужин. Гости заметили, что Уилли был чем-то обеспокоен. Все прояснилось, когда он сказал: «Извините, мои родные, но я должен спешить на совещание комитета, а Мэй необходимо закончить упаковывать вещи, чтобы мы успели на вечерний поезд в 8:30 и смогли добраться до Мельбурна». Хотя Уилли надеялся на двухнедельный отпуск, однако они с молодой женой не могли себе позволить отдохнуть даже несколько дней.

Дочери Эллы и Мэйбл, которым в ту пору исполнилось 13 и 8 лет, прибыли из Америки 5 мая. После разлуки со своим отцом, длившейся три с половиной года, их встреча откладывалась до времени, пока завершится работа комитета и совещаний в Мельбурне.

Спустя год или чуть более после их окрыляющей свадьбы, появились симптомы, что Уилли стремительно двигался к полному истощению. Его мать отмечала, что он «очень похож на остановившиеся часы»; месяцами он так мало спал, что она опасалась, как бы его не разбил паралич. Находившийся в то время в Австралии У. У. Прескотт отмечал: «Подобно своему отцу, Уилли пытался сделать работу, предназначавшуюся для троих. Он одновременно был президентом, основателем и менеджером учреждений, помощником своей матери, не говоря уже о печатании большей части его собственной корреспонденции, которая только в 1896 году насчитывала свыше 1 000 страниц».

К счастью, в работе комитетов было несколько перерывов, предоставляющих возможность для отдыха. Уилли часто вспоминал случай, как однажды возле открытого окна офиса села птичка кукабарра (что значит «смеющийся осел»). В тот момент, когда один из членов комитета подчеркивал важность какого-то серьезного

вопроса, птица начала издавать свой сиплый смех. Это произвело на всех присутствующих такой эффект, что вскоре вся группа начала конвульсивно надрываться от смеха.

Проведя в Австралии девять плодотворных лет, Уайты наконец возвратились в Америку. Оглядываясь назад, они могли отметить много успешных свершений, организацию учреждений и рост Церкви. Погрузившись на судно под названием «Моана», они достигли Сан-Франциско в конце сентября 1900 года.

Теперь первостепенной задачей стали поиски жилья.

Друзья указали им на поместье Прэйт у подножия горы Хоуэлл близ Сэинт Хелены. Здесь они приобрели участок земли в 24 гектара и большой дом с многочисленными наружными постройками за 5000 долларов. Элмхэвен оказался обставленным мебелью, амбары были наполнены рабочим инвентарем, а сараи - домашними животными. Великолепное приобретение!

Поскольку Уилли и его семья также нуждались в жилье, Эллен Уайт передала ему в собственность около трех гектаров земли прямо на вершине холма. Прикатив грузовую повозку с бревнами, приобретенными у друга в Орегоне, Уилли построил дом таких размеров, что в нем могла разместиться не только его семья, но и посещающие их гости. Он назвал его Роузхэвен.

Рядом с резиденцией Элмхэвен был сооружен офис с комнатами для секретарей. К офису присоединили бетонированный подвал для хранения объемных трудов Эллен Уайт и корреспонденции. В этом здании располагался также офис Уилли.

Семья Уилли значительно пополнилась с рождением братьев-близнецов Генри и Герберта (1896), а затем еще троих детей: Грэйс (1900), Артура (1907) и Фрэнсиса (1913). Элла вышла замуж за Дореса Робинсона, а Мэйбл за Уилфрида Уоркмэна. Еще в юношеском возрасте сыновья Герберт и Генри начали успешный издательский бизнес. Они нашли себе жен и в 1921 году отправились вместе в Китай, чтобы совершать там миссионерское служение.

Будучи помощником и советником своей матери до самой ее смерти в 1915 году, Уилли принимал участие в большинстве событий, связанных с жизнью Церкви. В 1901 году проходила историческая сессия Генеральной Конференции в Баттл-Крике, когда произошла реорганизация административной структуры деноминации с целью большего представительства и эффективности. В 1902 году пожар уничтожил издательство и санаторий в Баттл-Крике. Год спустя руководители Церкви проголосовали за окончательный переезд в Вашингтон, округ Колумбия, где они воздвигли новое здание «Ревью энд Геральд» и офис Генеральной Конференции. Почти в двух километрах отсюда на возвышенном месте Слиго Крик был построен другой санаторий.

В последующие годы Уилли вместе с руководителями Церкви ездил по всему континенту, посещая конференции, съезды и заседания комитетов. Казалось, что просто не было никакого спасения от постоянных притязаний на его время, и он вполне законно жаждал большего отдыха.

В одно субботнее утро, когда Эллен Уайт проповедовала в церкви в Сэинт Хелена, Уилли сидел за кафедрой рядом с матерью. Посреди своей проповеди она заметила, что некоторые люди в собрании начали хихикать. Обернувшись, Эллен обнаружила дремлющего Уилли. Она принесла свои извинения: «Когда Уилли был совсем маленьким, я брала его с собой за кафедру и укладывала спать в корзинку внизу кафедры, поэтому он никогда не мог преодолеть эту привычку».

Со смертью матери на Уильяма Уайта легла ответственность за сохранение ее сочинений. Только время от времени бюджет позволял нанять секретаря на полставки. Поэтому он должен был самостоятельно отвечать на многотомную корреспонденцию, касающуюся ее сочинений, и принимать решения о том, как реагировать на обвинения критиков. Учитывая годы его опыта, никто другой не справился бы лучше с этими обязанностями.

Когда в 1929 году сыновья-близнецы со своими семьями вернулись из Китая, большой дом Уилли мог разместить всех. Служения, проходившие в пятницу вечером, были чем-то особенным. Внучка Уинни вспоминает о царившей там духовной близости:

«Когда день приближался к завершению, мы могли видеть дедушку, входящего в гостиную с поленьями, бумагой и спичками, готового развести огонь в камине. Вскоре все собирались в гостиной - тети, дяди, братья,

сестры и кузины. Мы, дети, должны были садиться на полу у огня. Бабушка обычно садилась за пианино, а дедушка в свое любимое кресло-качалку.

Один из детей раздавал книги с псалмами из огромной стопки «Гимнов и мелодий». Весьма вероятно, что псалом 1398-й был гимном для начала богослужения, и мы встречали субботний день словами:

Солнце садится за холмом, и близится вечер; Медленно опускаются тихие сумерки, и начался субботний день.

Дедушка читал что-нибудь из Библии, часто присовокупляя интересные комментарии. Он совершал молитву, затем, начиная со старших членов семьи и заканчивая самыми маленькими, каждый добавлял к ней короткую просьбу. Богослужения иногда длились долго, но никто не возражал.

Прием пищи в доме Уайтов всегда был радостным событием. Большинство из нас, детей, желали использовать преимущество позвонить в обеденный колокольчик. После второго звонка на стол ставили большие парующие блюда и все мы должны были усаживаться. Зачастую вместо обычных слов благословения, мы все присоединялись к единогласному благословению, которое начиналось дедушкиными словами: «Славьте Господа, ибо вовек милость Его ... Он дает пищу всякой плоти, ибо вовек милость Его».

Дедушка руководил нашими общественными делами и, как большинство из нас, с удовольствием проводил время на пикниках у речки. Я до сих пор вижу его стоящего на краю доски, удерживающего равновесие и готового нырнуть в холодную воду. Это был единственный раз, когда я видела его ныряющим; не думаю, что он особенным образом наслаждался плаванием после 70 лет. То был своеобразный спортивный жест, чтобы показать, что он присоединяется к детям в их приятных времяпровождениях».

Пастор Уильям К. Уайт оставался деятельным до дня своей смерти 1 сентября 1937 года. Через два дня после своей восьмидесятилетней годовщины он рано лег отдыхать после напряженного трудового дня. Около полуночи он проснулся, жалуясь на боли в груди. Его отвезли в санаторий в Сэйнт Хелену, где спустя два часа он скончался от закупорки кровеносного сосуда сердца.

Источники:

Джерри Мун. УК Уайт и Эллен Г. Уайт.

А. Л. Уайт. Эллен Г. Уайт.

Глава седьмая. Его могущественное перо

Урия Смит

Это было в офисе «Ревью энд Геральд» в старом Баттл-Крике, штат Мичиган, когда я впервые встретил замечательного человека Урию Смита. То был 1897 год. Я был одним из студентов Баттл-Крика, которые особенно восхищались пастором Смитом за его ясный ум, прекрасные манеры и особые таланты публициста, автора книг и проповедника. Я помню, как проходящие мимо пастора Смита люди останавливались на улице и затем оглядывались назад, чтобы еще раз взглянуть на его внушительную внешность. Для нас было честью, когда он обращался к нам с проповедью в старой часовне колледжа» (Эрнест Ллойд).

Урия Смит провел свои детские и юношеские годы в Западном Уилтоне, штат Нью-Гемпшир. Его мать, Ребекка Смит, присоединилась к адвентистам во время ожидания Второго пришествия в 1844 году. На палаточные собрания в Фитчбурге, штат Массачусетс, она брала своих младших детей Энни и Урию.

Однажды ночью хулиганы забросали палатку яблоками, разбили лампы и, запустив в темную палатку свинью, обрезали веревки от палатки. Свинья была не очень приятной компанией для людей, оказавшихся под упавшей палаткой.

Когда приблизилась назначенная дата, 22 октября, Урия со страхом отметил ее в календаре как дату возвращения Иисуса. Он наблюдал за облаками и вместе с тысячами других пережил разочарование. После этого он утратил связь с верующими в Пришествие и посвятился цели - получить наилучшее образование.

Когда Урии было 13 лет, его левая нога подверглась серьезному заражению. Врач обследовал ее, затем прямо заявил, что ему придется ампутировать ногу выше колена. - Ты сможешь пережить это? - спросила у него мать.

- Конечно, - ответил Урия. - Доктор сказал: или моя нога или моя жизнь. Я предпочитаю потерять ногу.

В то время еще не было анестезии. Удерживаемый своей матерью и сестрой Энни, мальчик лег на кухонный стол. Спустя несколько недель, когда рана зажила, доктор прикрепил ему деревянную ногу. Это был грубой работы костыль без соединений даже в передней части стопы.

Урия исполнился решимости получить профессию учителя и в возрасте 16 лет поступил в академию Филиппа в Эксетере, находящуюся примерно в 100 километрах на восток от дома. Во время его отсутствия Джозеф Бэйтс возвестил истину о субботе миссис Смит и ее дочери. Они приняли ее и присоединились к малой группе верующих.

Однажды утром в конце лета 1852 года Урия получил чрезвычайно важное письмо. Новая академия в Маунт Вернон приглашала его присоединиться к ее преподавательскому составу с начальной заработной платой в 1 000 долларов в год плюс комната и питание в столовой. Мать упрасивала его не давать ответа тотчас. Между тем он начал преподавать в общественной школе. Только чтобы угодить матери и сестре, Урия посетил конференцию верующих в Вашингтоне, штат Нью-Гемпшир - оплот раннего адвентизма. Здесь 21-летний Урия впервые услышал объяснение разочарования 1844 года, а также весть о субботе. В течение нескольких недель он решил принять учение, которое пронзило его сознание до самого основания. Он написал об этом Энни, уже присоединившейся в это время к работникам офиса «Ревью энд Геральд» в Рочестере, штат Нью-Йорк.

Джеймс Уайт уже знал о посвященном служении Энни и обрадовался перспективе привлечения к делу Божьему ее брата. Он не мог обещать ему постоянную зарплату, а только комнату и питание в столовой. Урия отказался от многообещающей карьеры и присоединился к издательской семье «Ревью», где ему было суждено проработать последующие 50 лет.

Выросши в комфортабельном доме, Урия обнаружил, что здесь ему придется приспособливаться к некоторым примитивным условиям. За 175 долларов в год Джеймс Уайт арендовал очень большой дом с достаточным количеством комнат для размещения издательского офиса и спальных помещений для дюжины работников-волонтеров. Поскольку картофель был слишком дорогим, их ежедневная пища в основном состояла из каши, репы и бобов. По прошествии нескольких недель Урия заметил: «Я не против того, чтобы есть бобы 365 дней подряд, но если они станут постоянной пищей, я должен буду протестовать».

Большая часть издательского коллектива в Рочестере состояла из молодых людей в возрасте двадцати с небольшим лет. Они были полны энергии и легко ладили друг с другом. Джон Эндрюс приготовил рукопись, озаглавленную «Святыни и 2300 дней». Две тысячи копий были напечатаны на ручном станке в Вашингтоне. Занимаясь скреплением книги, Энни и другая девушка сгибали листы и передавали Джону Лафборо, который прокалывал в них отверстия сапожным шилом и прошивал их. Затем прошитый блок книги переходил к Мэри Паттен, приклеивавшей обложку, прежде чем передать его Урии для обрезки краев перочинным ножом. Когда книги были готовы к отправке, их относили супругам Уайт, которые упаковывали их и посылали разным людям.

«От этих занятий наши руки покрылись волдырями, - вспоминал позднее Урия, - и зачастую трактаты по своей форме не были даже наполовину такими правильными и прямыми как содержащиеся в них истины».

Энни заболела, и все об этом знали. Ее мучил постоянный кашель, и она была очень слаба. В ноябре 1854 года Энни возвратилась домой в надежде выздороветь. В течение месяца она кашляла кровью. За два года до этого

Джеймс Уайт пригласил своих брата Натаниэля и сестру Анну пожить с ними. Они оба были больны туберкулезом. В те дни медицина очень мало знала об опасности заражения инфекционными болезнями.

Мать Энни ежедневно верно делала записи об ухудшающемся состоянии дочери. Лечение в близлежащей водолечебнице не принесло улучшения. Урия возвратился в мае, чтобы провести сестру и помочь подготовить к изданию сборник ее стихов. Когда расцвели весенние цветы, он сделал набросок и выгравировал ее любимый пион, чтобы поместить его на обложку ее книги под названием «Дом здесь и дом в Небесах».

24 июля, во вторник утром, Энни написала свой последний стих:

О! Не проливайте слез над местом, где я сплю;
За живыми, а не за мертвыми должны вы рыдать;
Зачем оплакивать утомленных, почивающих сладко;
Свободных в могиле от гнета и жизни скорбей?

Энни умерла на следующий день. Ее смерть отозвалась ужасным эхом в ее издательской семье в Рочестере, в ее собственной семье и особенно в сердце Урии, поскольку они были близкими друзьями с самого детства.

В Баттл-Крике, штат Мичиган, адвентистские друзья предложили построить новый издательский дом и оплатить все расходы, если Джеймс Уайт согласится туда переехать. Это перемещение осуществилось в ноябре 1855 года. 4 декабря журнал «Ревью» вышел в Баттл-Крике с именем Урии Смита как редактора. Новоизбранный редактор поместил в журнале такое примечание:

«Поскольку здоровье брата Уайта не позволяет ему выполнять возложенные на него обязанности, возникла необходимость, дабы эти обязанности были переложены на других. Конференция усматривает необходимым, чтобы я взял на себя ответственность за редакторский отдел «Ревью энд Геральд», поэтому я должен сказать несколько слов друзьям истины. Я вполне осознаю, насколько ответственным является этот пост, и никоим образом не согласился бы принять его, если бы не мог рассчитывать на помощь и сотрудничество в этом деле всех моих братьев ...

Я занял эту должность не с целью спокойнее и удобнее устроиться или снискать какие-либо земные выгоды; ибо до сих пор за время моего пребывания в «Ревью» я видел, что ни одно из вышеперечисленных преимуществ не может быть обретено в этом месте. Здесь необходимо нести тяжелые бремена и идти на многие жертвы, но это помогает каждому из нас в свете истины для настоящего времени добровольно и с радостью совершать для дела Божьего все, что в наших силах».

Урия был не только редактором, но некоторое время работал также корректором, менеджером и бухгалтером, что в значительной степени истощало его жизненные силы. В 1857 году Урия женился на Харриет Стивенс, став таким образом свояком с Джоном Эндрюсом, который женился на Ангелине Стивенс за год до этого. В семье Смит родились одна дочь и четверо сыновей.

Урия любил уединяться в своем редакторском офисе, поэтому обычно сторонился публичных выступлений. Однако когда он время от времени принимал приглашения выступить, его проповеди слыли шедеврами, были отлично переданы и высоко оценены слушателями. В 1867 году Урия Смит сопровождал Уайтов на Висконсинское лагерное собрание в Джонстаунском центре. На полпути из Чикаго он писал: «После обычной рутины обязанностей в офисе с ее рукописями, книгами, газетами, комментариями и криком ненасытного печатника: «Давай рукопись!» перспектива небольшой перемены обстановки является наиболее заманчивой. Одно удовольствие взирая некоторое время на что-нибудь другое кроме стопок писем и сообщений на все темы: начиная с хороших и до маловажных. Одни из этих сообщений готовы к печати, над другими нужно немного поработать, а кое-какие не поддаются никакому редакторскому врачеванию».

Некоторые из представленных на рассмотрение статей действительно нуждались во «врачевании» в такой степени, что окончательный продукт носил мало признаков подобия с оригиналом. Смит также жаловался на «невидимую типографскую краску». «Вот уж эти печатники! - досадуя, говорил он. - Мы подали очень длинное громкое заявление с протестом против использования плохой или грязной воды для краски. Мы также выступали против употребления фиолетовых красок. Некоторые из них с трудом остаются на бумаге

даже до того, как издание поступает в офис. Издать рукопись, напечатанную невидимыми чернилами, - все равно, что напрасно потратиться на печатников»

Ни одно агентство не было столь успешным в деле обретения и утверждения новообращенных в истине для настоящего времени, как «Ревью энд Геральд». Читатели приветствовали его, как «желанного гостя» и жаждали его, как путник жаждет «оазиса в пустыне». Один из первых евангелистов Джозеф Ваггонер отмечал: «В начальный период этой работы мы измеряли успех наших трудов не столько количеством исповедующих истину, как числом подписавшихся на «Ревью». Если эти люди отказывались взять газету, у нас появлялись большие опасения, что они могут отпасть от своего исповедания; и мы обнаружили, что по большому счету так оно и происходило. Это издание было источником неиссякающей силы и ободрения для «малого стада». Оно питало их веру ясными доктринальными истинами - истиной для настоящего времени, в которой так нуждалось рассеянное стадо» (*Знамена времени, 17 января 1884 г.*).

Мэри Харлоу писала, что несколько человек в ее общине стали адвентистами, не услышав ни единой проповеди.

«Ревью» содержал не только вдохновляющие статьи, новости с миссионерских полей и путевые заметки из дневников евангелистов, но также служил двусторонним средством общения между руководством и членами Церкви. Руководители из Баттл-Крика нашли весьма удобным использовать последнюю страницу издания для своевременных ответов на поток корреспонденции. Ответы на последней странице охватывали самые разнообразные темы. Вот некоторые из них:

«Д. Бостуок: У нас нет таблиц. Мы посылаем книги в Сенеку, компанию Кроуфорд, штат Висконсин»,

«М. Е. Корнелл: Пошлите вашу палатку, флажки и таблицы экспресс-почтой в Лэпир».

«Л. Карпентер: В вашем письме вы дали указания распорядиться только 14 долларами. Что мне делать с остальными?».

Большинство подписчиков считали необходимым читать каждое слово, поскольку ответы иногда бывали предельно краткими:

«И. Н. Кауслэнд: Получено».

«Т. МакДауэлл: Да».

«К.У.: Все в порядке».

Когда редактор Смит просмотрел перечень книг, изданных «Ревью», он обнаружил: хотя они охватывали многие темы, не было ни одной о библейских пророчествах. Он решил исправить существующее положение, как только у него появится свободное время. Единственным решением этой проблемы было использование ночных часов.

После того как семья ложилась спать, Урия садился за свой стол, раскладывал вокруг себя книги и начинал писать. Он начал с книги Откровение и подготовил объяснение на каждый стих ее 22 глав. Час за часом он продолжал работать, зачастую далеко за полночь.

Книга «Критический разбор и практические размышления над книгой Откровение» увидела свет в 1867 году. Шесть лет спустя был напечатан дополняющий ее труд - «Размышления над книгой Даниила». Затем обе книги были соединены вместе и опубликованы как одно издание.

Комментируя такое «выгорание свечи» с двух сторон, то есть перенапряжение всех сил, Эллен Уайт заметила: «Я протестую против подобного самоубийства!» Научный труд Урии Смита имел огромный успех и продавался тысячами экземпляров. Литературные евангелисты продавали эту книгу (объемом в 330 страниц и в тряпичном переплете) от дома к дому всего за один доллар. Пять лет спустя книга нашла оживленный спрос за океаном. Последовали ее многочисленные переиздания, так что даже сегодня ее можно найти на полках адвентистских книжных центров.

Помимо писательского таланта, Смит обладал заслуживающими внимания способностями к механике. Однажды Джон Лафборо спросил его:

- Тебе еще не надоела твоя деревянная нога?

- Только когда я преклоняюсь для молитвы. Если бы

пальцы могли сгибаться, было бы намного удобнее. Возможно, я смогу что-нибудь с этим сделать.

Когда у него появилось немного свободного времени, Урия начал работать над пальцами протеза. Он вырезал их ножовкой и прикрепил шарниры и пружины, которые сделали пальцы сгибающимися. Затем он подумал над тем, как разрешить проблему негнущегося колена, и сделал удачный шарнир. Изготовитель протезов с радостью заплатил Урии несколько сотен долларов за право делать копии с его образца. Через несколько лет Смит изобрел школьную парту с откидным сидением, которая была почти повсеместно распространена в Америке в течение полувека. Свое изобретение он продал мебельной фабрике за 3000 долларов. За эти деньги он построил себе новый дом.

Далее изобретательный ум Урии Смита обратился к другому новшеству. Когда шумные механические экипажи начали создавать опасность для управляемых лошадьми повозок, он сконструировал деревянную конскую голову, крепившуюся впереди экипажа. Однако это изобретение не имело успеха. Ни одну лошадь нельзя было обмануть фальшивой лошадью. Именно шум автомобиля, а не его внешний вид, заставлял животных шарахаться в сторону.

Подобно многим другим занятым адвентистам, Смит не выносил пустой траты времени. Иногда друзья заходили к нему поболтать и засиживались немного дольше, чем следовало. Каким образом он мог сохранить свое время, при этом не ранив чувств говорливых посетителей? Урию озарила идея. Взяв кусок картона, он нарисовал на нем картинку человека, мирно почивающего в гробу. Жирными буквами Смит написал: **«Этот человек договорился до смерти!»**. Приняв во внимание такую иллюстрацию, посетители впредь старались быть краткими.

Первые адвентисты сознательно избегали составления какого-либо документа, напоминающего собой символ веры, как это было принято в других церквях. Если адвентистов спрашивали об их символе веры, они должны были просто взять Библию и объявить: «Это наш единственный символ веры». Когда участники лагерного служения в Висконсине воздвигли свои палатки в Рипоне, там присутствовал Урия Смит, который писал репортажи в «Дэйли пресс» о вечерних проповедях. Редактор приветствовал его статьи и напечатал их без изменений. В этой газете также было опубликовано «изложение веры» (объемом в 2000 слов), автором которого был тот же Урия Смит. Сегодня, конечно, доктрины нашей Церкви несколько отличаются от формулировки Смита, но то были годы становления учения АСД.

Будучи чрезвычайно популярным оратором, Смит произнес сильнейшую проповедь на тему «Прошлое, настоящее и будущее» на сессии Генеральной Конференции в 1889 году. С необыкновенным красноречием он описывал славу и красоту Новой Земли. Свое выступление завершил словами: «Такова прекрасная Земля, в которую мы можем войти и которую можем наследовать. Такова Земля, ожидающая каждого верного до конца труженика. «Дух и невеста говорят: Приди. Жаждающий пусть приходит».

Смит также писал духовные гимны. Некоторые из его произведений поют и сегодня, например, псалом № 602 в американских сборниках духовных песнопений АСД – «О, брат мой, будь верен!».

В ночь на 30 декабря 1902 года Урия стоял вместе с сотнями других людей и наблюдал, как здание «Ревью энд Геральд» сгорело до самого основания. Это трагическое происшествие предоставило возможность переместить издательский дом из Баттл-Крика в Вашингтон, округ Колумбия.

В 1903 году Урии Смиту исполнился 71 год, и он по-прежнему обладал живым и ясным умом. Однако все, кто наблюдал за его движениями, не могли не заметить, что его походка уже не отличалась такой упругостью, как в предыдущие годы. Утром 6 марта по дороге на работу он упал на землю, подкошенный паралитическим ударом. Он был похоронен на кладбище Оук Хилл, и тысячи жителей Баттл-Крика скорбели о его смерти.

Урия Смит был одним из самых талантливых писателей деноминации. Последние из написанных им слов, адресованных Генеральной Конференции 1903 года, кратко суммировали цель, которой он следовал всю свою жизнь: «Я остаюсь с вами в стремлении донести до этого поколения Евангелие Царства во свидетельство всем народам. И когда работа завершится, это будет сигналом к коронации нашего грядущего Царю».

Источники:

Юджин Дюранд. Искренне ваш в блаженном уповании Урия Смит.

Глава восьмая. Евангельский викинг

Джон Мэттисон

Существует тип людей, которые являются открывателями континентов, покорителями устрашающих скалистых вершин и укротителями бурных рек. Они бросают вызов неизведанным морям и нехоженым пустыням. Мы называем их исследователями, путешественниками и пионерами-первопроходцами. К ним относятся и пионеры дела Божьего: апостол Павел, Ливингстон, Кэри, Ла Ру, супруги Шталь. Именно к такому типу людей принадлежал и Джон Мэттисон.

Датчанин по происхождению, Джон Мэттисон переехал со своей семьей в Висконсин в 1854 году. Приняв Истину в 1859 году, он сразу же начал свидетельствовать о своей новой вере. Путешествуя из одного места в другое в качестве рядового проповедника, а затем рукоположенного служителя, он отважно противостоял наводнениям и штормам, оппонентам и лишениям. Эта неустранимая смелость пригодилась ему, когда в 1877 году его попросили поехать миссионером-первопроходцем в Скандинавию, где ему пришлось столкнуться со многими трудностями и препятствиями.

Между датскими островами Лолланн и Фин, в южной части Балтийского моря, лежит небольшой островок Лэнгиланд. Здесь в середине 19-го столетия жизнь Трэнкяерской общины вращалась вокруг замка одного из датских графов. Стоящий на высоком холме замок окружали массивные каменные стены и рвы с подъемными мостами. Большая часть острова принадлежала графу, которому крестьяне должны были приносить свои ежегодные оброки - гусей, яйца и плоды земли. Именно здесь прошло детство Джона.

Семья Мэттисона жила в одной из графских построек.

Их садовый участок примыкал к фруктовым садам и огородам священника, обрабатываемым его многочисленными слугами. Два раза в день можно было видеть молочниц, проходивших через луга и несущих большие ведра для дойки коров. Священник также владел многими амбарами и постройками для лошадей, скота, сена и крестьянского инвентаря.

Отец Мэттисона, портной по профессии, обеспечивал свою семью намного лучше, чем большинство остальных крестьян, но его сильное пристрастие к выпивке делало семейную жизнь невыносимой для Джона и его младших сестер Аннет и Джулии. Когда Джон был подростком, отец переехал с семьей в Родкдjobинг, где приобрел новый дом.

Поскольку Джон приближался к возрасту конфирмации, он присоединился к классу по изучению катехизиса. После того как над четырнадцатилетними мальчиками был совершен обряд конфирмации, они уже считались взрослыми и им позволялось пить ликер с мужчинами. Местный священник изрядно злоупотреблял спиртным. Временами он становился очень раздражительным и мог изрыгать ругательства. Его любимчиками были те, кто подносил ему подарки.

Однажды, возвращаясь с занятий по катехизису, Джон сказал своему другу Торальфу: «Как этот толстяк с опухшим красным носом может прощать мои грехи? Отец хочет, чтобы я тоже стал священником, ибо священники очень богаты, но я бы предпочел стать музыкантом или учителем»,

В средней школе Джон получил отличные оценки и овладел английским и немецким языками. Однако он утратил всякий интерес к религии и гордился тем, что был вольнодумом, как называли себя представители нового атеистического веяния.

В 18 лет Джон пошел работать почтовым клерком в Рудкдjobинге. Почтмейстер любил поговорить о своих путешествиях и планах. Поскольку он интенсивно изучал информацию об Америке, то поделился своими мечтами с Джоном. «Я знаю несколько семей в Лэнгиланде, желающих поехать в Америку, - сказал он однажды. - Я планировал организовать группу и предпринять переезд, но в данный момент у меня возникло слишком много сложностей. Почему бы тебе не заняться этим?»

Джон почувствовал, как у него внутри пробудился дух его предков-викингов. Он также подумал о том, что его ожидает армейская служба, если он останется в Дании. Вскоре вся семья начала также разделять его мечты об Америке.

Когда весной 1854 года Джону исполнилось 19 лет, семья продала свой дом и упаковала самые ценные пожитки в чемоданы и деревянные ящики. Джон организовал группу из 18 человек, чтобы отправиться на корабле из Гамбурга (Германия) в юго-восточную часть Висконсина, куда уже уехали многие его друзья.

Достигнув маленького пограничного городка Мэнитоуок, штат Висконсин, Мэтгисоны приобрели необходимые для жизни в лесу вещи. Они наняли запряженную волами повозку, чтобы преодолеть оставшиеся 35 километров до нового датского поселения, где должны были разыскать своих бывших друзей.

В той местности не было ни дорог, ни мостов. Через болотистую местность Джон переносил свою мать на плечах. Время от времени они проходили мимо небольших хорошо вооруженных и не совсем дружелюбно настроенных групп индейцев. Эти дремучие леса населяли волки, медведи и пантеры.

Бревенчатая мостовая из втоптаных в грязь бревен протянулась до ближайшего города-форта Говарда почти на 30 километров. За 96 долларов отец купил 32 гектара земли, засаженной строевым лесом, и построил бревенчатый сруб. Из грубых досок он вымостил роскошный пол. Во время перерывов между работой отец смастерил стул на четырех ножках. Решительно настроенный превзойти его, Джон старательно вырезал и подогнал вместе детали треножного табурета.

Аннет вскоре вышла замуж и переехала со своим мужем-кузнецом в близлежащий Нешото, но в жилище Мэтгисонов не прекращалась ежедневная рутина тяжелого труда. Как сильно это отличалось от городской жизни – от раскройки и шитья ткани или обмакивания пера в чернильницу в почтовом отделении. Для Джона оказалось весьма трудным занятием орудовать топором дровосека. Вначале, когда он пытался повалить дерево, то едва попадал топором в то же самое место дважды. Его ладони покрылись волдырями, а руки и тело быстро уставали. Однако недостаток своей физической силы он решил компенсировать умением, и вскоре мог держаться наравне с более сильными и опытными мужчинами.

Невзгоды принесли бедность в дом Мэтиссона. Некогда брезгливо поглядывавший на одежду своих сверстников, Джон теперь вынужден был носить пальто, заплатанное многоцветными лоскутками. В течение зимних месяцев семья работала вместе, изготавливая кровельную дранку. У каждого была своя строгальная машина и упаковочная рамка. Огромные сосны они разрезали на части, чтобы сделать из них заготовки на дранку и несли их на распиловку в общую комнату. Все помещения в их доме - приемная, гостиная, столовая, спальни и кухня - были задействованы в этом процессе. Но мать не возражала против беспорядка, поскольку производство обеспечивало их нужды.

В компании со своим другом Торальфом Джон рубил лес на дрова. Несмотря на то, что Торальф был на голову выше и более крепкого телосложения, Джон оказался вполне достойным его соперником с другого конца пилы.

- Я слышал, что завтра в здании школы должно состояться собрание, - сказал однажды Торальф. - Похоже, что преподобный Ловборг включил нас в свой кварталный обход.

- Я буду весь изнывать от скуки, слушая его гнусавую болтовню, - произнес Джон с отвращением. - Ты помнишь, как это было на родине, когда перечитывали исповедание веры наряду с формальными молитвами и всем прочим. Я прямо сейчас могу слово в слово повторить тебе все, что он собирается говорить. Но, - остановился Джон, - пожалуй, я все-таки схожу! У меня есть для него пару вопросов. Это будет забавно.

Пастор не мог так просто отмахнуться от взбалмошной молодежи. Пожилые члены общины сердито посматривали в сторону небольшой кучки баламутов. «У этого сына Мэтгисона совсем пусто в голове, и он только создает проблемы. Мы должны что-то сделать с молодыми людьми и их заводилой Джоном».

Снова работая в лесу, Торальф сказал:

- Почему бы нам хорошенько не поразвлечься, когда мы приходим в здание школы? Ты неплохо играешь на скрипке. Бйарни может играть на флейте.

- Это была бы приятная разрядка после заготовки дров, - согласился Джон. - Полагаю, ты повесишь объявление.

Вечерние танцы по воскресеньям имели огромный успех. Молодежь единогласно избрала Джона руководителем музыкальной группы. Однако нашлось несколько человек, которые задавались вопросом, насколько уместно устраивать танцы в воскресенье, которое они соблюдали.

- Если танцевать - это неправильно, то что нам делать здесь? - спросил Джон.

- Читайте хорошие книги, - осмелился предложить один молодой человек.

Утром того же дня кузнец-баптист встретился в здании школы с некоторыми людьми для изучения Библии и совершил такую молитву, которую Джон считал первой искренней молитвой, услышанной им в своей жизни. Впоследствии этот кузнец поговорил с Джоном и дал ему экземпляр баптистского исповедания веры.

В понедельник Джон и Торальф как всегда заготавливали лес на дрова. Когда Джон раскалывал сосновое полено, топор отскочил в сторону и рассек его ботинок. Торальф быстро бросился к товарищу, чтобы осмотреть рану и оказать помощь. Это был нехороший порез. Он помог Джону дойти до дому, где его мать и сестра промыли и перевязали рану.

Прикованный к креслу в течение нескольких последующих дней, Джон старательно изучал Библию и баптистское исповедание веры. Молитва кузнеца постоянно звучала у него в голове. Рано утром в пятницу Джон прихрамывая походкой осторожно прошел в глубь леса и там излил свою душу Господу. Там произошло его полное обращение.

Ближе к вечеру в следующее воскресенье Джон взял свою скрипку и, прихрамывая, отправился на еженедельные танцы. Это выглядело непоследовательным по отношению к его опыту в пятницу, но он должен был сказать своим товарищам о перемене, произошедшей в его сердце, и позволить им самим решить для себя вопрос с воскресеньем.

Джон чувствовал себя подавленным, когда думал о своей прощальной речи, которую намеревался сказать друзьям. Они так хорошо всегда проводили время вместе. Возможно, некоторые из них поймут его и даже захотят пережить такой же опыт.

Музыканты остановили игру для небольшого перерыва.

Возможно, нам следует пойти сегодня домой пораньше, - предложил один молодой человек.

Джон постукал своим смычком, чтобы обратить на себя внимание.

- Вы помните, что в прошлое воскресенье некоторые из вас предлагали, что было бы неплохо уделять меньше времени танцам и больше времени читать хорошие книги? После того как я поранил ногу, времени у меня было предостаточно. Я провел его, читая Библию и баптистское исповедание веры. До того, когда в прошлое воскресенье утром услышал молитву Оле Якобсена, я думал, что вся религия - это фарс. Но теперь знаю, что это не так, ибо я склонил колени перед Господом Иисусом и просил Его простить мои грехи. Он услышал мою молитву и очистил мое сердце. Теперь я хочу, чтобы моя дальнейшая жизнь находилась под руководством Его Духа. Желает ли кто-нибудь из вас изучать Библию и другую духовную литературу в следующее воскресенье?

Призыв Джона произвел желаемый эффект. Он был лидером молодежи и снискал уважение за свои политические и общественные взгляды, Почему бы им не согласиться обсуждать и религиозные вопросы?

Последующие несколько воскресений молодые люди вместе занимались изучением Библии, читая ее отрывки и баптистское исповедание веры. Когда они прошли исповедание, Джон засвидетельствовал: «Я полностью согласен с каждым словом из этой маленькой книжки. Если кто-нибудь из вас думает так же, поднимитесь».

Несколько человек поднялось с места. Затем последовали такие интересные молитвенные собрания, что группа часто засиживалась за полночь. То, что на смену вечерним танцам по воскресеньям пришли молитвенные собрания, стало темой для разговоров в общине.

Уверенный в своем призвании, Джон начал проповедовать в здании школы. Он обладал авторитетом, и казалось, что каждому нравилось его смиренное серьезное поведение. Однако в Манитоуоке, городе с сильными лютеранскими традициями, начались проблемы. Пока он проповедовал, несколько фанатиков, намереваясь убить его, забросали здание камнями. Один большой камень, нацеленный ему в голову, пролетел между его носом и зажженной свечой. Из одного дома его выгнал размахивающий топором великан.

Весной 1860 года Джон решил поступить в баптистский колледж в Чикаго, именуемый Дугласским университетом (теперь Чикагский университет). После покупки билета у него осталось всего 25 центов. Он приехал в дождь в поношенных ботинках и грубом одеянии лесоруба, не соответствующем большому городу. Директор оказал ему очень теплый прием, нашел для него работу и место, где он мог остановиться. В жару и холод Джон должен был идти пешком десять километров в одну и другую сторону от своего жилища. Комментируя этот опыт, он позже писал: «Я был молод, здоров и не обращал внимания на трудности. Я хорошо продвинулся в своих занятиях. Мое сердце было исполнено благодарности Богу за Его нежное милосердие. В трудностях и испытаниях Его рука милостиво направляла меня. Меня, не имевшего друзей и средств к существованию, Господь привел туда, где это можно было найти»,

Джон женился на прекрасной христианской девушке Анне Сиверсон, разделявшей его трудности в попытке получить образование. Он давал частные уроки немецкого и датского языков, чтобы заработать на жизнь, а также трудился для спасения скандинавов в северном районе Чикаго. Однако трудности и напряжение подорвали его здоровье, и он вынужден был вернуться в Висконсин. Прямо на север от Пой Сиппи, в Брашвилле, Мэттисон получил чуть больше гектара земли и построил бревенчатый сруб.

Баптистская община Блумфильда пригласила Джона быть их пастором. Но церковь была слишком бедна, чтобы платить ему жалованье, поэтому Джон получил сертификат учителя и преподавал в брашвилльской школе. Здесь же он организовал независимую баптистскую церковь.

Один из ее членов, Яков Кэди, сообщил Джону, что его сын Филандер начал соблюдать субботу. Решительно настроенный направить Филандера на путь истинный, Джон прошагал более десяти километров на юг к его дому. Кэди оказал ему радушный прием и терпеливо выслушал приводимые гостем аргументы в пользу соблюдения воскресенья. После этого, текст за текстом, Кэди представил основание своих убеждений. Позднее Джон вспоминал: «Чем больше я слушал этого человека, тем больше убеждался, что он стоит на твердом Библейском основании».

Мэттисон возвратился в Брашвилль и провел следующую неделю, всесторонне исследуя вопрос о субботе. В пятницу вечером он вновь направился к дому Кэди и сказал своему новому другу:

- Позволь мне высказать свое непредвзятое мнение о том, что говорит Библия о субботе.

Начав с Быт.2:2, он привел длинный перечень текстов, говорящих о субботе. Кэди удивлялся, как он может использовать эти тексты для защиты воскресенья и, в конце концов, спросил:

- Что ты обо всем этом думаешь? Ты провел хорошее исследование на тему соблюдения субботы.

Мэттисон поднялся во весь рост:

- Сегодня моя первая суббота, и я пришел сюда вечером, чтобы отпраздновать ее с тобой.

Кэди плакал от радости. Наконец-то он нашел еще одного человека в поселке, отстаивающего субботу Господню. Когда Джон вернулся домой, его жена также плакала.

- Мы столько натерпелись, столько работали и экономили, чтобы ты мог получить образование. Теперь ты бросаешь все это, и мы с тобой прямиком угодим в богадельню!

Однако вскоре она сама начала соблюдать субботу.

В дубовом лесу недалеко от деревушки Кембридж жили несколько недавно приехавших из Норвегии семей - Олсены, Джонсоны и Серны. Три супруги в этих семьях были сестрами. Обосновавшись на том месте, они серьезно исследовали Библию. Они сами обнаружили, что седьмым днем является суббота, и начали соблюдать ее, называя себя Методистами седьмого дня. Когда о них узнал адвентистский пастор из Кошкононга, Уотерман Фелпс, он посетил их. Он не мог говорить по-норвежски, а те не понимали

английского, но при помощи жестов и указывания на тексты, пастор наставил их в адвентистском учении. Примерно в это же время Джон Мэттисон писал Джеймсу Уайту, редактору «Ревью энд Геральд»:

«Я исследовал взгляды, которых придерживается адвентистский народ ... более года и теперь радуюсь, что Второе пришествие нашего Спасителя не за горами. Прошлым летом брат Кэди рассказал мне о субботе. После некоторого исследования этой темы и внутренней борьбы, мое сердце, наконец, покорилося, и два месяца назад я начал соблюдать субботу Господню ... Я уроженец Дании. Джон Мэттисон».

Уайт опубликовал это письмо в «Ревью». Когда Олсены прочитали его, они были в восторге. «Здесь есть человек, могущий говорить на нашем языке! Мы должны пригласить его сюда».

Вскоре Мэттисон приехал в Оуклэнд и они познакомились. - Если вы захотите поселиться здесь, - пообещал Эндрю Олсен, - я построю вам жилище.

Джон с радостью принял приглашение, и Оуклэнд стал их домом.

В мае 1866 года Джон отправился в поездку, чтобы впервые встретиться с руководством церкви в Баттл-Крике. Он вез в своем кармане рукопись на датском языке о субботе, которую надеялся напечатать в виде небольшого трактата. На протяжении нескольких лет скандинавские верующие запрашивали литературу на родном языке и собрали на этот проект 1000 долларов. Во время поездки Джон искренне молился, дабы их мечта стала реальностью.

В офисе «Ревью» он объяснил необходимость выпуска литературы на датском языке. Джордж Эмедон ответил:

- Я не хочу разочаровать вас, брат Мэттисон, но здесь перед вами были другие братья-иностранцы, и они были так же настойчивы.

С этими словами он повел его в другую комнату:

- Взгляните на эту гору книг. Это публикации на немецком языке. Они лежат уже несколько месяцев, и никто о них не спрашивает. Я сожалею, брат Мэттисон.

Однако Джон был не из тех, кто легко сдавался:

- Брат Эмедон, я могу научиться набирать шрифт. Я уверяю вас, этот трактат обретет очень многих читателей.

- Мне кажется, это будет просто потерей времени, - ответил Эмедон, - но идемте в наборную кассу. Вот вам верстатка и инструкция по набору шрифта. Не удивляйтесь, если наделаете много ошибок.

Джон прочитал инструкции и сел за работу. К полудню он набрал полную страницу для пробного оттиска. Там было только три ошибки. Его маленький трактат «День субботний» получил широкое распространение и подготовил путь для двух десятков последующих публикаций на датском языке.

Когда Джон поехал в южную часть Миннесоты, чтобы проводить евангелизацию среди скандинавов, он нашел поселенцев, проживающих в землянках и погребях, выкопанных в насыпи. Он писал, что они «очень нечистоплотные люди» и он вынужден «есть пищу, смешанную с пылью и разными неприятными вещами».

Однажды ночью во время одного путешествия Джон не мог найти место для ночлега, пока не набрел на маленькое жилище. В ответ на его стук из темноты послышался мужской голос: «Добро пожаловать на ночлег, если вы сможете найти себе место. Возьмите немного сена из стога за домом, затем приходите и ложитесь на пол». В этой комнате хранились фермерская продукция и рабочий инвентарь, здесь почти не было места для того, чтобы Джон мог растянуться. Он расстелил свое грубое одеяло на сене, закутался в пальто и проспал до утра.

Как только предоставлялась возможность, Мэттисон проводил вечерние собрания в здании школы. После того как люди уходили, он, подложив под голову свои ботинки вместо подушки и завернувшись в пальто, ложился спать на скамье. Зимой он ставил капканы, чтобы ловить выхухолей, чьи шкурки приносили ему доход в 10 центов за штуку.

Стыдясь своего поношенного костюма, Джон распорол его и перешил на другую сторону. Теперь костюм выглядел как новенький. За свои нелегкие труды Мэттисон был вознагражден значительным количеством друзей, соблюдающих субботу. Он докладывал в «Ревью»:

«25 августа 1870 года я посетил свой дом после отсутствия, длившегося один год и десять недель. Чувствую огромную благодарность Богу, Который так заботливо хранил нашу жизнь и здоровье».

Поскольку большинство путешествий Джона в Миннесоте приходилось осуществлять пешком, один заботливый друг одолжил ему своего мула. Однажды, когда Джон возвращался домой верхом на муле, в прерии поднялась снежная буря. Она усиливалась, видимость становилась равной нулю, и снег полностью заметал тропинку. Неожиданно мул остановился. Никакие уговоры не могли убедить его сдвинуться с места. Джон заподозрил неладное, поэтому отпустив поводья и предоставил животному полную свободу, начал спускаться вниз по склону. Вскоре они достигли реки, где Джон спешился и повел мула по льду. Буря моментально утихла и, оглянувшись назад, Мэттисон увидел внизу по течению, рядом с рекой опасную пропасть. Это объясняло «судьбоносную» остановку мула.

Вскоре из Чикаго пришло письмо с потрясающей новостью. Незнакомец по имени Ганс Шонг прочитал некоторые трактаты Мэттисона и обещал собрать целый дом слушателей, если проповедник приедет к ним. На протяжении двух десятилетий адвентистские евангелисты сосредоточивали свои усилия на маленьких поселениях, испытывая страх перед проблемами больших городов. Однако теперь последовало приглашение из Чикаго! Какой прорыв! Мэттисон пообещал приехать. В течение нескольких месяцев он организовал активную церковь из 11 членов. Они купили участок земли по адресу Вест-Эри Авеню, 269. Начав работу в воскресенье вместе с пчелами, они приступили к строительству. В следующее воскресенье возле них остановился полицейский.

- Что это вы делаете? - поинтересовался он.

- Мы строим церковь, - последовал ответ.

- В воскресенье? Что вы за люди, в конце концов, что строите церковь в воскресенье?

- Мы христиане, сэр, - начал Джон, - и соблюдаем день, который учит соблюдать Библия, - седьмой день недели субботу.

- Я приказываю вам немедленно прекратить работу.

Если вы не сделаете этого, я буду вынужден арестовать всех вас.

- Но закон предоставляет нам свободу работать, - возразил Джон.

- Пройдемте со мной в полицейский участок, - приказал офицер.

По пути Джон кратко рассказал ему о субботе. Офицер недоуменно пожал плечами.

- Библия! Библия! Какое нам дело до Библии? Воскресенье - это американская суббота!

Придя в участок, Джон попросил показать ему законодательную книгу штата Иллинойс.

- У нас нет ее, но мы имеем городские инструкции.

- Тогда покажите мне, пожалуйста, параграф, запрещающий работу по воскресеньям.

Полицейские тщательно перелистывали страницы, но безуспешно, затем они протянули книгу Джону, поиски которого также оказались бесплодными. Джон возвратился на рабочее место и сообщил ожидающим его собратям, что никакого наказания не будет.

Когда Джон молился вместе с другими адвентистами, они и не подозревали, что в ту самую ночь над Чикаго разразилось такое страшное бедствие, что возражения по поводу воскресного строительства церкви никогда больше не прозвучат. Великий Чикагский пожар, который, по сообщениям, начался в амбаре, находящемся в южной части Кэйт О'Лери, захлестнул весь город, оставляя за собой смерть и разрушения.

Встав с постели в четыре часа утра в понедельник, Джон вышел, чтобы посмотреть на опустошающее бедствие. Он созерцал, как горел мост Чикаго Авеню, обеспечивающий соединение с западной частью города. Он увидел человека, прыгнувшего в реку и взобравшегося на один из плавающих обуглившихся обломков. Этот человек кричал на огонь и строил ужасные гримасы. Он потерял дом, семью и, в конце концов, рассудок.

Джон сообщал в «Ревью»: «Главная часть Чикаго лежит в руинах. Тщеславие и гордость превратились в пепел, его ужасное нечестие каким-то образом было наказано пламенем.

Какое жалкое зрелище видеть более чем 100 тысяч человек без крова над головой, множество людей, лежащих на улицах ... одни сгорели, другие стали калеками».

Скандинавская община в Чикаго завершила строительство молитвенного дома, потратив на это 2000 долларов, и высказала просьбу о присоединении к Висконсинской конференции, поскольку к ней принадлежал их пастор.

Высокая результативность трактатов Джона на датском языке побудила его начать печатать ежемесячное издание объемом в 24 страницы, озаглавленное «Адвент Тайденде». К постоянно возрастающему перечню подписчиков добавились имена родственников и друзей, проживающих в Европе. В офис «Ревью» рекой потекли благодарственные письма. Скандинавские адвентисты в Америке начали собирать средства, чтобы послать Мэттисона в свои родные страны. Для Джона и его семьи это было нелегкое решение. За 23 года пребывания в Америке она стала их родным домом, но македонский призыв (см. Деян.16:9) звучал слишком громко и ясно, чтобы им можно было пренебречь.

Как Мэттисонам поступить со своими детьми, которых теперь было семеро? Они должны будут отправить их по отдельности в разные части Америки и оставить до тех пор, пока не будет организована работа в Европе. Матильда и Кристина были посланы в Баттл- Крикский колледж; Ясперсоны из Неены предложили присмотреть за Самуэлем, Мартой и Джоном; Александр и Даниель остались в Оуклэнде с проживающей теперь с ними бабушкой Мэттисон.

11 мая 1877 года Джон и Анна оставили свой дом в Оуклэнде и отправились в Нью-Йорк, откуда отплыли в Европу. 6 июня они прибыли в город Вейл в Дании, расположенный на западном конце глубокого фьорда. Здесь они поселились в небольшой комнате?

Несмотря на то, что Джон прилежно трудился для завоевания душ, он мог увидеть только незначительные результаты. Люди любили петь, им нравились проповеди, они эмоционально откликались на его призывы, но их сильное пристрастие к спиртному и удовольствиям, казалось, делало их умы невосприимчивыми к глубоким Божьим истинам. В надежде на больший успех Мэттисоны переехали в Альстрап. Всего в пяти километрах от него располагалось селение Тыльстрап. Джон трудился здесь всю зиму, добираясь сюда через замерзшее болото.

- Мы должны остановить этого человека, обучающего тому, что противоречит нашей церкви! - решительно заявил тыльстрапский священник своим прихожанам. - Сломайте ему ноги, чтобы он не мог повсюду распространять свою ересь.

- Предоставьте это мне, - охотно вызвался бывший солдат, здоровила Гуннар.

Наконец наступил долгожданный субботний день. После утреннего служения собрание должно было отправиться к реке для крещения. Но только Джон встал, чтобы говорить, через открытое окно послышался крик: «Пожар!» Загорелся находящийся рядом дом. После этого в комнату ворвался мужчина и громко завопил:

- Именем закона, вы обязаны помочь потушить огонь! В соответствии с законом, все жители города должны были немедленно все оставить и броситься на борьбу с пламенем. Однако большинство людей в собрании прибыли из сельской местности, и на них не распространялось это правило. Несмотря на все усилия пожарных, дом сгорел дотла.

Когда проводимое Джоном собрание приближалось к концу, снаружи собралась толпа в 50 человек и начала разъяренно выкрикивать: «Дайте нам Мэттисона! Дайте нам Мэттисона!» Некоторые обвиняли его в том, что пожар не был потушен из-за него, поскольку не все присутствующие на собрании откликнулись на призыв гасить огонь, хотя всем было понятно, что эти обвинения ложны.

Друзья Джона заперли его в небольшой комнате. Разъяренная толпа ворвалась внутрь и обыскала все от погреба до чердака. Не найдя никого, они пошли в амбар. Находясь в своем укрытии, Джон мог расслышать их разговор.

- Он уже успел унести ноги.

- Но он не мог пролезть через окно незамеченным. Мы охраняли все двери и окна.

Толпа оставила дом и вновь собралась на улице. Никому и в голову не пришло открыть дверь в маленькую комнату, где прятался и молился Джон.

Гуннар посмотрел в сторону дома и проревел:

- Проповедник, если ты там, выходи! Мы не тронем тебя, если ты станешь у двери и ответишь на наши вопросы!

Люди были сильно удивлены, увидев Джона, появившегося в проеме дверей.

- Как ты смеешь подрывать основы нашей церкви? - сердито начал Гуннар. - Ты распространяешь эту субботнюю чушь и учишь против крещения младенцев - нашей единственной надежды на спасение!

Джон ясно ответил на обвинения. Приведенные им аргументы из Писания были ясны и убедительны. После этого он зашел внутрь и закрыл за собой дверь. Толпа рассеялась, но только для того, чтобы снова собраться на соседнем поле. Там они подкрепились ликером и выжидали.

Джон и его друзья собрались вместе и молились. Было решено перенести крещение на вечернее время. Они должны были тихо покинуть дом, расходясь в различных направлениях, затем возвратиться в назначенное время после полудня для молитвы и приготовления. После вечернего собрания верующие пошли к реке. Крещение прошло без эксцессов, и Джон вернулся домой, идя назад через болотистую местность.

Письмо из Баттл-Крика принесло трагическую новость. - Ушла! Моя доченька! Ушла навсегда! - плакала Анна.

- Не навсегда, дорогая, - сказал Джон, вытирая собственные слезы и нежно обнимая жену. - Мы увидим ее снова в чудное утро воскресения.

- Да, Джон. Да, я знаю.

- Мы даже не знали, что она была больна, - сокрушался Джон. - Малярия. Доктор Келлог, конечно же, сделал все, что было в его силах. Сестра Ясперсон также не смогла быть рядом с ней. Мы ведь не могли взять ее сюда с нами. Ей необходимо было находиться в нашей школе в Баттл-Крике.

- А что будет с Тиной? Она также больна! Неужели нам придется потерять и ее?

Утрата Матильды, казалось, была большей бедой, чем Анна могла вынести. Они долго сидели, не выпуская друг друга из объятий.

В конце концов, Джон заговорил: «Какое утешение знать, что Матильда обрела мир с Богом, прежде чем умерла. Она старалась всегда следовать по стопам Спасителя».

В скандинавских странах возрастал интерес к Истине.

Имея 260 подписчиков в Дании, Джон ожидал потрясающих результатов. Только в Норвегию были отосланы 60 экземпляров подписных изданий, и все же, несмотря на это, оттуда приходило много искренних запросов. Читатель из Бергена писал в «Ревью»: Пришлите нам ... по возможности больше ваших публикаций. Я верю, что у Господа есть много честных душ в этом городе».

Врач в Ромдале начал соблюдать субботу. Агент пароходства в Христиании предложил использовать его просторный дом и обещал наполнить его друзьями, если Джон согласится к нему приехать. Другие просьбы поступали из Эйдсвольда, Трондхейма и городов Швеции.

Братья Кнад и Эндрю Брорсены только что прибыли из Америки, дабы способствовать продвижению датской миссии. Оставив их заботиться о тамошних церквях, Мэттисоны отплыли в Христианию. Мистер Свенсен, агент Объединенных пароходных сообщений, встретил их в порту и поселил в своем просторном доме.

- Мы можем посадить здесь максимум 200 человек, - объяснил он, - но я не уверен, наберется ли столько.

Первого ноября Джон начал общественные собрания. Уступая опасениям мистера Свенсена, они повесили на окна шторы, чтобы кто-то из соседей не заглядывал внутрь. Но в тот вечер они увидели потрясающую картину.

- Как нам разместить их всех? - восторженно прошептал Джон. - Там яблоку негде упасть!

Мистер Свенсен улыбнулся и почесал свой затылок. Все места были заняты еще за полчаса до начала собрания. Теперь люди заполняли лестницы. Тротуары были заполнены до отказа, а экипажи продолжали прибывать. Выдающиеся люди города - врачи, адвокаты и множество священников - почтили собрание своим присутствием.

- Всем остальным нам придется просто советовать возвратиться домой, - объявил мистер Свенсен.

Он провел Джона к месту, где все могли его хорошо видеть и слышать, затем представил его. Некоторые высказали свое разочарование: «Может ли этот маленький человек быть проповедником из Америки? У него с собой только Библия. Я ожидал увидеть рослого мужчину с охапкой книг». Кое-кто поговаривал о том, чтобы уйти, однако было слишком трудно протиснуться в проходах.

- Друзья, - начал Джон, - я очень счастлив быть вместе с вами и поделиться вестью из святого Слова Божьего. Я верю, что люди в этой цивилизованной стране, как и во дни апостола Павла, будут также готовы охотно выслушать, прежде чем высказывать свое мнение.

После этого он перешел к своей любимой теме: Второму пришествию Христа. Представленные им живые яркие образы славного Пришествия удерживали слушателей в безмолвии. Один адвокат прошептал другому: «Аргументы этого человека просто неоспоримы. Его весть слишком логична, и его доказательства имеют слишком твердую основу».

- Сегодня вечером здесь было 300 человек! воодушевленно воскликнул мистер Свенсен. - Наша вера оказалась слабой. В следующий воскресный вечер я сниму театральный зал на 1200 мест.

Весь город пришел в движение. Каждый вечер люди приходили, чтобы пораньше занять места. Частые обращения Джона к Священному Писанию побудили людей приобрести Библии. Никогда прежде в городе не было продано столько экземпляров Священного Писания.

В скромном домике на окраине города жили сестры Ханна и Фредрика, а вместе с ними девушка-инвалид по имени Каролина. Однажды ночью Ханна увидела сон, который на следующее утро рассказала другим.

- Во сне я видела великий свет, приходящий в Христианию и Норвегию.

- Может, это был пароход? - прервала ее Фредрика.

- Нет, это был духовный свет, ибо я также видела мужчину, говорящего перед большой аудиторией в зале.

Спустя несколько дней, Ханна, размахивая газетой, вбежала в комнату.

- Вот он, вот он, этот свет, который я видела приходящим в Христианию! Свет пришел, и мы должны пойти и разыскать его! Она указала на сообщение о собраниях Мэттисона,

Эти три женщины принадлежали к маленькой группе посвященных христиан, оставивших государственную церковь и пытающихся следовать Библии в меру своего понимания. Оповестив своих друзей, они все вместе отправились на лекции и уселись в зале отдельной группой.

Как только вошел Мэттисон, Ханна обернулась и с восторгом сказала: «Вот он или похожий на того, кого я видела во сне. Он был маленького роста и немного прихрамывал. Но я не могу сказать точно, пока не услышу его проповедь. Вначале он споет чудесную песню о Небесах, а затем будет говорить о тысяче лет со Христом».

Джон прошел вперед, снял свое тяжелое пальто, затем спел песню, которую сам перевел с английского, - «О, подумайте о доме в Небесах». После краткой молитвы он начал: «Наша сегодняшняя тема - миллениум - тысячелетнее правление Христа и Его святых», Охваченная радостью, маленькая группа слушала, затаив дыхание, зная, что это на самом деле Божья весть к ним.

Все 17 пасторов Христиании были едины во мнении, что Мэттисон никогда не сможет объяснить им значение текста: «Где червь их не умирает и огонь не угасает» (Марка 9:44). Приняв вызов, Джон объявил, что этот текст он рассмотрит в своем выступлении в воскресенье. В тот вечер 1000 человек наполнили зал до отказа.

К концу проповеди Мэттисона поднялся известный служитель и сильным голосом отрекся от вести, как от «доктрины, наиболее лукавой и опасной по своей природе». В то время как благожелатели поддерживали Мэттисона громкими «Аминь!», сотни других голосов заглушали их возгласы. Нарастающее возбуждение,

подобно волнам разбушевавшегося моря, охватило всю аудиторию. Джон начал переживать за последствия. Он представил себе панику, какая бывает в подобных случаях, когда люди, ринувшись к дверям, в своем безумии затаптывают друг друга до смерти. Два человека, схватив свои стулья, направились к окну, чтобы сокрушить его на своем пути.

- О, Господи!- взмолился Джон. - Спаси нас от этой беды! В тот самый момент высокий человек благородной внешности встал на балконе и зычным голосом провозгласил: «Именем Бога и короля, я приказываю вам немедленно успокоиться!» В зале воцарилась полная тишина, и Джон окончил служение в обычном порядке.

Когда Джон объявил, что у него есть для продажи трактаты на евангельские темы, люди в толпе оживились, поднялись руки и раздались настойчивые голоса тех, кто пытался обратить на себя его внимание. Внезапно появились четверо полицейских и начали протискиваться к сцене.

Одна женщина сказала: «Они идут, чтобы арестовать его». Другой мужчина сказал: «Его нужно выслать из страны!» Но стражи порядка спросили: «Нужна ли вам помощь?»

Мы пришли, чтобы защищать вас. В Норвегии всякая религия и ее проповедь разрешены законом». Джон ответил им, что все в порядке.

- Я хотел бы увидеть человека, который помог утихомирить толпу, - обратился Джон к одному из билетеров. - Вы не знаете, где его найти?

Они осмотрели все вокруг, но не могли отыскать этого человека. Никто не знал, кто это был, и никто его больше не видел. Джон подумал, что это, наверное, был ангел.

Посещаемость встреч возросла до 1400, а затем до 1800 человек. Джон писал: «Некоторые рассматривают нашу проповедь в этом городе как огромное бедствие, которое Господь наслал им за их грехи ... Наша весть теперь провозглашается по всему королевству благодаря газетам».

11 января 1879 года была организована первая церковь Адвентистов седьмого дня в Норвегии. Мэттисон явился пред лицо городских властей, имея с собою перечень из 33 подписавшихся лиц. Они получили официальное признание как христианская церковь в соответствии с законом об инакомыслящих.

Незадолго до этого Джон и Анна получили письмо, в котором говорилось, что их дети должны прибыть из Америки в сопровождении Ясперсонов и Анны Расмуссен. Согласно расписанию корабль должен был приплыть 10 июля. Джон и Анна приехали на пристань к полуночи. Когда пароход приблизился ранним утром, они внимательно рассматривали толпу пассажиров, находившихся на палубе и машущих руками. Там стояли Ясперсоны и рядом с ними находились дети Мэттисонов - Сэмюель, Марта, Тина, Александр, маленький Джон и Даниил. Анна начала безудержно всхлипывать. Джон, пытаясь утешить жену, нежно обнял ее за плечи. Это должен быть их самый счастливый день.

- Но Матильда! Нет моей Матильды!, - плакала мать.

- Мы больше никогда не оставим наших детей, - уверил ее Джон. Когда спустили трап, они все еще стояли и плакали.

У причала погонщики экипажей боролись за пассажиров и их багаж. Вскоре друзья и члены семьи погрузили свою поклажу и уселись в удобный экипаж. Джон показал им достопримечательности города: королевский дворец, замок Акершус, национальный театр и музей искусств.

Для более успешной проповеди Евангелия Джон нуждался в собственном издательском офисе. Он приобрел большое здание, которое можно было использовать как резиденцию, зал для собраний и издательский офис. Потом он купил небольшой ручной печатный станок, шрифт и другие принадлежности для печатанья.

Наконец настал великий день. Джон проснулся рано утром и на цыпочках прошел в печатный цех. В этот день решалась его судьба как печатника. Вчерашний день был посвящен последним приготовлениям и исправлениям. Он должен только вложить текстовую печатную форму, покрыть типографской краской пресс - и его издательская мечта осуществится. Он должен был показать «первый выпуск» семье за завтраком.

- Папа, ты сделал это! - закричал Сэм. Тина, Марта и маленький Джон влетели в комнату. Анна одобряюще улыбнулась, глядя на сцену семейной идиллии.

- Осторожно, не размажьте краску, - предостерег Джон. - Ей необходимо немного подсохнуть.

- О, папа, это чудесно. Только выглядит так, будто Иисус грядет с темными облаками. Совсем не видно серпа в Его руке, - заметила Тина.

Завтрак окончился, и все поспешили в печатный цех.

Сэм помог справиться с прессом, в то время как Тина разложила свежее отпечатанные листы по всей комнате. Вскоре все столы, кресла и скамьи были покрыты листами, слишком влажными, чтобы их можно было сложить вместе. Джон пребывал в недоумении: он планировал разослать их в тот же день.

Наступил полдень, затем начали сгущаться вечерние тени, а краска все еще не высохла. В отчаянии Джон натянул бельевую веревку от одной стены комнаты до другой, осторожно скрепил листы шпильками и развесил на веревке.

Затем он напечатал еще ровно столько, чтобы покрыть ими стол и стулья. В ту ночь Джон много раз просыпался и его сон превратился в кошмар.

Неделю спустя 1500 экземпляров «Тидернес Теги» все еще висели на веревках, а 500 других листов были выброшены в корзину. Джон обратился за советом к другому печатнику и узнал, что он использовал совсем другую краску. Когда он шел домой с новой краской, картина начала проясняться. Печатник Эрик был рад продать ему станок и все необходимое для дела, но, надеясь помешать печатанию «еретической литературы», намеренно продал ему не ту краску.

Человек по имени Клангланд, присоединившийся к Джону, чтобы стать литературным евангелистом, работал на станке при умелом содействии Самуила. Марта и маленький Джон носили листы, складывали их в стопки и были на подхвате. Никто не жаловался на заработную плату - все они получали одинаковое количество денег, равное нулю. Джон сообщал, что они могли продать 20 страниц трактатов всего за один цент и все равно иметь прибыль. Годовая подписка на «Тидернес Тегн» стоила всего 35 центов.

Теперь трактаты печатались на станке тысячами. Добровольцы из растущей церкви распространяли их по всему городу. Джон рассказывал: «Было интересно наблюдать, как рано утром по воскресеньям братья выходили, чтобы продавать трактаты. Вам будет очень трудно пройти по улице, чтобы не заметить кого-нибудь продающего трактаты, и услышать вопрос: «Вы собираетесь отравить этим ложным учением весь город?» Главным образом на причалах и на борту кораблей были благоприятные возможности для продажи трактатов, и братья старались не упускать их»,

- Вы должны пойти в замок и посетить мадам Стайн, - убеждала Мэттисона одна из обращенных. - Я была ее нянечкой всего несколько лет назад. Теперь она серьезно интересуется религией.

Джон всегда приветствовал любую инициативу, но пойти в замок? Ведь он не сможет пройти даже мимо первого стража. Он просто отмахнулся от этой идеи.

Спустя несколько недель, Джон завершил свою вечернюю проповедь призывом последовать от всего сердца за Спасителем. Дьякон Олсен взял тарелку для сбора даров и занял свое обычное место у дверей. Александр стоял рядом с ним. Когда собрание расходилось, некоторые бросили туда несколько монет. Обычно жертвовали одну крону.

Затем хорошо одетая культурная молодая женщина остановилась рядом с ним. Ее лицо было мокрым от слез. Дьякон заметил ее еще прошлым вечером. Теперь он, затаив дыхание, наблюдал, как она сняла свои дорогие кольца и браслеты и опустила их на тарелку. Затем она расстегнула прекрасную цепочку на шее, поддержала ее некоторое время в руке и присовокупила к остальным драгоценностям. Улыбнувшись, дама тихо повернулась и ушла. Олсен был слишком ошеломлен, чтобы говорить.

- Александр! - в восхищении прошептал он. - Беги скорее и позови своего отца!

Парень проворно пробрался сквозь толпу к месту, где находился отец. «Отец! Брат Олсен хочет видеть тебя прямо сейчас!»

Джон тактично извинился перед собеседником и поспешил к дьякону. Олсен держал тарелку для приношений и указывал на ее блистающее содержимое.

Это была молодая женщина. Она ...

- Где же она? - в свою очередь удивился Джон.

- В коридоре, если уже не спускается по ступеням!

Они отыскиали женщину в тот момент, когда она собиралась выходить из дверей. Джон, улыбаясь, приблизился к ней и протянул руку.

- Меня зовут Стайн Уоренскийольд, - отрекомендовалась дама.

Когда они посетили ее, Джон удивился, какую работу совершил Дух Святой над сердцем Стайн. Дух Божий вывел ее из замка и привел в зал, а затем и к полному посвящению. В 1888 году Стайн вышла замуж за адвентиста по имени Джон Лорнц и вступила на путь жертвенного служения.

Через 11 лет посвященного труда в Скандинавии пастор Мэттисон со своей семьей вернулся в Соединенные Штаты, где продолжал заниматься писательской и переводческой деятельностью. Когда в 1891 году был основан Объединенный колледж в Линкольне, штат Небраска, представилась возможность для организации отдельных школ с преподаванием на немецком и датском языках. Здесь Джон преподавал Библию и гомиетику до 1896 года, пока его здоровье окончательно не ухудшилось. Он умер в возрасте 60 лет.

Далеко идущие результаты трудов одного человека могут быть прекрасно представлены в жизни пастора Мэттисона. Более чем 2000 человек обязаны ему своим обращением. Несмотря на то, что его публичные выступления были в высшей степени успешными, он применял также и два других эффективных средства евангелизации: широкое использование печатных изданий и труд ради служителей других вероисповеданий, которые, став адвентистами, в свою очередь приобретали многих членов церкви.

Мэттисон является автором девяти книг. Его первый труд «Лив ог Дог» на датском языке и последнее произведение «Пророчества Иисуса» были изданы и распространены тиражом в тысячи экземпляров. Он организовал 56 церквей и три конференции.

Пастор О. А. Олсен, президент Генеральной Конференции Церкви Адвентистов седьмого дня сказал о Джоне Мэттисоне:

«Я не встречал человека, который был бы больше одарен Богом, дабы стать благословением для окружающих. С ним было приятно иметь дело, он являлся интересным собеседником с богатым опытом практической мудрости. Он был моим образцом в плане общественного евангелизма. Его проповеди отличались благорасположением, логикой и силой убеждения, которые сочетались с нежностью, покорявшей сердца слушателей ... Брат Мэттисон обладал слабым здоровьем, однако проделал такую работу, как никто другой из известных мне людей ...

С уходом брата Мэттисона мы потеряли верного, благочестивого и усердного труженика. Лично я сильно ощущаю великую потерю, ибо не вижу никого, кто бы мог занять его место. Но это Божья работа, и ... мы можем видеть, как Истина прокладывает себе путь и в Америке, и в Европе. Вскоре наступят завершающие события, которых мы так долго ожидали. Затем каждый верный герой креста встанет, чтобы получить свою награду».

Источники:

Божий Промысел в жизни Д. Г. Мэттисона, 1890; дневники, письма. Льюис Х. Кристиан. Пионеры и основатели адвентистского дела в Европе. «Ревью энд Геральд», сообщения с миссионерских полей периода 1864 - 1890гг.

Глава девятая. Доктор на велосипеде

Кэйт Линдсей

-Томас! Собаки лают! Смотри - волк! О, моя малышка! - вскричала Кэтрин. Схватив вилы, Томас обогнал жену и подбежал к месту, где спала их маленькая дочь.

В то утро родители тепло укутали свою малышку Кэти, положили ее на траву и приказали двум своим верным псам стеречь ее, пока они будут неподалеку складывать сено. Огромный волк выскочил из леса, и собаки пустились за ним вдогонку.

- О, слава Богу! Ведь волк мог унести и съесть ее! - восклицала мать.

Семья Линдсей недавно эмигрировала из Шотландии и поселилась на участке земли рядом с лесом в центральной части Висконсина, вблизи озера Мендота. Они построили грубый деревянный сруб для защиты от волков, медведей и суровой Висконсинской зимы. Подрастая, Кэти не только помогала заботиться о своих семи младших братиках и сестричках, но также посильно работала на ферме.

С того времени, когда Кэти научилась читать, у нее пробудилась неутолимая жажда к книгам. Чтобы добраться до маленького бревенчатого здания школы, нужно было пройти путь в шесть с половиной километров через лес под жуткие крики диких животных. Но книги и школа стали для девочки смыслом жизни. Ее школьная парта была сделана из распиленного надвое бревна, повернутого гладкой стороной вверх. Ее грифельный карандаш состоял из длинной остроконечной палочки, и первой грифельной доской стал небольшой клочок земли напротив здания школы. Мать Кэти получила прекрасное образование в Шотландии, где служила при дворе богатого шотландского лорда. Однако ее отец видел мало пользы в «образовании» и однажды заметил: «Все, о чем ты думаешь, - как заполучить в свои руки еще одну книгу. Это нехорошо, юная леди. Это наверняка не к добру». Но Кэйт продолжала поглощать всякую новую «логию».

Прочитав книгу о Флоренс Найтингель, она начала думать об изучении медсестринского дела. Кэйт вспоминала смерть своих четырех младших братьев и сестер от детских болезней. Если бы она только знала, чем им помочь, чтобы спасти их жизнь!

В возрасте 18 лет у Кэйт появился еще один волнующий интерес. Привлекательный молодой человек, мистер Портер, приехал преподавать в бревенчатой школе. Вскоре Кэйт помогала ему заниматься с отстающими учениками. Мистер Портер, казалось, отличался от остальных мужчин. Он придерживался высоких моральных устоев и избегал употребления алкогольных напитков. Он очень любил книги и проявлял глубокую жажду познаний.

Однажды после занятий Кэйт удивила учителя:

- Мистер Портер, могу я прогуляться с вами? Я хотела бы спросить вас кое о чем.

Когда они вышли на тропинку, она начала разговор:

- Что вы думаете о женщинах, которые работают медсестрами?

Учитель ответил:

- Я думаю, что у всех должны быть равные возможности. С вашим живым пытливым умом вы можете быть кем угодно.

На другой день в конце их разговора мистер Портер решился задать вопрос:

- Кэйт, вы выйдете за меня замуж?

Кэйт приняла предложение, и они начали готовиться к свадьбе.

Однако их свадьбе так и не суждено было состояться.

Началась Гражданская война, и мистер Портер вызвался добровольцем в союзную армию. Вскоре он умер от пневмонии в тренировочном лагере в Милуоки. Кэйт чувствовала себя полностью опустошенной и больше не заводиła сердечных знакомств. Ее охватила всепоглощающая печаль, но происшедшие события побудили ее направить свои мысли к горнему. Путешествующий адвентистский проповедник развеял эту мрачную картину.

В ноябре 1859 года пастор Исаак Санборн наметил Хандрид Майл Грув на северо-востоке от Мэдисона местом своей очередной серии лекций. Когда поезд, на котором он ехал, оказался стиснут сугробами, он просто взял свой багаж и медленной поступью пошел по глубокому снегу. Разыскав здание школы, пастор объявил о начале вечерних собраний. Среди его слушателей находились семья Линдсей и их соседи Рэнкинсы со своими восемью рыжеволосыми дочерьми. Кэйт и ее семья приняли основанное на Библии адвентистское учение. Надежда на возвращение Христа принесла Кэйт уверенность и утешение в ее великой печали.

Когда встал вопрос о постройке молитвенного дома, Томас Линдсей предложил 0,2 гектара земли и его сосед по участку Александр Рэнкинс сделал то же самое.

Вскоре на меже двух участков появилась церковь. Ее называли «Хандрил Майл Черч», и она простояла почти столетие.

Однажды Кэйт вбежала на кухню, восхищенно размахивая последним номером церковной газеты «Сэконд Адвент Ревью энд Сэббат Геральд».

- Смотрите! Здесь написано, что Баттл-Крик открыл небольшую больницу под названием «Западный Институт реформы здоровья». Я должна поехать туда и научиться помогать больным людям. Мне очень нравится это занятие. Я смогу стать медсестрой или, быть может, даже доктором!

- Куда тебя снова несет? - перебила ее мать. - Всегда тратишь свое время на книги и тому подобное. Постыдное занятие для женщины - заниматься этой профессией. Тебе уже 25. Большинство женщин твоего возраста должны быть замужем и ухаживать за мужем и детьми.

Затем в разговор вмешался отец Кэйт:

- Если ты хочешь получить лучшее образование, я уверяю тебя, что оно тебе никогда не понадобится. Ты не получишь от нас никакой помощи, ни одного цента. Сядь, успокойся и довольствуйся тем, что имеешь. Не говори больше о такой мужской работе, как специальность врача. Полный вздор!

Однако у Кэйт были свои соображения на этот счет.

Она должна каким-то образом поехать в Баттл-Крик. Ее желание помогать больным не так-то просто было уничтожить. По прошествии нескольких месяцев решительно настроенная Кэйт Линдсей оставила дом и направилась в новообразованный Институт реформы здоровья.

Уборка и мытье полов - ее первые поручения - отнюдь не приводили ее в восторг, но она была там, где хотела быть. Здесь, в больнице, было несколько пациентов, кому она могла выказать свое сочувствие, а также врач-наставник, у которого она могла многому научиться. Как ни странно, Кэйт не встретила там ни одной обученной медсестры. Она решила, что однажды должна ею стать, поэтому будет много заниматься.

Кэйт слышала о возрастающей популярности водолечебных заведений, где пациенты получали огромную пользу от гидротерапии вместо того, чтобы употреблять ядовитые таблетки. Одна из наиболее известных лечебниц, возглавляемая доктором Тэтчером Троллом, находилась в Флоренс Хайте, штат Нью-Джерси. Как только Кэйт смогла скопить несколько долларов, она поехала на двухгодичное обучение в заведение доктора Тролла.

Вернувшись в Баттл-Крик осенью 1869 года, девушка начала работать медсестрой, но никогда не упускала из виду свою главную цель - стать доктором медицины. Когда медицинский колледж Мичиганского университета в Энн Арбор отворил свои двери для девушек, Кэйт подала документы в приемную комиссию.

Не без опасений колледж Энн Арбор согласился принять женщин-студенток. В представлении некоторых это было «сомнительным экспериментом», Студентки университета находились под пристальным вниманием любопытных жителей маленького городка. На них указывали пальцем, высмеивали и освистывали. Владельцы пансионов принимали их очень нерешительно. На улицах Кэйт и ее подруги выслушивали нелестные замечания в свой адрес: «Женскому уму не под силу изучение профессиональных предметов»; «Их здоровье не выдержит переутомления»; «Похоже, что это полное безрассудство»; «Это уничтожит учреждение, поскольку сила общественного мнения вскоре разрушит такую инициативу».

Во время вступительных экзаменов 150 юношей-студентов ринулись в аудиторию, чтобы занять все свободные места, оставив десять молодых девушек стоять на ногах. Никто из них не позаботился о том, чтобы предложить стул даме. После проверки экзаменационных работ выяснилось, что десять девушек получили самые высокие оценки, в то время как многие из мужчин провалились.

Перед факультетом стояла задача оправдать инициативу приема женщин в качестве студентов. Преподаватель греческого языка, оказывавший сильное сопротивление в этом вопросе, ухмылялся: «Итак, мисс, что вы знаете о греческом?» Он беспощадно экзаменовал Кэйт, спрашивая о склонениях, пассивных аористах, генитивах и падежных артиклях. Он дал ей для перевода несколько страниц греческого текста и попросил просклонять существительные и прилагательные. С изумлением преподаватель слушал ее быстрые и точные ответы.

Для молодых леди было слишком рискованно ходить по улицам в темноте, но однажды Кэйт вызвалась отнести на почту срочное письмо своей заболевшей подруги по комнате. Однако прежде чем уйти, Кэйт на всякий случай зарядила свой револьвер с перламутровой рукояткой. Возвращаясь домой, девушка решила пойти коротким путем по малолюдной тропинке. Вскоре она услышала позади себя быстрые шаги, затем на ее плечо опустилась рука. Мужской голос сказал:

- Я давно хотел с тобой познакомиться.

При тусклом свете уличного фонаря она узнала одного из студентов-медиков с весьма сомнительной репутацией. - Благодарю, - ответила Кэйт, - но я предпочитаю ходить одна.

Когда парень попытался обхватить ее руками, она оттолкнула его и быстро выхватила револьвер.

- Если ты прикоснешься ко мне, я выстрелю! - предупредила девушка. - Пока я буду считать до трех, ты должен добежать до того угла.

Испуганный ловелас удра, не дождавшись, пока она досчитала до двух.

Наконец в 1875 году настал славный день, когда Кэйт получила ученую степень в области медицины в Мичиганском университете. Она возвратилась в Баттл-Крикский Институт здоровья (теперь переименованный в Баттл-Крикский Медико-Хирургический Санаторий) завершившим образование врачом, чтобы работать под началом директора Института - доктора Д. Х. Келлога.

Доктор Линдсей возглавила отдел акушерства и педиатрии. Она пожертвовала домашними удобствами и спала в комнате, примыкающей к ее офису, поэтому за ней могли послать в любой момент во время ночных вызовов. Кэйт редко пользовалась лифтом, поскольку считала, что ходьба по ступеням намного полезнее. Значительный акцент она делала на лечении природными средствами. Она была непоколебимым сторонником свежего воздуха и открытых на ночь окон, а также употребления большого количества воды для питья и принятия ванн.

К несчастью, доктор Линдсей заболела астмой. Однажды во время ночного приступа, случившегося у Кэйт, медсестра была очень занята, чтобы прийти в ее комнату и ответить на ее звонок, поэтому Кэйт сняла висящий над ней абажур с включенной электрической лампочкой и положила себе на грудь под покрывало. Это доставило ей такое облегчение, что она изобрела фотофор, предшественник кабинета световой терапии.

Благодаря настойчивым усилиям доктора Линдсей была открыта школа медсестер. Учебниками служили инструкции, составленные на основе ее расширенных заметок. Пунктуальность она считала добродетелью и ожидала этого от каждого студента. Зачастую ее можно было видеть несущей большой будильник в одной руке и журнал посещаемости в другой.

Когда в Баттл-Крике началась велосипедная лихорадка, доктор Кэйт заявила, что это очень полезное занятие для отдыха. Чтобы подать пример, она купила велосипед и ездила на нем в поселке. Поскольку она всегда неслась с большой скоростью, ее можно было узнать еще издали.

Однако ее «скакун» не всегда бывал послушным. Однажды, когда пациенты и посетители сидели на лужайке, доктор Кэйт рассказывала им об этом чудесном виде упражнений, после чего последовала демонстрация. Присутствующие смотрели, как их доктор объехала вокруг фонтана.

Но один непредвиденный маневр вынудил ее неожиданно резко повернуть к фонтану, где она искупалась вместе со своим велосипедом.

Однажды вечером занятие по физиологии проходило в помещении старого офиса. Задержавшись из-за нескольких пациентов в доме Хаскелла, Кэйт начала резво жать на педали, чтобы успеть на занятия. Пробежало семь часов, а преподавателя все еще не было. Студенты прождали десять минут, затем еще немного. Зная, что поспешность была одной из добродетелей доктора Линдсей, группа послала Лизи Рис в административный корпус справиться, жива ли еще доктор. Студентку направили в такую-то комнату. В ответ на ее стук послышался голос: «Входите». Доктор Кэйт объяснила, что соскочила со своего велосипеда, упала и повредила колено.

- Я должна побежать назад и сообщить об этом группе,

- произнесла Лизи, - поскольку они не разойдутся, пока не узнают, что с вами.

Доктор ответила: «Пока присядь. С группой все будет в порядке. Я надеюсь, что смогу провести тест. Колено пошаливает, но ему можно помочь, если положить кусочек хлеба в рот и мысленно проследить путь этого кусочка в процессе пищеварения»,

Лизи принесла доктору кусочек хлеба, но та больше не смогла за ним проследить. Кэйт рассмеялась: «Ладно, все хорошо. Это то, что нам всем необходимо уметь, - улавливать смысл».

Лизи со всех ног побежала в класс, где ее встретили вопросом:

- Она еще жива?

- Да еще как жива! Она все еще может задать писать тест и заставить вас проследить путь кусочка хлеба в пищеварительной системе.

Видение сестринского дела доктором Линдсей находит свое выражение в ее выступлении, обращенном к выпускникам, 9 ноября 1891 года:

«Выпускная церемония в нашей школе медсестер всегда была для меня событием радостным и печальным одновременно. Я чувствую себя так, как чувствуют родители, когда их дети становятся взрослыми и покидают дом, дабы искать собственное место под солнцем. Я всегда переживаю о том, чтобы наши выпускники исполняли свой долг верно и добросовестно. Когда я смотрю на белые шапочки наших медсестер, я думаю, насколько же эти шапочки ценнее короны королевы.

К несчастью, мир слишком поздно осознал, что эта работа требует прилежного обучения и подготовки. Подобно тому, как большинство людей думает, что женщина интуитивно знает все, что ей необходимо для исполнения материнских обязанностей, так же долгое время считалось, что она интуитивно может быть медсестрой. Только позже было обнаружено, что профессия медсестры требует такого образования и такой старательной подготовки, что самые высокообразованные умы могут задействовать в этом все свои способности. Мы верим, что наши выпускники понимают: вместо завершения учебы, они только приступили к ней, и все свои теперешние достижения будут рассматривать как основание, на котором необходимо строить дальнейший опыт.

Медсестра не должна забывать, что каждая палата является полем для миссионерской работы. Утешительное воздействие религии никогда не бывает столь ценным, как в тот момент, когда кто-то болен, страдает или, возможно, расстается с самой жизнью. Никто другой в то время не находится так близко к страдальцу, как медсестра. Служитель и врач могут приходить лишь время от времени, но они не могут находиться в таких близких, доверительных отношениях с пациентом, как медсестра.

Всякий из вас должен помнить: ваша миссия - творить добро ближним, исцелять больных и облегчать страдания. Поступая так, вы будете неукоснительно следовать по стопам Учителя» (*Доктор медицины Кэйт Линдсей, с.111, 112*).

В 1895 году доктор Линдсей откликнулась на призыв помочь укомплектовать медицинский и сестринский персонал в санатории Клармонт в Южной Африке. Ее знания и навыки вскоре были признаны самыми лучшими врачами Кейптауна, часто обращающимися к ней за советом.

Когда через четыре года доктор Кэйт возвратилась в Соединенные Штаты, она совершала служение в Колорадском санатории в Болдере, будучи членом административного совета. Доктор Линдсей ушла на покой в марте 1923 года, в самом сердце Скалистых гор, которые так любила.

Источники:

- Катрин Йенсен Нельсон. Доктор медицины Кэйт Линдсей.
- Ава К. Уолл. Они также служили. Путеводитель, 20 января 1996 г.

Глава десятая. Баттл-Крикская динамо-машина

Джон Келлог

- Вы заметили, как отличается по вкусу вода в этом колодце от всех других колодцев в академгородке? - спросил своих коллег преподаватель медицинской школы при университете.

- Я полагаю, что она обладает лечебными свойствами, - ответил тот.

- Да, пожалуй, так и есть, - согласился другой преподаватель факультета.

- Я пью ее регулярно, и она на самом деле облегчает мой ревматизм.

- А мне меньше докучают мои желудочные язвы, - добавил третий.

Находящаяся рядом группа студентов колледжа начала хихикать, затем разразилась смехом.

- В чем дело? - спросил преподаватель. После короткой паузы Джон Келлог сказал:

- Дело в том, что почти месяц назад несколько мальчишек решили пошалить. Я лично видел, как они бросили в колодец старые башмаки, консервные банки и пару дохлых котов и собак»,

Джон находился здесь, в Энн Арбор, чтобы получить медицинское образование. Джеймс Уайт заметил, с каким рвением он выполнял каждое порученное ему дело. В двенадцатилетнем возрасте он помногу часов трудился в издательстве, работал на метелочной фабрике отца, а также с успехом окончил школу. Пастор Уайт увидел в этом молодом человеке будущего талантливого врача, поэтому предоставил ему заем в 1 000 долларов.

Однако Джон не был расположен к медицине. Он вспоминал, как в детстве вместе с несколькими друзьями с любопытством подглядывал в окно соседа в то время, когда местный врач делал небольшую хирургическую операцию юноше, распростертому на кухонном столе. При виде крови он почувствовал себя плохо. Позднее, когда мать спросила Джона, кем он хочет стать, тот ответил: «Кем угодно, только не врачом!»

Однако со временем Джон изменил свое мнение относительно медицинского образования и поступил в Гигиено-терапевтический колледж доктора Тролла в Флоренс Хэйтсе, штат Нью-Джерси. Юноша учился с необыкновенным рвением, часто проводя за книгами и конспектами по шесть-семь часов в день, а иногда просиживая далеко за полночь.

Желание продолжить образование привело Джона в медицинскую школу Беллеву в Нью-Йорке, которую он окончил в 1875 году. Во время учебы в Беллеву юноша сам зарабатывал на свое содержание. Он покупал ящик яблок и ящик крекеров «Грэхем» - хрустящее печенье из непросеянной муки. Его завтрак состоял из одного яблока и семи крекеров. Вечером Джон, усевшись возле камина, ел картофель и жидкую овсяную кашу с мякотью кокосового ореха на десерт. При минимальных кулинарных способностях ему было трудно должным образом готовить себе крупы. Он придумал рецепт готовой для завтрака каши, который со временем превратился в целую индустрию здорового питания, приносящую доходы в миллионы долларов.

По возвращении в Баттл-Крик доктор Джон был назначен медицинским директором Западного Института реформы здоровья. Вначале институт возглавлял высококвалифицированный врач (*Речь, по-видимому, идет о первом главном враче учреждения по имени доктор Х. С. Лэй. - Прим. переводчика.*), осуществлявший свою деятельность в период ломки медицинских стереотипов. Проницательный ум Джона подсказал ему изменить название заведения на Медико-Хирургический Санаторий. Он немедленно расширил спектр услуг, предоставляемых заведением, включив в них акушерство и хирургию.

Основную профессиональную заинтересованность доктора Келлога как медика составляла хирургия. С целью повышения квалификации он предпринял несколько поездок в Европу. В Лондоне у доктора Дж. М. Грэнвилля он исследовал методы лечения нервных расстройств. В Париже изучал детские инкубаторы. После этого побывал в Венской поликлинике и наблюдал за именитым хирургом и специалистом по раковым заболеваниям Антоном Биллбротом. Когда Келлог увидел в Берлине электрокардиограф, он заказал один для санатория. Он всегда учился, постоянно пытался совершенствовать свои навыки.

Ощутимым достижением в области питания являются исследования доктора Келлога в области наиболее полезных диет для пациентов. Он экспериментировал с различными заменителями мяса. Изготовил и продавал вкусный протеиновый хлеб под названием «Наттоус». За ним последовали другие продукты, известные как «Бромоус», «Гроноус» и «Мелтоус». Но почему все названия оканчивались на «оус»? Доктор объяснил, что заимствовал это окончание из физиологической химии, поскольку оно обозначает легкую усвояемость продукта.

Другой важный продукт, который попал на американский стол с подачи Келлога, - арахисовое масло. Когда помощник повара в порыве гнева раздавил несколько поджаренных арахисовых орехов, доктор обмакнул палец в эту вязкую массу и попробовал ее на вкус. Потрясающая идея! Возможно, это заменитель коровьего масла?

Джон начал экспериментировать: поджарил орехи, затем размолот их в пасту «Успех», но они оказались не такими съедобными, как предполагалось. Он попытался приготовить их на пару. Результат, по его мнению, оказался «намного слаще, более приятный на вкус и лучше усвояемый». Этот усовершенствованный продукт вскоре занял свое место в бакалейных лавках Америки.

Следующее, что занимало внимание доктора, - приготовление заменителя кофе. Экспериментируя со смесями из поджаренных хлебных корок, отрубей, черной патоки и кукурузы, он заметил пациента, постоянно заглядывающего через его плечо. Это был Чарльз У. Поуст, довольно болезненный джентльмен, решивший поправить свое здоровье. Поуст часто посещал пищевую лабораторию санатория, задавал вопросы и делал заметки. В конце концов, он предложил Келлогу стать партнерами в маркетинге долгожданного заменителя кофе. Келлог не был в восторге от этого предложения. Однако Поуст, поверив в свои силы и проявляя упорную настойчивость, начал действовать самостоятельно. Имея одного помощника, он выпустил первую

коммерческую партию питательного кофе из зерен злаков - «Поуст Сириел Фуд Коффи». Семь лет спустя он стал мультимиллионером.

Случай, когда одна пациентка сломала свои вставные челюсти о кусок сухаря, вдохновил Келлога на очередное изобретение. В тот вечер экспериментатор думал о том, как приготовить пищевые хлопья. На следующее утро он сварил немного зерен пшеницы, пропустил их через машину, которую его жена использовала для раскатки теста, и испек в духовке. Потом разломал их на мелкие части, однако необходимо было проделать долгий путь, прежде чем он мог назвать это хлопьями. Ликуя по поводу своего открытия, Джон обсудил этот процесс со своим младшим братом Уиллом. Они продолжали экспериментировать на кухне санатория до тех пор, пока не преподнесли свое изделие к завтраку в столовой. Пациентам понравилось. Келлог назвал свое открытие «Хлопья Греноус», Коммерческое производство началось в 1895 году в маленьком амбаре позади санатория. Поползли слухи, что доктор Келлог может превратить 60-центовой бушель пшеницы в пищу, розничная цена которой составляет 12 долларов.

Желая заработать на прибыльном деле, другие предприниматели начали толпами стекаться в Баттл-Крик. Некоторые из них, вызывая всеобщее подозрение, жили и работали в лачугах и сараях, заставляя население бодрствовать по ночам. Город злаковой пищи пополнился новыми марками похожей продукции из хлопьев, такими как: «Кринки Корю», «Индиан Корн Флэйкс», «Голден Манна», «Тоастед Райс Флэйкс», «Флэк-Оута», «Шреддед Уит», «Келлоге Крамблс», «Трячева» и дюжиной других изделий. Эту «чудесную пищу для мозгов» рекомендовали для лечения истощения организма, малярии и потери зубов.

Маленькие соперничающие компании начали войну в судах за то, кто обладает первым правом на продукцию. В Судейском ряду начало появляться все больше табличек, по мере того как приезжали новые адвокаты, чтобы принимать участие в хлопьевых баталиях Баттл-Крика. Однако для местных жителей мир городка был разрушен. Город уже никогда не был таким, как прежде.

В дополнение к 75 здоровым продуктам, деятельный ум доктора Келлога изобрел многочисленные механические приспособления, разработанные для блага его пациентов.

«Доктор Келлог организовал при санатории компанию по выпуску разных аппаратов, разработанных самим же доктором, чтобы обеспечить стимуляцию различных частей тела. Среди его приспособлений были: вибрирующая переключательная для использования на ладонях, руках, верхнем позвоночнике и голове; механическая месильная машина для стимуляции брюшной полости, чтобы облегчить хронический запор; двигающийся пояс, ставший стандартной частью оборудования в программах по снижению веса; наклонный стол, который помогал поднимать или опускать голову и ноги пациента восемь раз в минуту; вращающийся ребристый цилиндр, сконструированный для растирания подошвы стопы» (*Ричард Шварц. Доктор медицины Джон Харвей Келлог, с. 124*).

Он также изобрел вибрирующий стул для стимуляции брюшных органов. Стул состоял из обычного кресла, помещенного на небольшую платформу, качающуюся 20 раз в минуту. По мнению доктора, это улучшало циркуляцию крови. Используя синусоидальную струю, Джон Харвей Келлог разработал тренажер, который при использовании его в течение 20 минут, производил такую стимуляцию, для которой пациенту понадобилось бы быстрым шагом проделать путь в шесть километров.

Одним из наиболее успешных изобретений Келлога была ванная комната с электрической подсветкой. Пятьдесят две электрические лампы могли излучать любой желаемый цвет, который, по мнению ученых, оказывал целительное воздействие на различные недуги. Пациент садился в высокое кресло и расслаблялся в стимулирующей турецкой бане. Хотя изобретение медленно принималось в Америке, его с радостью приветствовали поставщики здорового оборудования в Швеции и Германии. В Англии король Эдвард установил такую комнату как в Букингемском, так и в Виндзорском дворцах.

Следующее, на что обратил свое внимание доктор, - проблемы с одеждой. Осинные талии были порождением такого стиля одежды, который угрожал здоровью. Келлог обследовал одну женщину и обнаружил: из-за ношения узкого корсета ее печень сжата настолько, что приобрела форму гантели. Доктор объявил войну такому глупому стилю. Однажды он тайком спрятал корсет жены в сумку для покупок, затем свистнул своей собаке, чтобы она сопровождала его в лабораторию. Затянув корсет вокруг собаки, Келлог начал проводить с ней некоторые дыхательные эксперименты. Чувствуя себя неудобно и беспокойно, пес выскочил в окно и

умчался домой. Доктор также выпрыгнул и, вскочив на велосипед, помчался со всей скоростью, пытаясь догнать пса, но тот выиграл забег. Испуганная миссис Келлог потребовала объяснений, после чего они вместе весело смеялись.

Джон Харви Келлог утверждал, что белые одежды самые полезные для здоровья, поскольку лучше пропускают благотворные солнечные лучи. Он сам подавал пример, одеваясь во все белое - пальто, рубашка, галстук, брюки, носки, туфли, шляпа. Эспаньолка (остроконечная борода) доктора весьма подходила к его одежде, подчеркивала незаурядность этой личности.

Однажды, когда Джон ехал на работу в своем бросающемся в глаза белом костюме, переднее колесо его велосипеда застряло в выбоине, и он катапультировался через руль. С присущим ему достоинством, доктор стряхнул с себя пыль, покинул злополучный велосипед и продолжил свой путь пешком.

Доктор Келлог никогда не мог себе позволить остаться в проигрыше. Он должен был побеждать и продолжал выдвигать аргументы до тех пор, пока оппозиция не была сломлена. Из-за маленького роста (160 см) его не покидало чувство неполноценности (как ни странно). Если в его офис входил человек более высокого роста, доктор приглашал его сесть, в то время как сам оставался стоять, дабы быть «сверху».

В среднем Келлог мог продиктовать от 25 до 50 писем в день, многие из которых были объемом в 16 страниц. Будучи в состоянии делать несколько дел одновременно, он во время диктовки мог просматривать сообщения и медицинскую литературу. Когда случалось что-то непредвиденное, прерывавшее его речь, доктор незамедлительно возвращался к своим предыдущим словам, даже если его остановили на середине предложения.

Его 18-часовой рабочий день начинался в 5.00 утра, хотя сам он говорил, что наилучшими часами для него было время между 3.00 и 4.00 часами утра. Его обычный день мог состоять из четырех или пяти часов диктовки писем, такого же количества часов хирургических операций и нескольких часов консультаций вдобавок к вечерней лекции.

В 1892 году, после такого безжалостного распорядка в течение девятимесячного периода, Джон Келлог испытал сильнейший упадок физических сил и слег в постель с высокой температурой. Спустя шесть месяцев он вернулся к своему самоубийственному расписанию. Иногда в течение коротких полуденных перерывов он садился на велосипед и объезжал свой офис по круговой дорожке. Но для большей эффективности труда просил своего секретаря бежать рядом с ним, а сам давал ему распоряжения и указания на этот день. Во время работы доктор носил в своих карманах сушеные фрукты и орехи, чтобы пожевать их, пока ему придется поесть по-настоящему.

И все же специальностью Келлога была хирургия. На протяжении своей жизни он провел 22000 хирургических операций и столько же раз молился, прежде чем взять в руки скальпель. Он был уважаем за умение найти подход к больному. Независимо от того, каким напряженным был его день, он говорил со своими пациентами непринужденным спокойным тоном. Доктор находил время, чтобы ответить на их вопросы и дать советы относительно принципов здорового образа жизни.

У Джона и его жены Эллы не было детей. Несмотря на то, что первые 15 лет своей семейной жизни они прожили в квартире в одном из зданий санатория, они проявляли участие к нуждающимся и обездоленным детям. Вначале супруги взяли за правило принимать только тех, кто происходил из добропорядочных семей. Позже они отказались от этого принципа, дабы доказать, что здоровое любящее окружение помогает преодолеть нежелательные наследственные черты. В 1894 году Келлоги купили дом, состоящий из 20 комнат, и взяли на воспитание 42 ребенка, пятерых из которых легально усыновили.

Однажды, прочитав заметку в газете о пятилетнем мальчике, грызущем жировую свечку у постели своей мертвой матери в дешевой ночлежке, супруги быстро решили взять этого беспризорного ребенка к себе. Они не проводили никаких различий по цвету кожи или вероисповеданию. Один темнокожий, один пуэрториканец и четверо мексиканских детей стали частью их семьи. Один из их приемных детей, мексиканец, поступил на медицинский факультет и стал врачом, другой - дантистом в Баттл-Крике. Несколько приемных дочерей стали медсестрами и учителями, а некоторые вышли замуж за молодых врачей санатория.

«Столкнувшись с постоянным непослушанием одного из мальчиков, доктор сообщил: поскольку этот паренек вел себя, как упрямое маленькое животное, он должен будет спать с животными в амбаре. В ту ночь он поместил его кровать на сеновале и уложил туда мальчика. Когда же тот уснул, Джон Харви, не желая оставлять его самого, поставил там другую кровать и провел ту ночь рядом с ним, поднявшись прежде, чем молодой человек пробудился от сна. Келлог продолжал эту процедуру несколько ночей подряд, но терпение доктора, в конце концов, увенчалось успехом, когда однажды вечером мальчик подошел к нему и сказал: «Я не хочу больше быть животным. Я хочу быть мальчиком». Дальнейшее поведение мальчика, вспоминал позже доктор, превзошло все его ожидания» (*Шварц, с. 154*).

Поздно ночью в ущерб собственному здоровью Джон Келлог находил время, чтобы писать. Он не только являлся автором более чем 50 книг в области здравоохранения и медицины, но также выпускал периодические издания. Его наиболее объемным (1600 страниц) трудом была богато иллюстрированная «Домашняя книга по семейной гигиене и рациональной медицине». А его наиболее противоречивая книга «Живой храм» подверглась огню как в переносном, так и буквальном смысле. Серия опустошительных бедствий сопровождала и публикацию, и распространение этой книги.

«Трагедия обрушилась на санаторий 18 февраля 1902 года. Рано утром огонь, вспыхнувший в находившейся по соседству аптеке, быстро перебросился на ближайшие постройки. Вскоре все главное здание с его двумя крылами, госпиталь милосердия и несколько небольших соседних строений лежали в руинах. Оперативные совместные действия персонала санатория и местного пожарного отделения позволили эвакуировать всех 400 пациентов. Единственный несчастный случай произошел, когда один почтенный пациент обнаружил, что забыл все свои сбережения и ринулся в горящее здание. Доктор Келлог узнал о пожаре, возвращаясь с Западного побережья, когда делал пересадку на поезд в Чикаго. Он немедленно начал намечать планы постройки нового здания» (*Смелое видение, с. 53*).

Эллен Уайт советовала: «Прошлой ночью мне было поручено сказать вам, что большая показуха, которую вы делаете в Баттл-Крике, не соответствует Божьему предписанию. Вы планируете построить в Баттл-Крике больший санаторий, чем там необходимо воздвигнуть» (*Э. Уайт. Письмо 125, 1902 г.*).

Руководители Церкви встретились с членами правления санатория, чтобы спланировать его восстановление. Они посоветовали возвести один корпус не выше пяти этажей в высоту и 135 метров в длину. Однако, несмотря на это, доктор Келлог с присущей ему независимостью продвинул идею о здании высотой в шесть этажей, 157,5 метров в длину и жилой площадью в 28000 кв.м. (семь акров). Посетители были потрясены его многоколонным фронтоном, украшенным цветами и папоротниками роскошным вестибюлем и мраморными полами. Его величие было описано достопочтенным Пери Ф. Пауэрсом, главным аудитором штата Мичиган, за несколько дней до посвящения:

«Основной стиль здания определялся архитекторами, как итальянский ренессанс. Полы из мраморной мозаики были сделаны под руководством итальянского художника, который оформил прекрасную мозаику в здании библиотеки Конгресса в Вашингтоне, округ Колумбия ... Когда работа будет полностью завершена, это будет одно из самых великолепных зданий Мичигана».

Как только было объявлено о приближающемся завершении нового здания, множество пациентов подали заявку на посещение, поэтому плотники, каменщики, медсестры и врачи в буквальном смысле толкали друг друга в коридорах в течение первых нескольких недель. Заведение было укомплектовано 30 врачами, 300 прошедшими обучение медсестрами и таким же количеством других работников.

Оно стало настоящей Меккой для инвалидов со всего мира. Его постоянными посетителями были бывший президент США Уильям Говард Тафт, министр юстиции и генеральный прокурор США Джордж Уикершем, Уильям Дженнингс Брайан, натуралист Джон Барроус, Джон Д. Рокфеллер-младший, Д. К. Пенни, Монтгомери Уорд, С. С. Крест, Генри Форд и сэр Уилфрид Гринфил.

В течение предыдущего десятилетия доктор Келлог увлекался пантеизмом - восточной философией, которая учила, что Бог наполняет всю природу, что Он находится в траве, деревьях и т. д. Джон Келлог свободно выражал эти взгляды в своих публичных выступлениях. На сессии Генеральной Конференции в 1901 году он утверждал:

«Возьмите, к примеру, подсолнух. Он смотрит прямо на солнце ... Бог, Который в подсолнухе, производит такое действие ... Существует сознание, присутствующее в этом растении, во всей растительности ... Когда мы видим все эти маленькие клетки, марширующие вместе в таком совершенном порядке, то понимаем, что можем почти слышать Божественный голос, говорящий к этим частичкам, производя в них порядок. Мы можем видеть, что там существует Божественный Повелитель, который, несомненно, руководит каждым движением ... Где бы ни находилась Божья жизнь, там находится и сам Бог. Вы не можете отделить Бога и Его жизнь. Именно по этой причине Бог присутствует повсюду ... Это наилучшее объяснение, которое я могу предоставить, объясняя, каким образом происходит работа в мозге. Там присутствует сознание. Каждая из этих клеток является сама по себе отдельным маленьким сознанием. В каждой из них есть Божественное присутствие ... Именно жизнь Божья в этих клетках перемещается по чудесным телеграфным проводам - нервным нитям. Божья жизнь управляет там, как сила Божья; поэтому везде, где имеется нервное ощущение или импульс поступает в мышцы, - это Божья сила в мышце. Это работает Бог» (*Бюллетень Генеральной Конференции, 1901, с. 492-495*).

Чтобы помочь профинансировать новый санаторий, Келлог намеревался продать 500 000 экземпляров своей пропитанной пантеизмом книги «Живой храм», Когда в декабре 1902 года пожар, возникший в издательстве «Ревью энд Геральд», уничтожил печатные формы для его книги, он немедленно сел за работу и за 40 часов непрерывной диктовки подготовил обновленную рукопись.

Однако руководители Церкви не поддержали идею доктора Келлога относительно того, чтобы вся деноминация распространяла учение пантеизма от дома к дому. Когда У. У. Прескотт просмотрел рукопись и прочитал, что «В дереве присутствует сила, которая творит и поддерживает его, древотворец в дереве, цветотворец в цветке», он воскликнул: «Мы не можем продавать этот мусор! Никоим образом!»,

Пантеистические воззрения превратились в возрастающую угрозу и шли вразрез с ясным библейским учением. Даже некоторые служители уклонились в эту ересь. Э. Д. Ваггонер, представивший истину об оправдании верой на Миннеаполисской конференции в 1888 году, теперь учил: «Когда человек знает и признает, что каждое его дыхание есть прямое дыхание Бога в его ноздри, что он живет в присутствии Бога и обладает исполненной Духом жизнью ... - это оправдание по вере. Поэтому врачи в санатории должны учить оправданию по вере, хотя они и не называют это именно такими словами» (*Бюллетень Генеральной Конференции, 1899, с. 58*).

В то время по всей стране было 69 санаториев и лечебных кабинетов, спонсируемых и поддерживаемых местными церковными конференциями, и все же доктор Келлог ожидал, что все они будут смотреть на Баттл-Крик, как на руководящий орган. В способствующих его популярности изданиях он перечислил эти заведения как дочерние ответвления Баттл-Крикского санатория (Баттл-Крикская точка зрения, февраль 1904 г.).

Стремясь заполучить полный контроль над санаторием, доктор Келлог окружил себя поддакивающими ему людьми и пересмотрел устав, чтобы они могли сохранить свое место в совете правления. Для руководства Церкви стало очевидно, что доктор намеревается присвоить церковные заведения, назвав их «неденоминационными».

Президент Генеральной Конференции А. Г. Дэниельс, не желая подвергать церковное имущество хитрому манипулированию, занял решительную позицию. Во время одной словесной перепалки Келлог помахал пальцем на Дэниельса и сказал: «Вы думаете, что эта маленькая кучка людей здесь - Генеральная Конференция. Я покажу вам, что есть другая Генеральная Конференция, когда вернусь назад в Баттл-Крик» (*А. Л. Уайт. Эллен Г. Уайт, т. 5, с. 262*).

Чтобы оправдать свое нежелание прислушаться к совету руководителей Церкви, доктор прибегнул к странному доводу: некоторые из них не были вегетарианцами. Всю свою жизнь доктор был приверженцем вегетарианства. Он сильно пропагандировал его в своих выступлениях и сочинениях, а также в столовой комнате санатория.

Действительно, его выступления на тему здоровья горячо приветствовались на многих лагерных собраниях, которые он посещал. Доктор всегда проверял лагерьный магазин, скупал в нем все мясные продукты и твердые сыры и закапывал их. Он утверждал, что не уважает служителей, продолжающих употреблять мясную пищу, и провозгласил, что не чувствует себя обязанным следовать их советам.

Поскольку в течение нескольких месяцев пожар уничтожил как санаторий, так и издательство, Эллен Уайт советовала, чтобы руководство переместилось подальше от Баттл-Крика. После всестороннего исследования этого вопроса было решено остановить свой выбор на участке земли, расположенном в пригороде Вашингтона, округ Колумбия, где и были построены офис Конференции, издательство, колледж и санаторий. Конфликт продолжался, но удаленность руководства предоставила преимущества зачинщикам бунта. Спустя несколько лет доктор Келлог обрел над санаторием полный контроль.

Многое было сделано для того, чтобы доктор Келлог увидел свои заблуждения и возвратился, но все оказалось тщетным. Доктор был исключен из членов Церкви, но увлек за собой лишь несколько близких друзей.

В 1927 году, действуя согласно своему положению, Джон Харви Келлог и его ближайшие соратники решили построить 14-этажный дополнительный корпус к основному зданию, стоимостью в 4 миллиона долларов. Известное как «Башни», оно могло разместить еще 1 300 посетителей. Но обремененный долгами разорительный проект обернулся несчастьем, когда два года спустя разразилась Великая депрессия и список его пациентов сократился до нескольких сотен. Прежде упивавшийся властью и авторитетом, но теперь ниспровергнутый и униженный банкротством, доктор потерял всю свою империю.

Доктор Келлог безгранично любил свою работу, вкладывая сердце и душу в дело улучшения условий жизни своих пациентов и обучения нации принципам здорового питания. И все же этот человек с раздвоенной личностью либо сильно нравился, либо вызывал сильное неприятие. Один из близких друзей назвал его «самым милым и самым грубым человеком из всех, кого я когда-либо знал». В то время как некоторые просто трепетали в его присутствии, другие заявляли, что его поведение было обворожительным». Под конец жизни доктор ушел в пантеизм, поставив этим несмыслимую кляксу на свое когда-то успешное и такое нужное служение. Однако, отдавая ему должное, нужно сказать, что он воплощал в жизнь те принципы, которые проповедовал, и в свои 91 год все еще пробегал пять километров в день.

Какой отличной могла бы быть история доктора Келлога, если бы он прислушался к конструктивной критике и сотрудничал с адвентистскими руководителями! Эллен Уайт послала ему примерно 200 писем с советами, к которым он отнесся с уважением, но не последовал им. Она как никто другой знала особенности его характера, поскольку он жил в ее доме и к нему относились как к сыну, когда он обучался печатному ремеслу. Вот несколько выдержек из ее писем:

«Я знала тебя еще мальчиком, и Господь наставил меня в отношении опасностей, которые угрожали тебе еще в твои детские годы, из-за наследованных и приобретенных склонностей ... Ты нуждаешься в обращении, в рождении свыше, прежде чем сможешь сотрудничать с Господом Иисусом ... Мать не может удерживать нежно любимого ребенка сильнее, чем я буду удерживать тебя. Я ожидаю увидеть тебя вовлеченным в работу, данную тебе Богом, и я молюсь за тебя непрестанно» (*Э. Г. Уайт. Письмо 174, 1902 г.*).

«Если ты сделаешь [Христа] своим примером, твои гордость и самоуверенность будут удалены ... Если ты обратишься, твой властный дух, который ведет тебя к осуждению, порицанию и неодобрению, изменится» (*Э. Г. Уайт. Письмо 65, 1903 г.*).

Доктор Келлог на самом деле выражал свою признательность миссис Уайт за ее материнскую заботу и только перед ней одной признавал свои гордость, упрямство и своеволие. Однако он приписывал эти недостатки чрезмерному труду, недостатку сна и плохому питанию.

Во время своего пребывания в Церкви доктор Келлог, несомненно, сделал больше, чем какой-либо другой человек в деноминации, чтобы положительно представить имя и работу Церкви перед миром. Сегодня в его честь организован музей в историческом адвентистском городке Баттл-Крика.

Источники:

- Ричард Шварц. Доктор медицины Джон Харви Келлог.
- Уоррен Джон и Ричард Ютт. Смелое видение. Адвентист Ревью, 27 мая 1999 г.

Глава одиннадцатая. Совершая невозможное

Анна Найт

Самогонщики предупредили Анну, чтобы она не рассказывала в своем физиологическом классе о вреде для здоровья алкогольных напитков, поскольку это могло привести к убыткам в их бизнесе. Однако никакие угрозы не могли заставить ее изменить своим убеждениям.

Однажды, когда Анна ехала домой по тенистой лесной дорожке, она заметила впереди вооруженную засаду. Кто-то крикнул: «Вот едет эта дама с пистолетом!»

С молитвой на устах Анна подстегнула свою лошадь, крепко схватила поводья и галопом промчалась прямо сквозь строй вооруженных людей. Мужчины громко вскрикнули и выстрелили в нее, но ни она, ни лошадь не пострадали. Будучи на безопасном расстоянии, Анна нежно погладила свою верную лошадь, чтобы та перестала нестись, и они безопасно продолжили свой путь домой.

«Образование» Анны в детстве состояло из рубки деревьев, прополки хлопка, таскания воды из речки, как это делали все темнокожие дети в сельских окрестностях Миссисипи в 1890-х годах. Постоянно голодная, она дополняла свою скудную диету дикими ягодами, диким виноградом, хурмой и орехами гикори. Некоторые белые дети имели преимущество посещать школу, но черным это было запрещено. Как ей хотелось учиться! Анна просила учеников позволить ей хотя бы одним глазком посмотреть на их книги. Она готова была сделать за них любую работу, лишь бы провести хоть немного времени с их книгами.

Как обрадовалась Анна, когда ей подарили старый букварь и четвертый том «Книга для чтения Мак Гиффис». Она собирала группы детей вместе и учила их читать по слогам. Девочка обучала маленьких детей, используя землю в качестве школьной доски и палочку в качестве мела.

Когда Анна стала постарше и посильнее, то заняла свое место в лесу с топором и пилой. Она научилась валить деревья, распиливать бревна и раскалывать поленья. Вспахивание было одним из ее любимых занятий. Ближайшая железнодорожная станция находилась в 60 километрах, то есть на расстоянии пяти дней пути на воловьей повозке. Не стоит говорить о том, что поездки за покупками были довольно редкими.

Однажды в их дом зашел агент, собирающий подписку на ежемесячный журнал «Дом и семейный очаг». В журнале Анна прочитала объявление о том, что за 10 центов ее имя может быть напечатано в этом издании с целью получить бесплатные книги, газеты и каталоги. Она немедленно отозвалась на объявление. Среди различных газет была одна, озаглавленная «Утешение», издававшаяся в Августе, штат Мэн. В этой газете находилась рубрика «Полезный обмен». Один читатель спрашивал: «Не может ли кто-нибудь прислать мне что-то интересное почитать?» Анна переписала это объявление и поставила под ним свое имя и адрес. Вскоре почтовое отделение было запружено почтой на имя Анны Найт.

Среди 40 адресантов было два адвентиста, выславших Анне пакет с литературой: «Ревью энд Геральд», «Наставник молодежи» и «Знамения времени». Ненастные дни предоставляли время для чтения. Вскоре девушка начала получать письма от миссис Эмбри, которая послала ей литературу. Миссис Эмбри вложила в конверт уроки по изучению пророчеств и доктрины о святилище и следственном суде. Она также выслала книгу Эллен Уайт «Путь ко Христу». Собрав 90 килограммов хлопка, Анна смогла купить себе Библию. Все адвентистские доктрины были согласованы между собой и находились в гармонии с Библией.

Анна написала миссис Эмбри, что желает принять крещение и присоединиться к Церкви, которая напечатала прочитанную ею литературу. В скором времени она получила известие от пастора Л. Д. Чемберса, секретаря-казначея Южного миссионерского трактатного общества в Чаттануге, штат Теннесси. Он предложил, чтобы она приехала в Чаттанугу.

На деньги, вырученные от продажи тюка хлопка, Анна смогла приобрести себе билет на поезд. Пастор Чемберс встретил ее в Чаттануге. Чтобы он мог узнать ее, она, сойдя с поезда, размахивала журналом «Ревью». Спустя несколько недель после крещения, мисс Найт вернулась домой убежденной адвентисткой седьмого дня.

Когда ее семья увидела, что она стала намного тверже в своих «странных» убеждениях, чем когда-либо раньше, они сделали ее жизнь еще более невыносимой, подвергая девушку оскорблениям и насмешкам. Неграмотная мать кричала: «Ты с ума сошла от всего этого чтива!»

На субботу она должна была готовить завтрак для всей семьи и делать всю необходимую работу, затем брала свою Библию и церковные газеты, чтобы провести этот день в лесу. В ненастные субботы она удалялась на сеновал в амбар. Затем наступил кризис. Вот что рассказала Анна:

«Моим неизменным занятием было вспахивание земли в междурядье после прополки хлопка от сорных трав. Однажды предстояло вспахать полтора гектара хлопкового поля. Было субботнее утро, и выдался очень погожий день. Мать сказала:

- Ты пойдешь сегодня вспахивать хлопок.

- Нет, - ответила я, - я не работаю по субботам. Вы знаете, что сегодня суббота. Я не могу работать.

Брат поддержал мать:

- Если ты не пойдешь, то и я не буду работать. Ты сидишь или валяешься без дела каждую субботу, и работа тебя не касается. Я не буду работать, если ты не пойдешь.

Мать приказала:

- Ты сегодня пойдешь вспахивать хлопок!

Некоторое время я раздумывала над Четвертой и Пятой Заповедями. Я никогда не огрызалась и намеренно не слушивалась мать. Получив довольно жесткое воспитание, я была запугана; но это было уже слишком. Я потеряла терпение, которое мне удавалось сохранять много недель. Мой вспыльчивый характер дал о себе знать, и я наговорила им предостаточно. Я сказала:

- Я пойду и буду работать, и если не успею закончить сегодня, то закончу работу в воскресенье или умру. Вы понимаете, что если я не могу соблюдать субботу, то не буду соблюдать и воскресенье!

Я пошла, чувствуя, что грешу против Святого Духа и что уже потеряна; я была обиженной, а также злой. Лошадь заметила, что я была рассержена и рассердилась сама, и мы пробежали с ней эти полтора гектара прежде, чем солнце скрылось за вершинами деревьев. Я возвратилась в дом и поставила лошадь, но отказалась принимать ванну и надевать чистые одежды на воскресенье. В воскресенье утром, одетая в свою рабочую одежду, я взяла сапку и пошла на свою цветочную грядку. Родственники были настолько возмущены моей работой в воскресенье, что ушли из дома и не приходили до вечера» (*Анна Найт. Девушка из Миссисипи, с. 34, 35*).

Каким ужасным было чувство греха против Святого Духа! Анна никак не могла успокоиться. У нее не было никакого настроения читать или молиться. Она села и излила свое сердце в письме к пастору Чемберсу. Со времени своего крещения она никогда не ссорилась и не теряла самообладания. Но теперь она сорвалась. Была ли для нее какая-нибудь надежда? Она чувствовала себя потерянной, погибшей!

В ответ на это послание пришло напечатанное на двух страницах письмо от пастора Чемберса, который заверил Анну, что Господь простит ее. Она не несет ответственности, поскольку еще несовершеннолетняя. Он процитировал текст Ефес.6: 1: «Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе», Затем пояснил, что только тогда, когда родители в Господе и в гармонии с Его волей, мы должны повиноваться. «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян.5:29).

Письмо доставило девушке огромное утешение и поддержку. В глубоком сокрушении сердца она исповедала свои грехи перед Богом и просила о прощении. Мир вновь наполнил ее душу.

Однажды Анна попыталась объяснить матери, почему она не может работать в субботу. Мать пришла в ярость.

- Ты не можешь меня ничему учить! Я твоя мать, и если ты не прекратишь все эти субботние разговоры, тебе придется покинуть наш дом. У меня уже голова идет кругом от всего этого!

Анна спокойно ответила:

- Хорошо, я уйду, но я не могу оставить субботу. Я уеду, получу образование и буду учителем. Вы можете забрать мою лошадь, мою корову и мой хлопок. Мне нужно только на билет до Чаттануги. Вы можете забрать все остальное. Моя Библия и мои личные вещи, надеюсь, вам не понадобятся.

В холодный декабрьский день брат привез ее на железнодорожную станцию. Она села на поезд, имея при себе только самодельный деревянный чемодан, в котором находилось несколько личных вещей. После покупки билета у нее осталось пять центов, чтобы купить кокосовый орех - вся ее еда во время пути. Пастор Чемберс ожидал Анну на станции и забрал к себе домой, где ей был оказан радушный прием.

Друзья позаботились о том, чтобы Анна прошла программу «работа-учеба» в Маунт Вернон Академи, штат Огайо. Год спустя она приняла решение выучиться на медсестру в колледже в Баттл-Крике. Здесь девушка каждый день работала по шесть часов и четыре часа проводила на занятиях.

Во время обучения одно чудо исцеления произвело неизгладимое впечатление на молодую медсестру. Как-то раз привезли очень больную пациентку, нуждающуюся в особом внимании наилучших врачей. Это была миссис С. М. И. Генри, евангелист национального масштаба из Женского Христианского Союза за воздержание.

Внимательно обследовав пациентку, доктор Келлог сказал, что у нее серьезный случай органического поражения сердца. Больная может надеяться только на чудо, но в клинике ей предоставят соответствующее лечение, чтобы поддержать ее состояние. Сама мысль о том, что ей придется распрощаться со своей антиалкогольной кампанией и работой ради бедных, повергла миссис Генри в полное отчаяние.

В следующий раз, когда ее пришел навестить капеллан, она спросила, могут ли над ней совершить обряд елеопомазания и помолиться в соответствии с текстом из Послания Иакова 5:14-15.

- Вы все христиане, и я также христианка. Почему бы мне не получить исцеление?

Капеллан сообщил медсестрам, заведующему отделением и помощникам о времени проведения обряда елеопомазания и попросил всех объединиться в молитве за миссис Генри. Господу было угодно даровать ей исцеление, и после служения она вернулась назад к себе в комнату.

По этому случаю доктор Келлог сделал такое заявление: «Прошлым августом, когда сестра Генри поступила к нам, я провел тщательное обследование ее состояния. Она была прикована к постели, необыкновенно слаба, говорила очень вялым низким голосом и могла произнести за раз всего несколько слов. У нее наблюдалась общая водянка, пульс почти не прослушивался и был нерегулярным. Ее сердце было необычайно слабым и увеличилось вдвое по сравнению с обычными размерами ... Вчера я вновь осмотрел пациентку и не обнаружил никаких признаков водянки. Она больше не нуждалась в инвалидной коляске. Я нашел, что она могла свободно говорить и быстро ходить вверх-вниз по ступенькам ... Пульс был регулярным и сильным, с нормальной частотой ... Доктор медицины Д. Х. Келлог».

Доктор Келлог постоянно наставлял медсестер относительно цели медицинской миссионерской работы. Он указывал на ее необходимость как в Америке, так и за границей. Когда он обратился с призывом: «Кто готов пойти?», многие подняли свои руки, включая Анну.

- Я собираюсь вернуться домой в Миссисипи и начать преподавать, - вызвалась Анна.

- Отлично! - доктор, по-видимому, был доволен. - Немногие решаются на это. Но есть ли у вас что-нибудь, с чего вы собираетесь начать?

- Ничего.

- Тогда идите и работайте, - сказал он, - а когда мы доработаем планы, то придем за вами.

Две недели спустя доктор позвал ее в свой офис.

- Мы уже позаботились о транспортных средствах. Вот вам письмо, чтобы предъявить его транспортному агенту, когда вы доберетесь до Цинциннати. Он продаст вам билет до Элльсвилля по миссионерскому тарифу. Санаторий предоставит вам питание на дорогу.

Друзья Анны в Баттл-Крике устроили для нее прощальную вечеринку.

Когда она добралась до Элльсвилля, брат встретил ее на станции с запряженной волами повозкой, чтобы еще 30 километров трястись по дороге домой.

Первым делом мисс Найт собрала вместе возможных покровителей и друзей, чтобы объяснить им свое видение школы. Она рассказала о своем опыте работы и учебы в Баттл-Крике, показала книги, которыми снабдил ее доктор Келлог. Когда же девушка продемонстрировала им униформу медсестры, присутствующие уже не сомневались в ее медицинских способностях.

- Теперь все это будет использовано для блага вашего и ваших детей, а также для всего селения, - сказала Анна. - Мы должны трудиться вместе, чтобы, рассеяв тьму и предрассудки, позволить воссиять свету христианского образования.

Предыдущие негативные чувства по отношению к ее адвентистской вере канули в Лету, и все друзья были настроены сотрудничать в организации школы. Единственным свободным пристанищем для школы было обветшавшее бревенчатое строение. Однако оно было с хорошей крышей, двумя третями дымохода и действующим камином. Энтузиасты залатали трещины в полу и стенах, чтобы здание могло удерживать тепло. После этого они повалили дерево, распилили его и сделали две скамьи для девяти детей и стол для учительницы - мисс Анны.

Однажды выпал снег и резко похолодало. Учительница с учениками развели в камине такой большой огонь, что дымоход, построенный из палок и глины, загорелся. К счастью, они увидели огонь, выбежали наружу и забросали его снежками. Убедившись, что огонь погас, они не возобновляли занятия во второй половине дня.

Анна преподавала за один доллар в неделю наличными, часть платы за обучение дети могли компенсировать трудом. Она позволяла детям за пять центов в час резать дрова для камина. Это было сделано с целью помочь детям почувствовать, что они также платят за обучение.

Анна рассказала покровителям школы о своих планах построить новое школьное здание и попросила их о помощи. Если у них нет денег, они могут потрудиться для школы. Каждый пообещал сделать все возможное. Мужчины повалили лес и порезали бревна на лаги, балки и стропила. Готовые пиломатериалы для наружной обшивки и оконные коробки были привезены на мулах из Элльсвилля. Анна купила оконное стекло, плиту и краску для школьной доски. Когда настало время открытия школы, у них было самое красивое здание в этой части страны. Оплата для каждого из ее 24 учеников в восьми классах составляла один доллар в месяц.

В дополнение к своему еженедельному преподаванию Анна еще занималась с детьми в двух воскресных школах - в одной утром, а в другой после полудня. Ее заслуги были высоко оценены в поселке, за исключением самогонщиков, которые угрожали ее жизни, поскольку она рассказывала о разрушительном воздействии алкоголя. Мисс Найт наняла сторожа для охраны школы ночью от возможных актов вандализма или поджога. Она осознавала необходимость всегда носить с собой револьвер. Когда враги увидели, что она не из робкого десятка, то перестали создавать ей проблемы.

В мае 1901 года доктор Келлог попросил, чтобы Анна посетила Генеральную Конференцию в Баттл-Крике как делегат, представляющий медико-миссионерскую работу выпускников, которые были посланы в различные места и находились на самообеспечении. Здесь она узнала, что пастор Д. Л. Шоу и его жена, получившие назначение в Индию, нуждаются в двух прошедших обучение медсестрах, чтобы сопровождать их и помогать в миссии.

Анна вызвалась: «Если будет послана семейная пара для продолжения моей работы в Миссисипи, я поеду в Индию и останусь там до Пришествия Господа».

Паркер Атвуд и его жена согласились принять руководство эльсвилльской школой.

С пятью другими миссионерами Анна отплыла в полный неизвестности путь к берегам Индии. Они прибыли в Бомбей ночью и сели на поезд до Калькутты.

Да, Индия оказалась почти такой, какой она себе представляла ее. Узкие улочки, в которых ключом била человеческая жизнь. Дети-попрошайки, соревнующиеся за каждую монетку, брошенную иностранцем. Неприятные запахи, исходящие от людей, всю жизнь проводивших на улице. Воры, выискивающие любую возможность что-нибудь стащить и затем исчезнуть в толпе. Калеки и прокаженные были обычным зрелищем. И, конечно же, жара! Беспощадная, немилосердная жара! «Вскоре я увидела, что все, что я слышала и читала об Индии, оказалось сверх меры реальным», - утверждала Анна.

Ее работа в санатории в Калькутте была кратковременной, поскольку возникла необходимость переехать в Карматарскую миссию. Обязанности Анны были очень разнообразными - от вскрытия нарывов и удаления зубов до преподавания Библии и руководства работой в саду. Везде, где она пыталась улучшить методы работы, ей возражали: «Возможно, это подойдет для Америки, но в Индии не сработает». Однако при помощи волов и плуга она возделывала почву и успешно выращивала для миссии овощи.

Чужестранцы часто сталкивались с опасностями. Многие подверглись грабежам, а некоторые даже были убиты. Однажды ближе к вечеру Анна ехала на своем велосипеде на почту, чтобы отправить письмо. Прохлада вечернего воздуха казалась такой освежающей, что она решила провести некоторое время в парке. Незадолго до захода солнца голос сказал ей: «Пора идти домой». Она никого не увидела, поэтому решила покататься еще чуть-чуть. Вдруг она заметила мужчину, стоявшего на краю дороги. Внутренний голос сказал ей: «Езжай быстрее!»

Как только она приблизилась к незнакомцу, тот выскочил на дорогу и попытался остановить ее. Переднее колесо велосипеда ударило о бордюр, и Анна упала. Быстро вскочив на ноги, она закричала: «Полиция! Полиция!», но вокруг не было ни одного полицейского.

Последовала рукопашная схватка. Он попытался задушить ее, затем сорвал с нее золотые часы, висевшие на цепочке у нее на шее, и убежал прочь.

Друзья по общежитию были в шоке, увидев ее окровавленные руки и платье вследствие сильного удара грабителя. После ее рассказа они начали вспоминать некоторые ужасные происшествия, случившиеся на той самой дороге. Позже Анна описывала свой опыт: - Больше всего меня поразил тот факт, что если бы я послушалась голоса, повелевавшего мне идти домой, то ничего не случилось бы».

Пробыв в Индии некоторое время, Анна получила письмо из дома, извещающее о том, что супруги Атвуд вынуждены оставить свою работу из-за продолжающихся угроз, исходящих от некоторых недружелюбно настроенных людей в поселке. Некоторые яростно возражали против школы, говоря: «Это дело образования приносит нам беду. Нам нужны дети для помощи в обработке полей». После того как Атвуды уехали, их дом и новая школа Анны были сожжены дотла. Анна сидела и заливалась слезами.

Однако следующее письмо подняло ей настроение. Написанное детскими каракулями, оно сообщало: «Почему бы вам не возвратиться и не учить нас самим? Вы понимаете нас, и вы не из пугливых. Почему вы находитесь там, пытаетесь обратить язычников, в то время как ваш собственный народ, здесь дома, вырастает язычниками?»

Вместе с подругой Фридой Хегерт Анна часто отправлялась распространять литературу и продавать «Восточный страж», «Лондонское доброе здоровье» и «Вестники рассвета» в Карматар, Равальпинди, Пешавар - в зависимости от сезона и когда они спасались от обжигающей калькуттской жары. Когда они впервые прибыли в Пешавар, Анна узнала об индийском базаре, где продавались свежие овощи. Уставшая от однообразной еды, состоящей из риса с карри, она взяла свой велосипед и загрузила его капустой, морковью, горошком, картофелем. Делая покупки, Анна заметила несколько высоких туземных мужчин, одетых в странные одеяния и вооруженных большими ножами. Придя домой, она рассказала хозяйке о своей прогулке за покупками, чем привела ее в изумление.

- Присутствие европейцев нежелательно на этом рынке! - воскликнула хозяйка. - Это чудо что вы остались живы! Там существует обычай убивать по возможности больше христиан и чужестранцев, дабы снискать благоволение своих богов.

Наконец пришло время возвращения. Это будет чудесно - вернуться в Америку и к себе домой! Опустевшая школа в Миссисипи нуждается в своей учительнице. Новое здание уже было частично построено в ожидании ее приезда. Собралось множество близких и родственников, чтобы приветствовать прибытие миссионера домой. Анна рассказала им о далеких краях, где ей довелось трудиться, и о том, как Бог избавлял ее от опасностей. Она поведала об огромной нужде Индии в Евангелии и как больно ей было видеть людей, поклоняющихся изображениям рыб, крокодилов, быков и других тварей. «Если бы у меня было сто жизней, - сказала мисс Найт, - я бы потратила их на то, чтобы совершать служение в иностранных миссиях в Индии».

Вскоре после этого Анна получила письмо из Юго-восточной унионной конференции с предложением приехать в Атланту, чтобы возглавить медицинский персонал нового санатория. Она обдумывала предложение несколько месяцев, и эта мысль не покидала ее.

Атланта была слишком сложным местом, чтобы использовать методы гидротерапии для лечения болезней.

Однако здесь Анна Найт организовала местное отделение Молодежной Женской Христианской Организации и использовала возможности санатория, чтобы учить женщин домашнему сестринскому делу, приготовлению здоровой пищи и оказанию первой помощи. Она также проводила около 500 библейских занятий в год. Благодаря этому количество членов местной церкви удвоилось. Позже она работала секретарем в молодежном отделе и отделе образования униона. В возрасте 98 лет Анна Найт все еще была активной, исполняя обязанности президента Национальной Расовой Ассоциации Учителей.

Источники:

Анна Найт. Девушка из Миссисипи Адвентист Ревью, 18октября 1984г.

Библиография

- Bates, Joseph. Autobiography. Battle Creek, Mich.: SDA Pub. Assn., 1865.
- Bliss, Sylvester. Memories of William Miller. Boston: J.V. Himes, 1853.
- Chilson, A.D. Gospel Viking. Washington, D.C.: Review and Herald Pub. Assn., 1981.
- Trial and triumph on a Western Frontier. Washington, D.C.: Review and Herald Pub. Assn., 1981.
- Christian, Lewis. Pioneers and Builders of the Advent Cause in Europe.
- Covington, Ava. They Also Served.
- Daniells, A.G. The Abiding Gift of Prophecy. Mountain View, Calif.: Pacific Press Pub. Assn., 1936.
- Delafield, D.A. Ellen G. White in Europe. Washington, D.C.: Review and Herald Pub. Assn., 1975.
- Dick, E.N. Founders of the Message. Washington, D.C.: Review and Herald Pub. Assn., 1938.
- Durand, Eugene. Yours in the Blessed Hope: Uriah Smith.
- Froom, L.E. The Prophetic Faith of Our Fathers: Washington, D.C.: Review and Herald Pub. Assn., 1946.
- Historical Sketches of Foreign Missions, Basel, Switzerland: Imprimeria Polyglotte, 1886.
- Jensen, Kathryn. Kate Lindsay, M.D.
- John, Wanen and Richard Utt. The Vision Bold.
- Knight, Anna. Mississippi Girl, Nashville: Southern Pub. Assn., 1952.
- Loughborough, J.N. Great Second Advent Movement. Nashville: Southern Pub. Assn., 1905.
- Rise and Progress of the Seventh-day Adventists. Battle Creek, Mich.: General Conference of Seventh-day Adventists, 1892.
- Munger, Hiram. Providences of God in the Life of J.G. Matteson.
- Miller, William. Apology and Defense, Boston: Joshua V. Himes, 1845.
- Moon, Jerry. W.C. White and Ellen G. White. Andrews University Press, Berrien Springs, 1993.
- Munger, Hiram. Life and Religious Experience. Boston: Advent Christian Pub. Society, 1855.
- Nelson, Kathryn J. Kate Lindsay, M.D. Nashville: Southern Pub. Assn., 1963.
- Nichol, F.D. Midnight Cry.
- Olsen, M.E. A History of the Origin and Progress of Seventh-day Adventists. Washington, D.C.: Review and Herald Pub. Assn., 1925.

- Roblnson, Ella. Lighter of Gospel Fires. Mountain View, Calif.: Pacific Press Pub. Assn., 1954.
- Stories of My Grandmother. Nashville: Southem Pub. Assn., 1980.
- Roblnson, Virgil. Cabln Boy to Advent Crusader. Nashville: Southem Pub. Assn., 1980.
- Flame for the Lord. Washington, D.C.: Review and Herald Pub. Assn., 1975.
- Schwarz, Richard. John Harvey Kellogg, M.D. Nashville: Southern Pub. Assn., 1970.
- Lightbearers to the Remnant. Seventh-day Adventist Encyclopedia. Hagerstown, Md.: Review and Herald Pub. Assn., 1996.
- «Sketches of the Past», Pacific Union Recorder, Jan. 3, 1907- Mar.6, 1914.
- Smith, Uriah. Defense of Elder James White and Wife.
- Spalding, A.W. Origin and History of Seventh-day Adventists.
- Washington, D.C.: Review and Herald Pub. Assn., 1961.
- The Vision Bold. Washington, D.C.: Review and Herald Pub. Assn., 1977.
- Wall, Ava C. They Also Served. Washington, D.C.: Review and Herald Pub. Assn., 1940.
- White, Arthur L. Ellen G. White. Washington, D.C.: Review and Herald Pub. Assn., 1981-1986.
- White, Ellen G. Life Sketches. Mountain View, Calif.: Pacific Press Pub. Assn., 1915.
- Selected Messages. Washington, D.C.: Review and Herald Pub. Assn., 1958. Book 1.
- Spiritual Gifts. Battle Creek, Mich.: Seventh-day Adventist Pub. Assn., 1858-1864.
- White, James. Life Incidents. Battle Creek, Mich.: SDA Pub. Assn., 1868.

Он предстояло покорить мир

Адриэл Чилсон был женат на Уинифред Уайт, правнучке Эллен Уайт. Он собрал и тщательно исследовал многочисленные рассказы, услышанные на семейных встречах, чтобы эту коллекцию биографий передать нам. Чилсон служил в качестве пастора-евангелиста в штатах Орегон, Висконсин и Небда. Последним местом его работы был Колледж Плейс, штат Вашингтон.

Каждая глава книги изображает одного из пионеров Церкви Адвентистов седьмого дня. Всестороннее авторское исследование духовных корней этих людей раскрывает множество малоизвестных фактов из их биографий и помогает воочию представить себе сегодня тех смелых мужчин и женщин. Возьмем, к примеру, Джозефа Бейтса. Настоящий британец! Он был схвачен и силой принужден служить пять лет в британском военно-морском флоте. Урия Смит изобрел знаменитую школьную парту с откидными стульями, а также усовершенствованную деревянную ногу — замену той, которую ему ампутировали без анестезии. Во время этой операции его удерживали мать и сестра Энни, которая позднее увидела во сне Джозефа Бейтса в ту самую ночь, когда сама приснилась Бейтсу.

Среди пионеров были и женщины. Двое из них — Анна Найт и Кэйт Линдсей — носили пистолеты. Эдит Браунсберг была на мгновение ослеплена сияющим ангелом, который прошел сквозь крышу зала, чтобы укрепить проповедующую Эллен Уайт. Уилли Уайт отвоевал руку Мэри Кэлси у Джона Харви Келлога, чьи электрические медицинские приспособления украсили Букингемский и Виндзорский королевские дворцы. А кто был тем повелевающим незнакомцем, который прекратил нарушение порядка во время проповедования пионера Джона Мэттисона? Бог использовал этих иногда таких немощных людей с целью создать движение, дабы покорить мир вестью о грядущем Спасителе. Об этих замечательных личностях и повествует книга.